

МО
ССА
ЛИТ
МО
ССА
ЛИТ
МО
ССА
ЛИТ
МО
ССА
ЛИТ

BAZAR

№ 1 (3) 2012

Журнал Московского Салона Литераторов www.mossallt.ru

*Tous les genres sont bans,
hors le genre ennuyeux.*

*Все жанры хороши,
кроме скучного.*

Журнал выходит в рамках
проекта «МОССАЛИТ»,
руководитель проекта
Ольга Грушевская

Главный редактор
Светлана Сударикова
Редактор-корректор
Ирина Чижова
Художественный редактор
Ольга Грушевская

Редакционный Совет
Анна Народицкая
Зинаида Кокорина
Мария Панфилова

Для писем
mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ

Колонка главного редактора

Зима в этом году выдалась какая-то странная: то все тепло да тепло было, а то вдруг ударили морозы, да такие, что ни одна шуба не спасает. И на улицу выходить не хочется. Завернуться бы в теплый плед, взять журнальчик полистать. Или книжечку. И чашку горячего чая, с лимончиком. У вас такого желания не возникало? А если б еще и камин полыхал, взрываясь снопами искр... Увы, приходится вставать спозаранку и - по делам. А с этим непереводом времени, когда в одиннадцатом часу светать начинает, просыпаться так тяжело!

Потом целый день зевота разбирает. Только к вечеру и разгуляешься, а тут по времени уж и спать пора ложиться. А днем все бежишь, бежишь, вечно куда-то опаздываешь, а если и не опаздываешь, то все равно торопишься. И эта спешка уже стала нормой жизни. Как будто, если не поспешишь, обязательно опоздаешь, а если остановишься - вовсе пропадешь. Вот так и мчишься по жизни наперегонки со временем. А не попытка ли это ускользнуть от самого себя? Ведь чем больше двигаешься, чем быстрее бежишь, чем больше успеваешь сделать за определенный промежуток времени, тем скорее вытесняешь внутреннюю неудовлетворенность собой, забываешь о прошлых грехах, о недостигнутых целях, недоделанных делах, невыполненных обещаниях. И не нужны ни плед, ни чай с лимоном, ни камин, потому что ровно через пять минут праздного безделья, благостного и вроде бы такого долгожданного, начинаешь беспокоиться: а не забыл ли сделать что-то важное? Вдруг кому-то забыл позвонить? С кем-то не встретился? Да и в комнате не мешало бы прибрать, в магазин сбегать, на худой конец, мусор вынести. Так что заберите ваш плед вместе с чаем и камином к чертовой бабушке! Ведь так страшно остаться наедине с собой, лицом к лицу с собственным я.

Может, стоит все же остановиться, хотя бы ненадолго, и попытаться начать жить осознанно, неторопливо и продуманно, отдавая себе отчет в том, что происходит, а не просто мчаться по жизни без оглядки; осмыслить события, посмотреть на вещи более пристально, а не второпях скользнув мимолетным взглядом? И самому себе ответить на вопрос: имеет ли смысл бежать так быстро, тем более если бежишь не в ту сторону?

Ваша Светлана Сударикова

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ИНТЕРВЬЮ

Интервью с главным режиссером театра «Комедиантъ» **ИРИНОЙ ЕГОРОВОЙ (МОССАЛИТ, Москва)**

- *«ПОД КРЫЛОМ МИХАИЛА БУЛГАКОВА, или НЕ БЫЛО БЫ СЧАСТЬЯ, ДА КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС»* 5

ПРОЗА

ВСЕВОЛОД КРУЖ (МОССАЛИТ, Москва)

- *БОГОМАЗ* 8
- *ПРОВОДОЧЕК* 11

АЛЕКСЕЙ КАРЕЛИН (Брянск)

- *НОЧЬ ПОСЛЕ РОЖДЕСТВА* 14

СТАНИСЛАВ ШУЛЯК (Санкт-Петербург)

- *ШПИОН* 19
- *ОТЕЛЬ* 28

ПОЭЗИЯ

ИРИНА ЕГОРОВА (МОССАЛИТ, Москва)

ОЛЬГА УВАРКИНА (МОССАЛИТ, Москва)

ВЛАДИМИР ГЕРЦИК (Москва)

(из сборника «Бабочка над асфальтом. 108 хокку»)

ИРИНА БОЛДИНА (Москва)

ВЛАДИМИР ГОММЕРШТАДТ (Москва)

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

ЗИНАИДА КОКОРИНА (МОССАЛИТ, Москва)

- *РАЗВИТИЕ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

АНДРЕЙ ПАРОШИН (МОССАЛИТ, Москва) - Поэзия

ДАША ЗАЛЕССКАЯ (Москва) – Поэзия

НАСТЯ ОМЕЛЬЧЕНКО (Москва) – Поэзия

ДАША КОСОВА (Москва) - «Воспоминания о лете» (серия фоторабот)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ САЛОН

АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- *КРАСОТА В МИНИАТЮРЕ*

62

СМЕХОТЕКА

ИЛЬЯ КРИШТУЛ (Москва)

- *СПИСОК ПЕРЕСЫПКИНА*

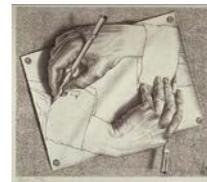

67

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

СТЕФАНИЯ СОЛИС

- *ИЗ ДНЕВНИКОВ ГИМНАЗИСТКИ ГРУШКИНОЙ*

70

ИРИНА ЧИЖОВА

- *ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЖИЗНИ В ПИТЕРСКОЙ КОМУНАЛКЕ*

74

ТЕАТРАЛЬНЫЙ АБОНЕМЕНТ

АЛЁНА ЧУБАРОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- *ПРОШЛОЕ, КОТОРОЕ НЕ ПРОХОДИТ*
- *ШОКОЛАДНЫЕ ЭКЛЕРЫ*

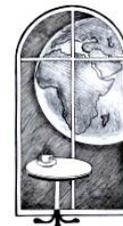
79

82

СТОЛИК У ОКНА

Рубрику ведет **АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)**

- *КОМПЛИМЕНТ НАОТМАШЬ, или ПРАВДА О ЖЕНСКОЙ ДРУЖБЕ*

94

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

ИГОРЬ БУРДОНОВ

- *ДЛИННАЯ РЕКА
(Три стихотворения, написанные в Китае)*

97

В оформлении журнала использованы репродукции картин М. К. Эшера, Д. Анненкова, И. Бурдонова, авторские рисунки А. Кучерова, А. Народицкой, а также фотоработы из электронного ресурса (URL в тексте). На обложке фото А. Грушевского «9 мая».

ИНТЕРВЬЮ

с главным режиссером театра «Комедиантъ»

ИРИНОЙ ЕГОРОВОЙ

(МОССАЛИТ, Москва)

ПОД КРЫЛОМ МИХАИЛА БУЛГАКОВА, или НЕ БЫЛО БЫ СЧАСТЬЯ, ДА КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС

Как утверждал легендарный Воланд, квартирный вопрос москвичей испортил. Вот уже и новый век на дворе, а вопрос этот дамокловым мечом висит над головами жителей столицы. Многие небольшие московские театры страдают от невозможности арендовать хотя бы маленькое помещение под репетиции, а играть приходится в школах и детских садах. Поставить спектакль взрослого репертуара и сыграть его на хорошей сцене – позволить себе такое бездомный театр без спонсоров даже и не мечтает.

Так что же делать? Переходить на камерные сказки и мечтать о лучших временах? Или распускать коллектив и стучать в чужие двери? А если есть свои идеи? И не реализовать их просто невозможно?!

*«Раз нет возможности свершить,
И нету права – не свершиться!..»*

Это уже из стихов Ирины Егоровой, главного режиссера театра «Комедиантъ», театра, прошедшего все круги ада бездомности, не раз бывшего на грани катастрофы, но...

- Не было бы счастья, да несчастье помогло – народная мудрость глубже, чем кажется на первый взгляд, - говорит Ирина. - Как часто мы клянем судьбу за трудности, которые она нам посылает, а потом, по прошествии лет, вдруг понимаем, для чего были нужны эти испытания! И оказывается, что сегодняшняя удача была бы просто невозможна без вчерашнего кошмара.

Когда впервые возникла мысль ставить спектакль в музее-квартире Михаила Булгакова, она казалась просто бредовой.

- Но ведь у театра есть спектакль «Он – Сам», который уже седьмой сезон идет в музее Владимира Маяковского?

- Музей Маяковского другое дело, там такие пространства! Огромные залы. И выставочная экспозиция – готовые декорации. А здесь-то просто квартира. Длинный коридор и комнаты по обе стороны. В одну комнату можно посадить 20, ну 25 зрителей. Никакого театрального света. Актеры от зрителей на расстоянии вытянутой руки, а то и ближе. Понятно,

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

что обычный спектакль в таких условиях невозможен. К тому же Булгаков – любитель розыгрышей и мистификаций, автор «Мастера и Маргариты», разве можно о нем – обычно?

Все лето мы с художественным руководителем театра Аленой Чубаровой читали биографические материалы. Перечитывали пьесы, романы и рассказы самого Михаила Афанасьевича. И постепенно, как из тумана, стала проявляться идея, которая манила своей фантастичностью. Сделать действие идущим сразу в двух комнатах... Одни и те же актеры для двух групп зрителей одновременно играют как бы два похожих, но все-таки разных спектакля. Убиваем сразу двух зайцев: и зрителей уже не 20, а 40, и принцип раздвоения спектакля на параллельные пространства вполне в духе Булгакова.

- Да, идея не стандартная. Но не совсем понятно, как это на практике?

- Репетировали с секундомером. Сцены писали и переписывали так, чтобы их можно было играть как в одном порядке, так и в другом. Знаете, есть такие слова и даже фразы в русском языке, которые читаются туда и обратно, типа «А роза упала на лапу Азора»? Вот нам надо было сочинить что-то такое, только в сценическом варианте.

- Какая-то фантастика.

- Вот и нам так казалось. Мы доказывали артистам, что все получится, а сами, честно признаться, сильно сомневались. Но когда мы поставили точку в последнем варианте сценария (а было это в 3 часа ночи) неожиданно за окном начался салют! Наверное, кто-то петарды запускал. Но очень много, штук 30 подряд, как в новогоднюю ночь. А ведь праздника никакого в тот день не было. Фантастика! Мы решили, что Булгаков нас благословил.

А уж когда впервые оба сценария были сыграны параллельно, и все сцены сцепились, срослись, наша «машина времени» заработала!.. Мы вышли после репетиции обалделые, глянули друг на друга заговорщически: «Ирка!..» – «Алёна!.. Получилось! Работает!!!!» Наши актёры, услышав, набросились на нас: «Так вы до сих пор не знали – получится ли?!». – «Конечно, не знали, – ответили мы, ошарашенные счастьем, – ведь до нас этого велосипеда ещё никто не изобрёл!»

- И как этот спектакль идет сейчас?

- Тьфу! Тьфу! Тьфу! Билеты за месяц заказывают. Мы потом добавили еще общее начало в коридоре: веселое, коммунальное. Ведь дом 10 по Садовой, в котором находится квартира 50, после революции стал первым в Москве домом – рабочей коммуной. Булгаков писал свою «Белую гвардию» в окружении еще тех соседей.

Потом артисты-красноармейцы разводят зрителей по двум «залам», согласно мандатам (билетам), у кого белые мандаты – те господа, а у кого красные – товарищи. Во время действия звуки из одной комнаты доносятся до другой, и это тоже играет. Действие не ограничивается пространством игрового помещения, а выходит за его пределы, распространяясь на всю квартиру.

- Ваше сотрудничество с музеем не ограничилось одним спектаклем?

- Михаил Афанасьевич взял нас под свое крыло. Театр в его жизни занимал огромное место. Он любил, понимал театр, много работал для него. Но в полной мере его «роман с театром» при жизни так и не состоялся. Возможно, поэтому театральные проекты стали составной частью работы музея. Вскоре после премьеры «Садовая, 10, далее – везде...» мы начали экспериментальный проект «Театр с листа, или Современная драматургия в квартире Булгакова», проводим театрализованные читки пьес современных авторов. А сейчас готовим к выпуску премьеру, новый спектакль «Доктор Б.»

- Снова о Булгакове?

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

- Конечно. Но теперь о периоде, когда он, только окончив университет, молодым врачом приехал работать в земскую больницу. Мы взяли за основу несколько рассказов из «Записок молодого врача» и соединили это с выставкой «Доктор Булгаков», которую проводит музей.

- А что необычного будет в этом спектакле?

- «Нехорошая квартира» на этот раз превратится... в больницу. Вместо билетов зрители получают талон к врачу, при входе примут лекарство по рецепту, а вместо антракта специальный театральный психотерапевт (работник музея) погрузит их в мир научных медицинских изысканий начала века.

- Действие будет идти снова параллельно в двух местах?

- Нет. Повторять один прием дважды... Булгаков бы нас не одобрил. Действие начинается, по сути, прямо от входной двери, идет в коридоре и в трех комнатах, но только для одной группы зрителей, которым придется играть роль пациентов. Их будет всего... 25. Мы пока не знаем, как будет окупаться этот спектакль. Театр ведь не только искусство, но еще и производство. Хотим мы этого или нет, но полет фантазии часто приходится тормозить бытовыми проблемами. Полноценного финансирования у нас нет, спасибо благотворительному фонду «Фарватер», помощь которого просто неоценима! Но, увы, недостаточна.

- М-да. Играть для двадцати пяти человек не слишком рентабельно.

- Зато... Это совершенно особая атмосфера, когда зрителей чуть больше, чем актеров, когда можно заглянуть каждому в глаза! Каждому! Это очень сильно отличается от черной пропасти зрительного зала, где свет софитов разделяет мир на тех, кто смотрит, и тех, кто показывает. На наших спектаклях никакой четвертой стены нет и в помине, зрители невольно становятся действующими лицами спектакля.

- Но интересно, как сами актеры относятся к таким спектаклям, и где им интереснее играть: на сцене или в таком вот узком кругу?

- Как играющий режиссёр осмелюсь сказать, что в тесном кругу интереснее. Ведь в такой ситуации нужны одновременно и определённая мера театральности, и киношная искренность, достоверность, и большая степень импровизации в русле заданного образа, жанра, стиля, обстоятельств. Кроме того, в такой ситуации от всех актёров требуется эмоциональная подвижность, способность по несколько раз за спектакль перевоплощаться в абсолютно разных персонажей. И колоссальное чувство партнёра, ансамбля – даже на расстоянии, особенно если спектакль идёт в двух залах параллельно и нужно точно держать ритм, чтобы совпасть по всем переходам – из зала в зал, из образа в образ. Короче, для всего этого требуется виртуозный профессионализм. Всё это мобилизует, держит в форме. Это своего рода творческий альпинизм – постоянный экстрим. Тут уж не соскучишься. Да и с артистами нам повезло, что и говорить! Такая творческая жизнь требует маниакальной отдачи – как в профессиональном, так и в человеческом плане.

Вообще-то, наше отношение к театру, пожалуй, точнее всего можно определить словами самого Булгакова: «В классическом японском театре, прежде чем начать игру и после того как игра закончена, кланяются до земли. Это поклон не зрителю, а тому, кто дал возможность совершить игру. Подмостки - пространство не только освещенное, но и освященное, требующее от актера не просто читки, но и... «полной гибели всерьез». Маленький театр – своеобразная республика, отгороженная от остального света, один дом, одна семья, где каждый открыт перед всеми настежь, где на сцене пытаются постичь жизнь, а жизнь понимают по законам сцены... Нет ничего в мире, на что актер променял бы эту возможность – играть! Играть значит жить – единственный смысл и закон актерского бытия».

Беседа вела Елена Константинова

ПРОЗА

Всеволод Круж

(МОССАЛИТ, Москва)

БОГОМАЗ

Холодно. Тянет январской стыlostью от окна подмосковной электрички. Я всегда сажусь у окна. Прислоняюсь к стене и дремлю. Пятьдесят четыре минуты пути из Софрина до Москвы — это время для сна. Стук колес, разговор пассажиров — сливаются в монотонный густой вязкий звук, в котором тонет сознание, всплывая ненадолго на остановках, когда ворвется чахоточным вздохом шум открывающихся дверей, закашляет объявление из динамиков. Рано еще выныривать на поверхность. Улягутся эти волны. И я опять опускаюсь на глубину.

Холодно. Сегодня никак не удастся забыться. Натягиваю капюшон, поворачиваю голову, чтобы можно было уткнуться носом в его меховую подкладку. Так лучше... А теперь — спать...

— Бог в помощь! - окликаю мужика в худом армяке, катящего деревянную тележку с кирпичами.

— Спасибо! - мужик останавливается, неторопливо вытирает пот, смотрит испытующе.

— Подскажи, сделай милость! У вас тут храм расписывает какой-то грек, Феофаном кличут. Где мне найти его?

— Феофана-то? В храме и ищи, где ж еще.

Ухмыльнулся мужик, подхватил тачку, продолжил свой путь. Я увязался за ним, догадавшись, что идти нам одной дорогой.

— А какой он? Строгий?

— Феофан-то? К кому как. Мастеровых уважает, а коли дурака валяешь — выгонит взащей. А почто он тебе?

— Поп наш, батюшка, отправил к нему учиться. Говорит, Спасителя, Матерь Божью, святых на иконах изобразить надобно. А как? Птички, цветы, лошадки у меня здорово получаются. Все так говорят. А вот лики святые... Как к ним подступиться?

Я тараторил без умолку, радуясь, что могу излить кому-то свои сомнения, муки душевные. Мужик не перебивал, лишь посмеивался в бороду. А я ему рассказывал и рассказывал. И про село наше, что раскинулось на высоком берегу реки, и про друзей своих, и про церковь, куда ходил грамоте учиться. И про батюшку, который увидел как-то мои рисунки, позвал в церковь, когда там никого не было, подвел к алтарю. Смотри, говорит, как у нас мало икон. Коли у кого потребность возникнет молитву какому святому сотворить, как он сможет представить того, к кому обращается? А потом он список мне дал, какие иконы надобны, котомку снарядил, чтобы в дороге было, что поесть: хлеб, сало, яйца. И сюда, к вам, направил.

Так и подошли мы к храму, недавно отстроенному из красного кирпича, еще не побеленному снаружи. Внутри стояли сколоченные из досок леса, высокие, чтобы можно было до самого потолка дотянуться. Много людей не них копошились, где-то штукатурили, где-то

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

малевали небеса и облака по свежей штукатурке. Кое-где на фоне уже нарисованного фона проглядывали контуры людей в длинных одеяниях, как я догадался, святых.

– Вот это да-а! - удивленно протянул я. - На своде иконы!

– Это не иконы, это фрески, - услышал я за спиной чей-то голос, странный голос, с какими-то чужими, нерусскими нотками.

Я обернулся. Передо мной стоял высокий мужчина с длинной бородой клином, в черном балахоне с капюшоном, кое-где измазанном краской. Глядел неодобрительно.

– Что тебе здесь нужно?

– Феофана ищу, - робко ответил я.

– Зачем?

Внезапно я понял, что это он самый передо мной и стоит. По тому, что чувствовал он себя здесь хозяином, по силе внутренней, исходившей от него, поговору его странному.

– Возьми меня к себе учеником! Мне надобно научиться иконы писать. Позарез надобно!

Пристально посмотрел на меня Феофан, кольнул взглядом.

- Андрейка! - подозвал к себе одного из помощников. - Отведи его в избу, задай копию иконы Спасителя сделать.

В избе тепло, вдоль окон крепкие широкие столы, за ними юноши сидят, перерисовывают образы, стараются. Андрейка отводит мне место, ставит передо мной икону, раскладывает кисти, краски, загрунтованную доску.

- Как краски делать да грунт накладывать, я тебя потом научу. А сейчас сосредоточься на образе, больше ни о чем не думай. Феофан всем сначала Спасителя назначает, он в каждой церкви должен быть. Надобно, чтобы получилось похоже. Запоминай лики, положение рук, головы. У каждого святого есть свой канон, иначе как прихожанин узнает его. Помощи не проси, сам старайся.

Корплю, стараюсь, выписываю одежды, руки. Это я умею. Лицо оставляю на потом. Всматриваюсь пристально в глаза. Они завораживают, утягивают в глубь бездонную, божественную. Как же долго я заканчиваю образ! Наругают, как пить дать, наругают!

Замечаю, что сзади стоит Феофан, пугаюсь, вскакиваю. Он кладет руку на плечо, усаживает.

- Ты прав, отрок. Глаза — это самое главное. Люди приходят к святым в самые важные моменты жизни, в горе, в радости, в раздумье о пути своем. Они должны полностью доверять тому, к кому обращаются. Чтобы написать бога, надо самому быть немного богом. У тебя это получится, богомаз...

Холодно. Просыпаюсь, чтобы усесться поудобнее. Мне часто снятся сны про древнюю Русь, вижу в них храмы, мастеров-иконописцев. Кажется, я был там много лет назад, в своей прежней жизни. Я был одним из них. И все прошедшие с тех пор века писать лики святых — моя стезя, моя судьба, мое призвание. Потому и пошел работать в Софрино, в мастерские, которые называются «Художественно-производственное предприятие русской православной церкви». И пусть зарплата маленькая, и добираться далеко, но я себе не представляю другой жизни. Моя работа - это данность, это дар, это то, что приходит свыше и чего нельзя изменить. А значит, надо принять и любить.

Там, в Софрине, огромное производство, цеха, где создают различную церковную утварь, своя торговая сеть, план, маркетинг и все такое прочее. А как иначе, если продукция расходуется по всей России, для всех храмов и всех верующих. Народ в штате простой, в основном из соседних деревень. А где еще они найдут работу? Штампуют продукцию, как по лекалам, гонят план. Удивляются, что, мол, я в Москве работу себе найти не мог, где бы

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

хорошую зарплату платили? Не мог... Отшучиваюсь или молча улыбаюсь. Наверное, глупо выгляжу. Плевать! Я привык к насмешкам...

Мне неинтересна математика. Поэтому я и сел на последнюю парту. Учительница пишет что-то на доске, объясняет. Но ее голос тонет в гуле, который устроили двоечники, сидящие рядом со мной. Я представляю, что доска — это ночное небо, а написанные мелом буквы и цифры — звезды. Бескрайний, непостижимый космос. А учительница, она как бог — стирает мокрой тряпкой звезды, берет мел и запросто так создает новые.

- Богомазов, иди к доске.

Стартую в космос на своем старом раздолбанном звездолете.

- Как ты решишь эту задачу?

Молчу. Что я могу сказать богу?

Возвращаюсь с очередной двойкой. Сосед-второгодник толкает меня в бок.

- Слышь, Богомаз, нарисуй училку!

Рисунками я выкупаю у них свободу. Они не трогают меня, воспринимают как предмет, не мешающий, но иногда способный позабавить. Портрет получается похожим на икону.

—Зырь, Серый, училка-богомать!

—Какая мать?

Ржут. Они еще не понимают. Еще не пришло время...

Холодно. Это не только зимний холод. Я чувствую холод в душах людских. Их бесчувственность, злоба, гордыня выхолаживают меня изнутри. Как их согреть?

Сквозь полуприкрытые веки вижу сидящую напротив женщину, еще не старую, в сером пальтишке с меховым воротником, серый пуховой платок на голове. К груди прижимает сверток, в котором, похоже, находится картина. Она замечает мой взгляд.

- Ты прости меня, мил человек, не откажи, выслушай. Я сюда, в Софрино, почитай, тыщу верст ехала.

Молчу, смотрю на нее. По всему видно, что выговориться ей надо, душу свою излить. Перед незнакомым человеком это сделать проще.

- Беда у меня приключилась. Прошлым летом мужа похоронила, царство ему небесное, а недавно сын на машине разбился. Одна я осталась, внуков бог не дал.

Слезы по щекам текут, но не прерывает свой рассказ. И про то, говорит, что руки на себя чуть не наложила, и про то, как увидела в церковной лавке икону Спасителя, глаз не могла оторвать от нее, купила, на полочку в красном углу поставила.

- К жизни меня этот образ вернул, и захотела я иконописца того найти, спасибо от всего сердца сказать. Бирка-то есть, что в Софрино изготовлено, а кто автор, неизвестно.

Она развернула прижатую к груди картину ко мне лицом. Я сразу узнал ее. Это была та самая икона...

Лик не удавался. Казалось бы, уже десятки раз пишешь, как под копирку, одно и то же. Но нет, каждый раз Спаситель получается другим. Он как будто живет своей жизнью, а я лишь выхватываю Его портрет, освещенный на секунду, как фотовспышкой, в моем сознании. А сейчас как будто сбой какой произошел — не могу представить Его глаза. Мучаюсь, перекладываю бесцельно кисти с места на место. Подходит сотрудница Валька, веселая шустрая деваха.

- Хорош дурью маяться, пойдём покурим.

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

–Ты же знаешь, я не курю.

–А это неважно, разговор есть.

Может, она и права, надо немного отвлечься.

- Ты так ничего не заработаешь, сидишь, пялишься на икону, будто первый раз видишь.

Время теряешь, а значит, и деньги.

Я молчу. Как объяснить ей, что по-другому не могу. Валька глубоко затыгивается, смотрит на меня внимательно.

– Халтурка есть для тебя. Есть у нас в деревне тетя Даша такая, напиши для нее Божью Матерь. Я тебя сведу с ней после работы, а ты там уж сам договаривайся.

– А что сама не напишешь? Или вон в лавке пусть купит.

Валька улыбается.

- Это не простая тетка, я ей по гроб жизни обязана. Вот и обещала ей лучшего мастера.

Я написал икону этой тете Даше, видел ее посветлевшее лицо, денег не взял. Только время от времени Валька приносила от нее посылки, от них не отказывался.

А тогда, вернувшись с перекура, я попросил Вальку дать мне зеркало. Зачем, удивилась она, но, порывшись в сумочке, протянула маленькое круглое зеркальце. Глядя в свои глаза, я дописал Спасителя...

И вот теперь я узнал эту икону. Мы не ставим свои подписи, найти по работе иконописца практически невозможно. Моя соседка по вагону зря сюда приехала.

- Спасибо, что выслушал, мил человек. Извини, что побеспокоила. Но есть в тебе что-то... от образа вот этого. Не знаю что, может, глаза... Я и дома вот так же, смотрю на Него, рассказываю о жизни своей, и кажется, Он все понимает. Только молчит... так же, как ты. Я много думала о том, кто написал эту икону. Ведь как оно было – смотрела я в церковной лавке на иконки, что в ряд стояли, вижу, что святые на них, даже имена их подписаны, а не трогают, прости, Господи. И вдруг... как утонула в этих глазах. И скорбь, и понимание, и прощение. Как в вечность заглянула. И надежду нашла. Вот ведь как... Чтобы так написать бога, надо тоже быть немножко богом.

ПРОВОДОЧЕК

Вот ты говоришь – блондинки глупые, недаром про них столько анекдотов придумали. Позволь с тобой не согласиться! Я про них много чего знаю, у меня жена блондинка. Вот был не так давно такой случай.

Поехали мы с женой и сыном участок смотреть для дачи. Хотелось, знаешь ли, чтобы и подъезд был хороший, и лес грибной, и речка такая, чтобы и покупаться можно было, и рыбку половить. И что ты думаешь? Нашли! Всем нашим семейством, с женой и сыном, приехали. Председатель нам все так красиво расписывает. И чего старается? И так уж, как это бывает, лег глаз, прикипело сердце. Чувство такое – вот это оно, мое. С пригорочка, на котором мы стоим, скатываются вниз к реке дачные домики. А за рекой – лес, поле, освещенное полуденным солнцем. Простор! Красота!

В общем, дали мы свое согласие, председатель обрадовался:

- Ну, вот и хорошо! – говорит. – Теперь у нас денежки в кассе прибавятся, глядишь, и дорогу гравием отсыпем, а то после дождей скользко у нас, буксуют легковушки.

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

Я улыбнулся, мол, какие пустяки, завел машину... и забуксовал. Семейство мое с председателем сзади машины пристроилось, толкают. Вот уж раскачали, последнее усилие осталось, я газую, пошла машина. И вдруг повело ее вбок, да на соседские кусты красивые. Вылезаю. Кусты помяты, все трое моих толкачей по уши залеплены грязью. Вот ведь неприятность какая!

- Ничего, – говорит председатель, разглядывая свою одежду теперь уже камуфляжного цвета. – Сейчас веток наломаем, под колеса подложим и еще раз толкнем.

Наломали, подложили, навалились. А машина, вот ведь еще беда, не заводится. Стартёр крутится, а двигатель не схватывает. Жена с сыном, чувствуя, что это надолго, пошли к речке отмываться, а я взялся штудировать книжку по ремонту.

Разобрался, конечно, что это у меня бензонасос не работает. А что тут поделаешь, когда запчастей нет! А жена подошла, посмотрела на все это и говорит:

- Может, проводочек какой-нибудь оторвался?

Председатель понимающе посмотрел на меня, подмигнул. Понятно, мол, блондинка! А я только рукой махнул – ну, надо же такую чепуху сказать! А сам спрашиваю у председателя, знает ли он, где тут автосервис поблизости есть. Он мобильник достал, такси вызвал. Что ты!

Приехали мы в центральную мастерскую в ближайшем городе. А день-то воскресный, закрываются они рано. Еле-еле отловил автослесаря. Так, мол, и так. Ситуацию ему объясняю, с собой зову. А он отнекивается. Странный такой, деньги, что ли, ему не нужны? Но объяснил толково, какие запчасти могут понадобиться, обрывки проводочков каких-то в руку сунул. Подключи, говорит, для проверки бензонасос напрямую к аккумулятору.

Рванул я в магазин, купил предохранителей, реле там всяких. Только на бензонасос денег пожадничал, мало их у меня в кошельке оказалось. Вернулись обратно, стал я все по порядку менять. Время идет, а толку чуть. Я нервничаю – завтра на работу, машину-то без присмотра у черта на куличиках оставлять ох как не хочется. Жена опять же с проводочками этими дурацкими, которые мне слесарь подсунил, крутится рядом.

- А это ты, - говорит, - пробовал заменить?

Не выдержал я, попросил всезнающего председателя эвакуатор вызвать. Он вынимает мобильник, набирает номер, передает трубку мне. Я подробности все выясняю – что, почему? Мне цену называют, так у меня чуть глаза на лоб не вылезли!

- Сколько-сколько?! Да в Москве в два раза дешевле!.. А других вариантов нет? – это я уже у председателя спрашиваю. – Обдираловка какая-то!..

А что делать? Конкуренции у них нет, монополисты чертовы!

- Ну, давайте, - говорю, - приезжайте.

Долго ли, коротко ли, приезжает эвакуатор. Молодой парень, водитель, лихо разворачивается и... тоже буксует на скользком пригорке.

- Щас, это мы мигом! – он выскакивает из кабины и цепляет трос лебедки к основанию столба у соседского забора.

- Ты... эта... - переполошился председатель.

Но было уже поздно. Взревел мотор, закрипела лебедка. Эвакуатор дернулся и пошел... пошел столб. Накренился, потянул за собой заборные секции. В общем, забор соседу своротили, машина ни с места, а эвакуатор еще больше в грязи завяз.

Неунывающий водитель, не обращая внимания на разгневанного председателя, с крюком в руке направился к столбу линии электропередачи. Я живо представил себе, как рухнет и этот столб и все товарищество остается на неопределенное время без электричества. Каково же было мое удивление, когда председатель подошел ко мне и попросил буксировочный трос, чтобы нарастить лебедочный.

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

Перечить я не стал, а только смотрел, как под неусыпным контролем главы садового товарищества эвакуатор пытается вытащить сам себя из весьма затруднительного положения.

Чпок! Внезапно порвался мой трос, явно не рассчитанный на такую нагрузку, и пребольно ударил по ноге наблюдающего за процессом председателя. Его слова я, пожалуй, здесь повторять не стану.

- Ой! – вскрикнула моя впечатлительная жена, закрывая глаза.

- Это проводочек порвался, – почему-то я употребил ее термин. – Зато вон те проводочки целы. – И посмотрел на электрические провода.

Парень-водитель позвонил на базу, чтобы, значит, вызвать другого эвакуатора, который эвакуировал бы этого эвакуатора. Начало смеркаться.

После того как спасательная экспедиция с участием двух специальных машин успешно закончилась, нас привезли на стоянку на окраине города. Стоящие рядами убитые в дорожных катастрофах автомобили навевали тягостные чувства. Нашелся местный умелец, невысокий худой мужичок, каким-то чудом ввинтившийся в узкую щель под машиной и быстро открутивший бензонасос.

- Ну, хозяин, беги, покупай новый.

Скрепя сердце, я занял у хромающего председателя недостающую сумму, вызвал такси и поехал искать в готовящемся ко сну городе открытый магазин автозапчастей. Удивительно, но мне это удалось!

Когда я вернулся к машине, меня встретил мужичок-умелец с возгласом: «А ведь он работает, зараза!» - и полез устанавливать на место старый бензонасос. Машина упорно не хотела заводиться.

- Может, там проводочек какой? – опять влезла со своим советом жена.

В ответ донеслось невнятное рычание. В дело пошел новый бензонасос...

Фонари слегка освещали площадку унылым белым светом. Гостеприимный сторож показывал жене сломанную газель с вполне сохранившимся салоном и предлагал принести матрас и одеяло, чтобы можно было переночевать. И тут перепачканный мужичок вынырнул наконец из-под машины.

- Ну-ка, попробуй завести!

Без всякой надежды на чудо я повернул ключ в замке зажигания. И... машина привычно фыркнула, двигатель мягко заурчал... Я разом вспомнил все: запачканного грязью председателя с перебитой ногой, попорченные кусты и вывороченный соседский забор, пару доблестных эвакуаторов, прорву угроханных в ремонт денег, голодных и уставших жену и сына, которым я не разрешил поехать на такси в «Макдональдс»... Потому что вот, еще немного, мы починимся и поедем домой... Они стоически все это вытерпели...

- Что там все-таки было? – спросил я у счастливого мастера.

- Ты понимаешь, все перепробовал, по отдельности работает, а вместе – хоть убей! Так оказалось, что масса была плохо прикручена.

- А что такое «масса»? – поинтересовалась жена.

- Как бы тебе это объяснить? – говорю. – Понимаешь, к корпусу машины подходит такой проводочек...

- Проводочек? – поднимает брови жена. – А я все время говорила, что все дело в проводочке.

И тут мы с мастером и председателем переглядываемся. А ведь так и было! Немая сцена была похлеще, чем у Гоголя!

Вот! А ты говоришь – блондинки!

ПРОЗА

Алексей Карелин (Брянск)

НОЧЬ ПОСЛЕ РОЖДЕСТВА

Не так страшен черт, как нам его малюют.

Н. Лесков

Иван буквально вывалился из хаты. Чуть ли не пинком выгнали. В ночь. На мороз. Бессердечные. А всё из-за того, что он умылся святой водой. В рукомойнике вода кончилась. По темноте идти до колодца было лень. Тем более не так уж легко до него добраться, когда дорога расплывается в глазах на три. А тут глядь - в буфете банка с водой. Откуда ж было знать, что освящённая? Кума пришла в ярость. Как кум ни протестовал, отобрала водку и вытолкала Ивана за порог.

Холод сразу же стянул влажную кожу на ладонях и лице, защекотал шею. Иван с надеждой оглянулся. В двери щёлкнул замок, в зале погас свет, только гирлянда на ели продолжала мигать и переливаться. Пришлось вспомнить о своей печи.

Неуверенным шагом, петляя малыми зигзагами, Иван двинулся вперёд. Тропа скакала то влево, то вправо. Хоть сачком лови. Звёзды наблюдали за смертным с усмешкой. Даже луна дразнилась, рисовала дуги вместе с Иваном.

Вдруг небо сорвалось вниз, исчезло и вынырнуло из-за спины, чтобы вновь раствориться. Иван летел и летел в полной тьме. «Уж не конец ли света?» – подумал он и хлопнулся о камни. Взвыл от боли, хотел подскочить, но голова пошла кругом. Вспышка.

Ясный солнечный день. Маленький Иван – в коляске. Рядом – мать, молодая, с добрыми светлыми глазами, напевает колыбельную. Горло дерёт от сухости, мутит. Иван хнычет, замечает обеспокоенный взгляд матери и ревёт во всю глотку. Вот она! Заветная бутылочка с водкой. Мать куда-то уходит, но Ивану всё равно: он любит, как стекло бутылочки играет солнечными лучами. На коляску падает тень – это не пойми откуда взявшийся кум загоразживает солнце. Он вырывает из рук бутылочку, осушает её в несколько глотков и со злобным смехом даёт дёру. А Иван плачет, плачет и плачет...

Иван резко сел, взмокший от холодного пота. Страшнее сна ещё не видал.

Отдышался, осмотрелся. Где он? Тепло, как на печи. То ли глаза багрянцем заволокло, то ли... Неужели сарай горит?

Иван вмиг оказался на ногах. Несколько шагов, и он понял, что не дома. Словно исполинский червь прогрыз в скале коридор. Прямоком к жерлу вулкана. Иначе почему так жарко и всё залито красным светом?

Иван перекрестился – ничего не изменилось, не морок.

Если Иван как-то вошёл сюда, значит, может и выйти. Позади – напряжённая тьма, по бокам – камень. Путь один – вперёд, к свету.

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

Чем дальше Иван шёл, тем больше хотелось повернуть вспять. Хмель выветрился быстро: стоило только рассмотреть, чем скалится коридор. С потолка, подобно сталактитам, свисали ноги, из пола тянулись окоченевшие руки. На стенах проступали очертания замурованных тел: кто рвал цепи, кто неистово кричал, кто смиренно закрыл глаза – каждого вечность заковала по-разному. Жар нарастал, капли пота скопились над бровями, струились по спине. Поначалу неясный шум распался на стенания, шипение, треск костра, бульканье, шарканье – на целый бал звуков.

Коридор раздался вширь, потолок резко ушел ввысь. Иван осенил себя крестным знаменем и прошептал: «Неужто матушке-земле надоело, что по ней топчется этакий остолоп? Ведь мы никак ролями поменялись».

Огромную пещеру занимали тысячи котлов, в которых варились на медленном огне нагие люди. Одни болтались в воде, как поплавки, и что-то шептали в бреду. Другие кричали, плакали, пытались выскочить из кипятка, но их заталкивали обратно пузатые лысые коротышки с козлиными ногами и кожей болотного цвета.

Хлоп! Иван вздрогнул и задрал голову. Под сводом пещеры парили, точно надзиратели или стражники, человекоподобные существа с чёрными перепончатыми крыльями.

Хлопок повторился. В дальнем углу потолок казался зыбким, подрагивал и словно дышал. Невидимая трясина звонко поглощала прыгающих в неё не то собак, не то свиней. Рождество прошло, и нечисть возвращалась на землю, строить козни.

Ад. Грешники, бесы, демоны, черти... Перед Иваном, несомненно, раскинулся Ад.

Иван попятился. Здесь вряд ли найдётся выход. Лучше уж в потёмках поищет.

Обернулся и застыл. Опоздал! Заметили! Два зелёных уродца крались к нему, растянув сеть. Хотели изловить, но Иван перехватил сеть, вздёнул вместе с бесами над головой и давай раскручивать. Толстопузые карлики завизжали, точно поросята. Казалось, вцепились в сеть намертво, но вот один плюхнулся в котёл, немного погодя и второй. Иван накинул на них сеть. Путаясь в переплетениях веревок, бесы присоединились к орудиям грешников.

По пещере гулко раскатился хохот. Прогремело:

– Ко мне смертного!

Сверху скользнули тени – два демона схватили Ивана за подмышки, протащили в воздухе и швырнули к подножью трона. Иван медленно поднялся, потирая ушибленные места. Перед ним восседал юноша-гигант с белокурыми длинными волосами и мраморно-бледной кожей. За его спиной вздымались обгорелые крылья. Поникшие, немощные, точно ветви ивы. Падший ангел...

– Смертный, ты ещё жив потому, что развеял мою скуку, – громогласно сказал Люцифер. – Меня снедала тоска, пока не появился ты.

Иван заглянул Люциферу в глаза. Он не думал, что цвет ясного неба – цвет мира, чистоты и мечтаний – может таить в себе столько угрозы.

– Как ты посмел явиться ко мне? – продолжал Люцифер. – Столь рано, – добавил с усмешкой, от которой Ивана пробрал мороз.

– Я... я... не знаю.

Люцифер нахмурился.

– Ты смеёшься надо мной, смертный?

– Я... я про-провалился в снег. О-очнулся здесь... – растерянно поведал Иван.

– Значит, сама судьба послала тебя ко мне. Ты явился в тяжкий час. Рождество нагнало на меня хандру. Будешь лечить.

– Но как?

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

– Устрою тебе испытание. Пройдёшь – верну на землю, нет – будешь потешать меня, пока не надоест.

Сделка с дьяволом ещё никого до добра не доводила, но был ли выбор?

– У тебя нет выбора, смертный, – Люцифер словно мысли прочёл. – Сам ты отсюда не выберешься.

Иван чертыхнулся про себя и кивнул.

Люцифер радостно хлопнул в ладоши, крикнул:

– Привести Самсона!

Иван пал на колени, начал шептать молитвы, просить помощи у Бога. Нехристи в ужасе отшатнулись. Люцифер помрачнел, спросил гневно:

– Смертный, ты что делаешь?

Иван, будто пробудился:

– А?

Посмотрел по сторонам и почувствовал недоброе.

– Плохое начало, смертный. Не смей произносить Его имя в моём доме. Он тебе не поможет. Ему наплевать на тебя. Ему нужна лишь власть и ваша рабская покорность.

– Я... я не хотел... оскорбить вас, – еле нашёлся Иван.

Люцифер сменил гнев на милость, сказал:

– Неважно. Я слышал, русский народ славен силой богатырской. Могуч, как медведь. Одолей Самсона, и я подумаю над твоим освобождением.

Из толпы нечисти вышел демон атлетического телосложения. Самолюбиво играя мускулами, он вызвал у собратьев бурное приветствие.

Иван прикинул шансы на победу – ничтожны. Что ж, взывать в Аду к справедливости глупо. Остаётся лишь проиграть достойно, для чего нельзя выдавать страх. Грудь колесом, подбородок вздёрнуть, в глазах – огонь. Русскому морю по колено. Что нам какой-то демон?

– Готовы? – спросил Люцифер.

– Да, Ваше Темнейшество, – ответил Самсон басом.

Иван неуверенно качнул головой.

Люцифер махнул рукой. Схватились. Самсон болезненно скривился, и вот уже опрокинут на лопатки.

Иван удивился не меньше нечисти, смотрел на руки, как на чужие. «Ах ты, ирод! – всплыл в памяти голос кумы. – Это же вода святая!»

Всё стало на свои места. Иван расхрабрился. Всё же Бог с ним, чтобы Люцифер ни говорил. Теперь Иван верил, что и горы свернёт.

Люцифер озадаченно поскрёб скулу, произнёс:

– Изумил, смертный. Похвально. Но повезёт ли тебе в следующем испытании? Вителлий!

Нехристи оживлённо зашевелились. Кто-то огромный проталкивался сквозь их плотные ряды к трону. Вителлий оказался ужасно жирным бесом. Его складкам на боках не придумали числа. Щёки при каждом движении тряслись, точно студень.

– Вителлий у нас любит поесть, – пояснил Люцифер очевидное. – Я дам вам пять минут. Кто больше съест, тот и победитель.

Принесли стол, накрыли всевозможными яствами, усадили соперников. Вителлию не терпелось начать. Мясистый язык не успевал слизывать обильные тягучие слюни, и они стекали на грудь. Ничего более отвратительного Ивану видеть не приходилось. Аппетит пропал. Иван отчаялся победить. Такой обжора, как Вителлий, быка за раз проглотит.

По команде – начали. Вителлий глотал, не пережёвывая, целыми блюдами, порой с посудой. Без Божьей помощи противника не одолеть.

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

Иван опустил руку под стол и перекрестил пузо Вителлия. Тут же бес поперхнулся, повалился вместе со стулом на пол, схватился за живот и застонал. Нехристи решили, что их ненасытный брат наконец наполнил желудок. Как ни велика была радость, но снова отдавать победу смертному они не хотели. Подбежали к Вителлию и начали насильно пихать в рот баряни окорока. Обжора отбивался, но желающих помочь оказалось слишком много.

Люцифер хохотал над бедным Вителлием. Иван тем временем не спеша поедал экзотические фрукты.

– Хватит, – даваясь от смеха и утирая слёзы, сказал Люцифер, – хватит, вы его задушите. Лучше сварите из него суп. Проку от Вителлия никакого.

Черти и бесы дружно подхватили завывающую тушу, от натуги чьи-то косточки хрустнули. Вителлия усадили на котёл, потому как внутрь он не вмещался. Подкинули дровишек, пламя взметнулось. Вителлий выпучил глаза, встать не мог, лишь беспомощно шевелил руками и ногами. Его братья весело повизгивали и внимательно следили, чтобы огонь не ослабевал. Столько лет Вителлий всех объедал! Избавиться от него было счастье.

Когда с обжоры потекли реки жира, огонь зашипел и чуть было не потух. Но потом так вспыхнул, что несколько чертей, объятых пламенем, заметалось по пещере.

Иван не разделял всеобщего веселья. Думал, как бы самому не угодить на такой костёр.

– Заслужил ли я свободу, Ваше Темнейшество? – спросил он с надеждой.

– Думаю, я узнал не все твои таланты.

Иван хотел проклясть Люцифера, но вспомнил, что опоздал. Сколько же ещё испытаний падёт на его голову, прежде чем Дьявол сочтёт нужным вернуть его на землю? Долго ли будет везти?

– Ваше Темнейшество, в начале вы, помнится, говорили об одном испытании.

– Но я ведь не уточнял, в чём оно состоит. Олимпийские игры – завершённое целое, но составляют его множество таких же единых целых.

– В таком случае можно мне самому выбрать следующее состязание?

– Интересно, что ты можешь предложить.

– Вы угостили меня изысканными блюдами, но забыли о выпивке.

– Я понял тебя, смертный. Люллий!

Бороться с Иваном вышел чёрт с синим пятчком. Его глаза смотрели в разные стороны, ноги заплетались, а на губах застыла идиотская улыбка. «Неужели и я так выгляжу, когда выпью? – подумал Иван. – Клянусь, Боже, ни грамма в рот не возьму, ежели из пекла ада выберусь».

Состязание, к счастью, не состоялось. Только Люллий приник к бутылке, как пал замертво. Видимо, количество выпитого им досель превысило все допустимые даже для чертей меры.

Люцифер схватился за голову и уже думал над следующим испытанием. Отпускать смертного он явно не собирался. Его взор просветлел, на устах заиграла коварная улыбка.

– Последнее состязание, смертный.

Иван обречённо вздохнул.

– Обгони моего слугу. Всего лишь круг.

Иван оценил размеры пещеры. «Всего лишь круг» совсем не обнадеживало. Оставалось надеяться на смекалку и Божью помощь.

– Пёрышко, выходи, – позвал Люцифер ласково.

К трону подошёл тощий чёрт. Ноги, как леска. Казалось, сожми двумя пальцами – переломишь.

– На старт! – скомандовал Люцифер.

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

Иван и Пёрышко встали бок о бок. Чёрт смотрел только вперёд, уже видел финиш, мордочка готовилась изображать триумфальное торжество. Иван же никак не мог оторвать взгляда от ног соперника.

– Внимание... Марш!

Пёрышко полетел кубарем и воткнулся в землю рогами, засучил копытцами. Иван как ни в чём не бывало потрусил мимо.

– Нечестно! На костёр! Изжарить! – заорали нехристи и заступили дорогу.

– Неужели ты держишь меня за глупца? – сердито спросил Люцифер. – Я видел, как ты подставил ногу. Пёрышко необычайно хрупок – ты мог навредить ему. Эй, да помогите же ему!

К Пёрышку подлетел демон, ухватил за хвост и выдернул из земли, словно морковку, перевернул, поставил на ноги. Пёрышко с оскорблённым видом прошествовал к старту.

Забег повторили. На сей раз Иван поступил умнее: запрыгнул чёрту на спину. Его хитрости никто не заметил – так быстро бежал Пёрышко. Сам же чёрт не успел ничего понять, потому как добрался до финиша быстрее молнии. Но ему не аплодировали. Иван вовремя спрыгнул и опередил Пёрышко. Всего лишь на шаг, но опередил. И в очередной раз вверг нехристей в недоумение.

Люцифер еле сдерживал себя, чтобы не приказать приготовить из Пёрышка жаркое.

– Недооценил я русского мужа. Ты победил, смертный, – процедил сквозь зубы он и кивнул демонам.

Тут же Ивана схватили под руки, подняли к потолку и бросили в рябь на каменном своде. Хлопок – Иван очнулся в воде. Темно. Вокруг камень.

– Вот ирод поганый, – слышался сверху знакомый голос. – Всю воду вылил.

По темечку больно стукнуло ведро.

– Ай! Кума, ты что ли? – крикнул Иван.

– Ой, кто говорит? Мать Божья!

– Да это я, кума, Иван. В колодец упал. Не спрашивай, как – не помню.

– Иван? Ой, ты, Господи. Замерз, поди? Держись, милый, сейчас, сейчас вытащим. Гена! Гена!

Спустя несколько дней, оправившись от простуды, Иван сидел с мужиками в кабаке и рассказывал, как побывал в Аду.

– Да ладно тебе заливать. Скажи лучше, белочка посетила, – смеялись мужики.

– На лучше, выпей с нами, за Рождество.

– Так прошло уже, Кузьмич, – удивился Иван.

– А то ты не знаешь. У нас не бывает праздников-однодневок.

Кузьмича поддержали дружным гоготом.

– Нет, брат, я завязал. Уж извини.

– У-у-у, – загудели мужики.

– Что, белки испугался? – Кузьмич вызвал новый залп смеха.

Иван даже не улыбнулся, на полном серьёзе ответил:

– Нет, дураки. В Бога уверовал.

ПРОЗА

Станислав Шуляк

(Санкт-Петербург)

ШПИОН

Мне велели не упоминать никаких брендов, ни одного. Без самой крайней необходимости, разумеется. Если я иду по улице в плаще и в шляпе, в брюках и ботинках, то следует позабыть, какой фирмы на мне плащ, какой – шляпа (хотя голова у меня, буквально, забита названиями шляпных производителей, я знаю их сотни...), это будет только мешать, говорят мне. Я, хоть и сомневаюсь, но не спорю: у меня привычка – никогда не спорить. Что с нами со всеми станет, если мы заведём обыкновение спорить по пустякам!

Во мне толпятся многие языки, я же пока выбрал этот – уверен, что не прогадаю. Опять-таки и язык аборигенов слишком похож на мой! Немаловажное обстоятельство!

Но чужие языки могут выплеснуться из меня. Внезапно, неудержимо; я буду кричать, метаться, сбивающийся мой голос окажется подхвачен порывами осеннего ветра, я буду разоблачён, низвержен, все воочию убедятся в моей враждебности – и тогда мне каюк, разумеется! Нет, надо следить за собой, надо сдерживаться, отстраняться! Пока у меня ещё остались силы. А остались у меня ещё силы?

Новая моя квартирная хозяйка велела мне не высовываться в форточку. Как будто я часто высовываюсь! Хотя, когда она ушла, нарочно высунулся. Оказалось – интересно: новое ощущение. Высоты я, конечно, боюсь, но меня долго тренировали, и я могу преодолевать страх – это здорово помогает.

Она будто знала заранее. Это я о квартирной хозяйке.

Я умею преодолевать многие страхи, даже страх разоблачения. Я приучил себя к тому, что меня могут разоблачить в любую минуту. Внезапно, без видимой причины.

Тележная!.. Проклятая Тележная улица! С таким наименованием улицам жить вообще нельзя. Зато Невский неподалеку. Он словно выскакивает из-под ног или, наоборот, бросается под ноги. Будто собачонка, с лаем. Такие вот у вас проспекты!

Причины всегда невидимы.

Во мне долго набухало новое слово.

– Я теперь точно знаю: вся проблема в дешифровщиках, нет приличных дешифровщиков, – сказал я. – Можете вообразить: ни одного!

– Что? – вздрогнула женщина.

Тут и я несколько опомнился. Взял тон ниже. Ниже и глуше.

Не такой, как у заговорщика. Скорее, как у сетующего.

– Шифровщики-то остались, – подтвердил я. – Отчасти и я сам – шифровщик. Но ведь сообщение нужно потом кому-то и распознать...

– Рыбу по-польски брать станете? – переспросила она.

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

– Долго готовится?

– Двадцать минут! – тут уж она окончательно сделалась официанткой. Можно было даже не сомневаться.

– Если двадцать минут, возьму, пожалуй. Можно подумать, я не найду двадцати минут для вашей рыбы по-польски.

– Пойду, скажу на кухне.

– Да, именно так всё и передайте!

Она ушла. Пожалуй, несколько поспешнее, чем можно было предполагать.

Мы так и не поняли друг друга.

Мы часто не понимаем друг друга.

Тем лучше! Если уж мы ещё станем понимать каждого, так тогда и вовсе хоть в петлю лезь! Разумеется, лучше жить, не понимая. В том моё глубокое убеждение.

Одно из многих.

Зато оно глубже всех ваших убеждений. В том числе, и самых глубоких.

Возможно, мой прежний акцент всё-таки сохранился.

Иногда молчание моё громче моих речей. Не говоря уж о вздохах. И иных выходках.

Третьего дня я был в Берлине. Рядом с Цоологишергартен ел у молодого, скуластого, улыбчивого китайца из ларька китайскую вермишель, жаренную с овощами и мясом. Вермишель была в бумажном стакане, и к ней придавался нестерпимо жгучий соус. Соус был нестерпим, но я терпел. Заливал раскалённую утробу ледяным пивом из бутылки. Так и спасался.

Там я был спокойнее, чем здесь.

Хотя не могу сказать, что мне ничто не угрожало.

Берлин холоден.

Земля под Берлином тверда и безжалостна. Землю вроде берлинской и поискать – так не сыщешь!

Опасность есть везде. Она в тебе самом, она в воздухе и в воде. Она в пиве и в китайской вермишели, она и в самом китайце, эту вермишель продающем. Опасность, как птица: летает туда и сюда. И ещё опасность, как ветер. Впрочем, скорее, она, как ветер и птица одновременно.

Тиргартен же исхожен вдоль и поперёк, я его давно не люблю.

Гадок Тиргартен.

На Александерплатц меня вытошнило всем тем, съеденным у Цоологишергартен. Жгучим, китайским. Желудок всегда прав. Мозг значительно реже.

Квартирную хозяйку я постарался побыстрее спровадить.

Для чего ей было говорить мне о форточках?

Прежде я носил в себе один *трагизм несмыкания*. Несмыкания с миром и млекопитающими. Это много, очень много, того просто пока никто не осознаёт. Теперь же меня всё чаще посещает *отчаяние возможной уловленности*. Она же ещё требует осмысления.

Без квартирной хозяйки я сделался великолепен. Будто бриллиант, великолепен. Бриллиантам всегда мешают квартирные хозяйки. Они так поступают нарочно. Возможно, сами воображают себя бриллиантами. Но они не бриллианты!

Мне принесли рыбу. Ту самую, по-польски. Я почти сразу пожалел об этом. Мог ли я думать прежде, что когда-нибудь пожалею о заказанной рыбе? Это, по меньшей мере, странно!

Не люблю странного.

Пройдите со мной вместе дорогою слов, отдохните от трудов и смыслов своих под их (слов) протяжную, раскатистую, восхитительную музыку, задохнитесь от их беззастенчивой непосредственности, от их пожароопасного лукавства, от их промозглой грандиозности, от их умаления, от их распылённости! Слова, слова! Они – единственное достояние твоё, двуногий, спасение твоё, поручители твои, ходатаи, сокровища твои, смарагды твои и аметисты, твоя наследственная масса. Пока ты со словом, ты и с небом, и с землёй, и с Богом, и с воздухом. И с ближним твоим, и с врагом твоим, и с братом твоим, и с матерью, и с домочадцами. Я знал, что мне предстояло задание, очень ответственное, но замысловатое. Его трудно, почти невозможно описать простыми фразами. Его можно только угадать, им можно изумиться, пред ним можно благоговеть!

Для того нужно было выйти из дому. Предстояла встреча. Нет, не теперь, позже, вечером. А теперь вечер только ещё собирался, загустевал, обживался в глухих углах, расщелинах, трещинах. Трещин же, как нарочно, сделалось много.

Заканчивался ноябрь. Ноябрьи всегда заканчиваются. В том их главное свойство.

Я быстро собрался. Сегодня я буду великолепен, я решил это твёрдо. Если бы квартирная хозяйка могла видеть меня! Она бы тоже восхитилась! Но нет, ей незачем видеть меня! Ей невозможно меня знать.

Шесть лестничных пролетов, я прошёл их все, исполняясь по пути немислимого достоинства. Я теперь уж более не талант средней руки, замешенный на странности и беспорядке. И что же, вы полагали, я стану писать пейзажи и заплутавшие души красками отчаяния, неверия и нерассудительности? О, наивные! Пустые! Слабомыслящие! Беспольные! Словом – человеки! Со всеми вытекающими из них (человеков) последствиями.

На втором этаже остановился. Чему виною всё та же чёртова хозяйка. Лучше бы она мне того не говорила!

Здесь – проход. Здесь можно пробраться на другую лестницу и выйти по ней в другой двор. Дворы не соединяются. Чтобы пройти из одного в другой, нужно выйти на улицу, но мне-то как раз не нужно переходить из одного в другой, мне нужно очутиться как можно дальше. От того места, где я теперь. И, если об этом проходе ничего не известно моим возможным соглядатаям, так – отличный способ сбить их теперь с толку! Чёрт побери! Ради того стоило постараться!

Сбитые с толку! Имя вам – полчища! Имя вам – Сила! Имя вам... (придумать позже!)

Перегородка, армированное стекло, старый дом, и листы фанеры внизу. Один лист оторван, образовался лаз. Здесь можно только ползти на четвереньках. Неужто я... я... а что делать? Опускаюсь на колени, прислушиваюсь, просовываю сперва голову, потом и плечи.

Тесно, неудобно, я едва просунулся!

Град сей – мой ужас, ужас в камне, в воздухе, в водах его, во плоти!

Другая лестница была даже грязнее и древнее первой. Фактически это уж другой дом. Странное соединение. Срослись лестницами. Но что мне с другого дома; мгновение я даже торжествую! Прислушиваюсь, потом поспешно схожу вниз. Слишком даже поспешно.

Запутать, загипнотизировать, заморозить!.. Наэлектризовать, самому переполниться!..

Двор и воздух. Появилась внезапно.

– Мужчина, а не хотите?..

Тут она подышала в ладошку.

Темно, холодно, и где она здесь увидела мужчину?

Ах да, это мне! Чудеса!

– Что?

– Ну... это... не хотите?.. – задумывается.

– Чего? – переспрашиваю. Я уж и не рад почти, что меня понесло в этот двор. Предосторожности, проклятые предосторожности! С ума возможно сойти от предосторожностей!

– Ну, там... отношений... или просто отдохнуть!

Рассматриваю её. Ей нет тридцати. Не сказать, что потасканная. Такой можно даже увлечься. Такую может глаз выхватить и в толпе. Немного простушка. Но это не портит её.

– А что – возможно и то, и другое?

– Ну... только мне нужны деньги.

– Деньги не вопрос, деньги есть.

– Так, значит... – протягивает она.

Прямо теперь, соображаю, прямо теперь? Нет, это невозможно! У меня задание, у меня встреча! Такие зыбкие, такие необъяснимые!

– Да, но только...

– Что? Заняты? Не сейчас?

– Вроде того, – с облегчением отвечаю.

– Я подожду!

– Прямо здесь?

– Хоть бы и здесь, что такого?

– Это может быть и нескоро.

– Когда? Ночью? Я подожду и до ночи. Или я пойду погуляю, а потом вернусь.

– Да, – говорю. – Пусть так! Погуляй, а потом возвращайся.

– Встретимся здесь?

– Почему нет! Хорошее место для встречи! Только сейчас за мной не надо идти!

– Я не пойду! – светится вдруг лицо женщины. – Я немного подожду, а потом уже погуляю.

– Да.

– А ты точно будешь?

– Да.

– Точно-точно?

– Ну, конечно!

Та целует меня в щёку; я выбрит отлично, сам это чувствую, я готовился. Я готов ко всему.

Выхожу на улицу с поднятым воротником. Мне велели не упоминать никаких брендов, ни одного. Да, так лучше, теперь я сам это понимаю. Улица, что за улица – я не знаю её названия, но она ведёт к Невскому, и слышу музыку, и тянет дымом, и вот уж Невский едва не бросается мне под ноги, брусчатка местами выбита, перепрыгиваю через канаву и поворачиваю за угол, и теперь уж проспект открывается во всей своей перспективе. Да, это – Невский, натуральный Невский, хищный и злоречивый, больной и упадочный, старая его часть. Здесь костры, и музыка громче, живая народная, гармошки возле костров, и люди, люди, люди, чёртовы горожане! Проклятые человеки!

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

Они с ума посходили, они затеяли праздник? Для чего гармошки, и еще... стук кастаньет... сухой маленький старичок с невозмутимым лицом сидит против гармониста и лихо выстукивает, выщёлкивает ритм, стремительный, бойкий, беспокойный. Рука его летает, да и гармонист ловок, виртуозны оба – тот и этот. И под ногами у них... нет, не щёбенка... а... как бы точнее сказать... камушки! Страна камушков. Как просто всё у них тут устроено!

Люди слушают, кто-то пляшет, выбивая каблуком и носком ритм. Бабы в простонародных одеждах, откуда они здесь? Вдруг – раскат фейерверка невдалеке.

Иные поднимают головы, удивляясь фейерверку.

И снова – камушки, камушки, камушки...

– Праздник? – спрашиваю у кого-то.

– Праздник.

– Какой?

– День газа.

– Почему – газа?

– Его долго не было в нескольких кварталах, во всех квартирах, а теперь вот вдруг пошёл – люди празднуют! Им нужны праздники! А газ – хорошо! Газ – тепло, газ – пища!

– Так, значит!..

– Их не заставлял никто, сами вот вышли – и музыка, музыка!..

– Я понял уже!

– Да.

Я отошёл от того. Мне спутников или поучителей не надо. Я и сам – поучитель!

Гармонист седой, кудрявый, залихватский. Русский. Смотрит в сторону, на гармонь свою не смотрит – и вдруг раз! – оскалился, будто пёс, и такое обаяние в этом внезапном оскале, такие восторг и тоска!.. И усталость!.. И замысловатость!.. Много в этом оскале! Старичок с кастаньетами поглядел на товарища своего по-особенному и несколько утишил свой стук, замер, тут и гармонист подобрался и вдруг запел хриловатым, надтреснутым голосом:

«В наших трубах нету газа.

Это даже ничего!

Вот когда лишуся глаза –

Не обрадуюся я...»

«Э-эх!» – выкрикнул ещё гармонист.

Частушка. Частушка. Она была, пожалуй, неказистой и несовершенной, но в ней гнездились и нечто расхристанное, разудалое, скудосердое, как и весь народ этот скудосерд и расхристан. Не зря боятся его другие нации, другие территории, другие генералы, министры, правозащитники, мозговые тресты, подкомитеты и масонские ложи. Много страшного в этом народе, много подавленного и примечательного. Мистического, магнетического, магического, пряничного.

«Газ, гори! Газ, гори!

Разжигайтесь, фонари!

Я иду вас бить да резать

От зари и до зари! У-ух!..»

Хороши эти люди, когда в руках их гармошки, кастаньеты и маракасы, когда заняты они делом, к которому Бог их приставил, определил и сподобил. В такие минуты ими можно и восхититься. Темны они и забубённы, когда не знают такого дела, а часто, очень часто не знают они своего дела. Потому-то долго ещё не будет миру покоя, долго ещё будут нации вздрагивать... Земля с дурью, с удалью, с размахом, но без инстинкта самосохранения.

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

Трагическая участь – быть русским! Ни за что бы не согласился...

Тут к играющим подошёл ещё гармонист, и баба, толстая и немолодая, перехватив наплечный платок, пошла себе и пошла, сначала мелким и тихим шагом, а после всё быстрее и быстрее, притопнула, взмахнула концами платка, будто крылами, и заголосила вдруг:

*«На бензине, на газу
Далеко вас завезу!
У меня машины нет,
Поломался драндулет! И-ух!»*

И подошедший гармонист не остался в долгу:

*«Эх, катушечки да нитки!
Я до девок безотказный!
Газ не твёрдый, газ не жидкий!
Газ газообразный! А-ах!»*

Тут и зрители, смеясь и галдя своей густой, многочисленной массой, тоже выкрикнули «а-ах!», фейерверк вспыхнул, раскатился треск фейерверка, я вздрогнул, потому что на меня явно кто-то смотрел. Наблюдал даже, наблюдал за мною одним.

Улыбка, заигравшая было на моём лице, быстро сошла с него. Как и свет фейерверка быстро сошёл с неба. Я незаметно огляделся и пошёл прочь. Неосторожны улыбки, играющие на лицах! Улыбки вообще неосторожны!

Я не увидел того, кто наблюдал за мной. Но кто-то это всё-таки был – здесь я не мог обмануться!

Я не люблю громогласное, самодовольное, я удивляюсь тайному, сосредоточенному; я и сам полон тайного и сосредоточенного. Я привержен к нестерпимому и молитвенному. Потому празднества угнетают меня. И праздность тоже. А ещё, сказал я себе, надо убить глаз свой, язык свой, ум свой, душу свою, надо набраться выражений неуклюжих, неловких, неудобоваримых. Надо пополниться мыслями неистовыми, безудержными, беспредельными, неисправимыми. И *это* говоришь ты? И *это* ты позволяешь впускать в своё сердце? Потом я, возможно, произойду ещё в буквенные мессии. В светочи межлитерных пробелов. Пока же слова толчеёю своей изнуряли меня.

Невский был весь в кострах, Невский был полон несуразного праздника. Я повернул в какую-то улицу, названия её не знаю. Названия теперь перемешались. Зашагал, подняв воротник. Далее, далее! Поспешно, настороженно. Музыка стала стихать, чёртова ваша музыка! Бесплезное ваше веселье! И ещё я оглядывался. За мною никто не шёл, но это вовсе ничего не значило: те самые глаза мне не могли померещиться!

И они точно мне не померещились! Я столкнулся с ними на следующем перекрёстке, в пятидесяти шагах. Они возникли неожиданно. Глаза.

– Кто? – крикнул я. Ощетинившись, крикнул.

Человечек, предо мной стоявший, сам будто испугался моей ярости.

– Хотел спросить, как пройти на одну улицу, да забыл название, – запнувшись, сказал он.

Это ведь совсем другое дело! Пароль, разумеется, я не мог спутать ни с чем другим. И тут же ответил:

– Никогда не встречал названий, совпадающих с сутью.

Человечек вздохнул с облегчением.

– Ой, слава Богу – вы!..

– Почему подошли раньше времени и не на условленном месте? – строго сказал я.

– Виноват! Подумал, что вы – это вы, и боялся упустить!

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

- Глупости! В нужное время я был бы там, где и должен быть.
- А вдруг бы что-то поломалось или поменялось!..
- Довольно! Идёмте туда, где можно поговорить.
- Да, здесь есть хороший двор. Там безопасно.
- Посмотрим, – сказал я, – как там безопасно.

Я пошёл следом за моим связным. Я что-то слышал, какой-то стук. Может, стук сердца. Мой или его. Не так уж трудно услышать человеческое сердце. Гораздо труднее его понять.

Двор был велик, с голыми чёрными деревьями, с палисадником посередине, с детской площадкой. Мы остановились подле помойки. Вокруг не было никого. Во всём дворе никого не было.

– Здесь хорошо? – заглянул мне в глаза человек. Уж не знаю, что он там увидел. Ничего нет в моих глазах.

- Пусть будет здесь. Что у вас ко мне?
- Мне сказали, что вы передадите мне какое-то сообщение.
- Они там с ума сошли? Вовсе нет.
- Тогда я не знаю.
- Хорошо. Что с письмом?
- Оно у меня!
- У вас? – удивился я.
- Показать?
- Странно, что письмо отдали вам.

– Может, вас смущает мой вид или моя молодость? Вы не думайте ничего такого. Я был завербован ещё при Ярузельском.

– Мне нет дела ни до вашего вида, ни до Ярузельского, просто это – непорядок, что письмо у вас.

- Наверное, были какие-то соображения, которые мне не сообщили.
- Это письмо очень важно, вы это понимаете?
- Понимаю, – опустил голову человек.
- Вы хорошо понимаете?
- Хорошо... – вздохнул тот.
- Кто ещё из наших вам известен?

– Шнур, – сказал тот. – Певец такой. Настоящая фамилия – Шнуров. Правда, мерзавец порядочный!..

– Ещё? – потребовал я.

– Ещё один критик. Чёрт! Забыл его фамилию!.. Ещё пять минут назад помнил. Это болезнь. У вас так бывает?

– Литературный?

– Да.

– Разве они ещё существуют?

– Да, но всё такая шваль, что после них всегда хочется вымыть руки!

– Ещё кого-нибудь знаете?

– Ещё? – задумался тот. – Надо вспомнить! Никак!.. М-м-м, вспомню – скажу!

– Ладно, показывайте!

Тот вынул конверт из-за пазухи. Самый обыкновенный конверт. Протянул его мне, но я не стал брать в руки. Не хотел осквернять? Оставить следов? Отпечатков?

– Это то письмо?

– То самое, – сказал человек.

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

– А помяли-то! – недовольно бросил я.

– Что поделаешь! Его нельзя нигде оставить, приходится повсюду таскать с собой!

– Это не выход!

– Виноват!..

– Виноват!.. Как думаете доставить?

– А по почте разве нельзя?

– С ума сошли? Никакой почты! Никаких бандеролей! Только нарочными! Сорок или пятьдесят человек... передавать из рук в руки, ехать электричками или попутками! Чтобы не смогли отследить всю цепочку!

– Слушаюсь!

– На самом последнем этапе можно уже и почтой, но этим человеком придётся пожертвовать!

– Да-да, у нас есть люди, готовые на всё!

– Сильно не радуйтесь! Энтузиасты иногда опаснее предателей.

– Мы понимаем.

– И всё проверить и перепроверить! Десять раз! Нет мелочей в нашем деле!

– Так точно! Будет исполнено!

– Интересно, содрогнётся ли Кремль от этого письма?..

– Непременно! Это бомба, самая настоящая бомба!..

– Вам бы всё только бомбы!

– Так ведь хочется, чтобы сработало.

– Мало ли что хочется!

Человечек вздохнул сокрушённо.

– Спасибо, что вы меня поправляете!

– Вы ничего не слышите?

– А что? – насторожился тот.

– Я спрашиваю: не слышите? Быстро спрячьте!

– Письмо?

– Чёрт вас дери!

Тот спрятал. Или – почти спрятал и всё ж немного не успел.

– Совсем ничего.

– Я слышу.

Я и вправду слышал. А через мгновение ещё и увидел. Это уж невозможно было не увидеть. К нам бросились люди. Молниеносно, почти беззвучно. Двое от помойки, двое от детской площадки, ещё кто-то едва ль не из-под земли – мчались со всех сторон. Письмо упало на асфальт, человечек склонился над ним.

– Бегите! – крикнул я.

– Мы случайно! Я его в первый раз вижу! – испуганно заголосил прежний мой собеседник.

И тут на нас накнулись, стали крутить. Одному из нападавших я успел поставить подножку, но их было слишком много, их была тьма, и имя им, должно быть, была тьма, тьма была повсюду, живая, тревожная, безумная тьма, на мгновение мне померещилась моя квартирная хозяйка, в одном из неожиданно осветившемся окон. И у неё был взгляд моей вечерней простушки, тихий и тёплый. Смысл мой, бог мой, почто ты оставил меня? Отчего лишил призрения своего? Милости своей? Убежища своего, пристанища своего? Слова своего? Меня повалили, и связного моего повалили, руки мои вывернули за спину, кто-то уж шарил по моим карманам, по моим бокам, и тут из меня, будто горох, посыпались бренды, шляпные и иные, меня будто тошнило, будто выворачивало ими.

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

– «Borsalino»!.. «Kangol»!.. «PANIZZA»!.. «Goorin Brothers»!.. «Tonak»!.. «Brixton»!.. «San Diego Hat Company»!.. «Resistol»!.. «QUIX»!.. «QUIX»!.. «Eugenia Kim»!.. «Eugenia Kim»!.. – выкрикивал я. Я много-много раз выкрикнул эту самую Юджинию Ким! Я будто молился на Юджинию Ким, я восхищался ею. Этою неведомой мне Юджинией Ким!.. Всё равно они от меня ничего не услышат иного!

Тут нас поддёрнули, поставили на ноги. Человечек, имени которого я так и не узнал, вдруг шумно и натужно выпустил газы. Отчего, кажется, сделался даже меньше размером. Руки мои уж были надёжно скручены, но всё равно мучителям моим, гонителям моим не повезло, точно говорю: не повезло; как бы они ни старались.

– Довольно! – холодно сказал я.

Юджиния Ким придавала мне силы. И даже – величие! Тихое, но неоспоримое.

И – чудо! – тут же превратился в мотылька (чудо для всех, кроме меня, разумеется). Свободно взмахнул крылами, в которые превратились мои руки, и полетел себе, полетел!.. Сбивчиво, беспорядочно! Они, мучители мои, враги мои, снова пытались изловить меня или хотя бы прихлопнуть, но не сумели! Смешны они были, хлопающие, жалки они были!.. Я взлетел над помойкой, над крылечным козырьком, над детской площадкой, над голыми чёрными деревьями, я видел внизу одураченных, злых, чертыхающихся человечков и растерзанного связного. Впрочем, они уж не были ни человечками, ни связным, но лишь – движущейся, мечущейся бесформенной массой, человеческой магмой, которую я уже не осознавал и не понимал толком, не знал ни законов её существования, ни порядка, ни смысла. Их теперь не стало вовсе – законов, смысла, порядка – ничего!.. Да у вас, на самом деле, никогда их и не было! Ныне же и мир сделался безобразен, и прямоходящие, да млекопитающие, населяющие оный, – пусты и безвидны, и воздух – тяжёл, вода и земля – мертвы, и само время, сорвавшееся с цепи, ополоумевшее время лишь мозжило и будоражило мои бедные нервы.

Что ж, теперь только остаётся ждать, когда я снова превращусь в человека! Я и по сей день жду!

М. К. Эшер. Бабочки

ОТЕЛЬ

Апрель раскинулся над городом, звонкий, промозглый. С его разнузданной влагой, с его неутомимым солнцем. Я уж почти приучил себя не содрогаться от мерзостей по имени Мир или – Человек. Той или другой, это всё равно. Я спасовал пред моими клеветами (имя им – свора), пред моими насмешниками, я вполне это сознаю, я бежал от них. Во мне недостаточно оказалось твёрдости и даровитого духа; да и откуда, собственно, взяться таковым во мне, сросшемся с тоскою моей, сроднившимся с иными из чрезвычайностей и всеуслышаний.

Я тащил свой громоздкий баул. Всё моё носильное, заплечное – громоздко, несусветно; с этим я уж почти свыкся. Я был теперь обозлён на что-то полузабытое, полунесуществующее и стискивал зубы. Пять ступенек вверх, только пять, и неужто – наконец пристанище?

Дверь высокая, помпезная, с бронзовой ручкой, небольшой тамбур с поддувом тёплого воздуха, потом – холл. Полированный серый мрамор, кожаные кресла, занавески с тяжёлыми ламбрекенами, галогеновые лампы в потолке, будто шляпки светящихся гвоздиков. Я бросил баул подле стойки, за стойкой не было никого. Что ж, нужно было всего лишь подождать – я подождал. Потоптался, потеревил ручки баула, осмотрелся. Жизнь всегда во мне была мерцающей и ненавязчивой, в последнее же время сделалась муторнее любого баула, хоть перепробуй их все. Где-то неподалеку слышалось бульканье, я послушал и бульканье. Почему мне не слушать бульканье? Быть может, всхлипывали за дверью? – удивился я. Да ну, с чего бы там кому-то всхлипывать! Я-то ведь не всхлипываю, хотя, пожалуй, поболее вас всех имею поводов для горя, для удручённости, для понурости, можете даже не сомневаться. Я поводил рукою по гладкой стойке, а больше не мог пока придумать занятий для себя. Сердце с его привычной исполнительностью билось и трепетало в моей малонаселённой груди.

– Здравствуйте, – с вызовом сказал я.

Бульканье затихло на мгновение. Или нет – оно просто стало иным. Из нутряного, утробного сделалось будто бы гортанным, горловым. Возвысилось, истончилось, повлажнело. Ещё немного и я, пожалуй, войду во вкус всевозможных ваших бульканий, я стану их знатоком.

Что-то с самого начала распадалось или не завязывалось, показалось мне. История будто бы не сцепилась со словами, её составляющими, со смыслами, её настигающими. Впрочем, мир – никогда не господство связных сюжетов, мир есть царство эпизода.

Я кашлянул и снова громко поздоровался.

Дверь в соседнее помещение, там, за стойкой, отворилась, оттуда выскочила дамочка с распухшим, красным лицом. Не глядя на меня, выбежала из-за стойки.

– Сейчас-сейчас!.. – пробормотала она, прижимая к глазам платок. – Я так просто, я позову кого-нибудь.

Вся скособочившись, выбежала из вестибюля в коридор.

– Мне нужен номер! – крикнул я вслед.

– Подождите немного, – бросила беглянка.

Я послушал её шаги в коридоре. Шаги удалялись. Потом их вовсе не стало, зато слышались тихие голоса. Совсем далеко постукивал отбойный молоток или перфоратор, шум автомобилей доносился с улицы, и ещё – бодрые скрипичные пассажи шестнадцатыми нотами в высоком-высоком регистре. Последнее – будто бы не так уж и далеко, может, в конце коридора или на другом этаже.

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

Нет, в самом деле, неужто мне квартировать прямо в этом чёртовом холле, возмутился я. С чего бы вдруг?! Лучше уж на улице, лучше в чистом поле, меж расходящихся троп, посреди иссохших трав, распутицы, жижи. Если меня вынудят, пожалуй, так и поступлю.

Скрипка умолкла. Словно услышала моё клокотанье. Появилось что-то субтильное, с маленькой головой, тонкой шеей, поникшими плечами. Не глядя на меня, человек поспешно шагнул за стойку, уселся в кресло, поджал губы и наконец уставился в мой воротник. Что-то было в нём скобяное. Скобяное или скорее уж – канцелярское. Так показалось.

– Здравствуйте, – прохладно сказал я.

– Мне сообщили, сообщили.

– Я хотел бы остановиться у вас на три дня.

– Здесь все останавливаются.

– Я звонил, забронировал номер, – сказал я.

– Вы в первый раз? – прервал меня человек за стойкой.

– Да. Это что-то меняет?

– Значит, вы её не знали...

– Кого?

– Эту святую женщину.

– Святую? – задумался я. – Скорее нет, чем да.

– Нина Эмильевна.

– Кто это?

– Нина Эмильевна? – горестно переспросил человек, и тут одинокая слеза неспешно истекла из уголка его глаза. – Она... такая, такая!..

– Откуда мне её знать? – на всякий случай спросил я.

– Вы, часом, не музыкант? – спросил тот и впервые косвенно заглянул мне в глаза.

– Вот ещё!.. – сказал я. – С чего вы взяли?!

– А я – музыкант, с вашего позволения...

– Ну и на здоровье!..

– Играю на скрипке, – с придыханием, будто бы болезненным, сказал этот легковесный человек и стал перебирать какие-то журналы на столе, за которым сидел. – Сегодня мы выступаем. Камерный вечер. Макс Регер, Форе, Дебюсси... Приходите!.. Хотя, может, вам это не интересно. Сейчас многие не любят музыку. Мода... мода на безразличие!..

– Сначала неплохо было бы – номер, – с нажимом отвечал я. Впрочем, нажим, быть может, мне примерещился.

– Номер-номер, – рассеянно сказал скрипач. – Номер номер...

– Как это так? – встрепенулся я.

– Простите! К слову пришлось!.. – воскликнул он. – Дурная ассоциация.

– Так вы поищите мою броню?

– Она знала наизусть мою гастрольную карту...

– Нина Эмильевна? – сообразил я.

– «Когда вы приезжаете, Ираклий, для нас праздник», – сказала она. И вот её нет.

– Давно?

– Только что. Минут двадцать...

Я помолчал. Собеседник мой тоже помолчал и похлопал носом.

– Так вы... – начал я.

– Гость, вроде вас, приехал только что. Нина Эмильевна стала меня оформлять, и вдруг – раз!.. Трагедия, это – трагедия!.. А вы-то думали, я здесь работаю? Хе-хе, наивный человек. И потому стали мне со своей броней!..

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

– Да, – сказал я.

– Не работаю, прилетел сегодня из Кызыла, а наш ансамбль вчера, и вот, представьте, пропали. Где, как, при каких обстоятельствах – никому не ведомо. Мы всегда здесь останавливались, а тут, видать, что-то поломалось. Телефон не работает, где они, я не знаю, мне Нина Эмильевна сказала: «Вы, Иракий, не переживайте, сейчас вас в номер определим и станем вместе ваших товарищей разыскивать». Ну, уж если такая женщина что-то обещает, можете не сомневаться: будет исполнено! И... прямо у меня на глазах!.. – вдруг дрогнувшим голосом добавил Иракий.

– А кроме неё кто-нибудь?.. Директор? Помощник администратора? Не одна же она работала?

– Ни-ко-го!.. Директор в горе. Сам за сердце хватается. Он и попросил меня посидеть здесь. В память о святой женщине.

– Согласились?

– Как можно было не согласиться!.. Вот только моё выступление. Мне репетировать надо...

Тут я задумался. Во мне немало излишков жизни и смысла, но я не собираюсь делиться ими даже с нуждающимися; моим дарам к чужой душе не прирасти. В скрипаче же сём странном изрядно гнездились тёмного, неоспоримого, неотторжимого, он из породы человек, коим одинаково невозможно как противостоять, так и потворствовать.

– То есть вы намекаете...

– Не намекаю, а прямо говорю: мне бы поиграть чуть-чуть!.. Двадцать минут. Форэ и Дебюсси не получится, там с роялем, но я бы хоть Регера прошёл. Прекраснейшая соната для скрипки соло ре-минор. Но кропотливая до ужаса! Adagio con gran espressione, вторая часть, я вам напою немного!..

– Нет! – вскричал я. – То есть, вы там собираетесь играть, а я должен здесь сидеть!..

– Двадцать минут, здесь, за стойкой, я вам и баульчик помогу занести... – тут он проворно выбрался из-за стойки и хотел было ухватить мой багаж.

– Я ещё не согласился! – заорал я.

– Голубчик, миленький! – забормотал скрипач. – Директор в горе, у меня – музыка, совсем немного!.. Вдруг кто-то придёт – надо ж кому-то встретить!.. Да ведь и святая женщина с небес на нас с вами сейчас взирает с приязнью.

– Полагаете? – сказал я. И для чего-то посмотрел в потолок. – Так быстро? И уж прямо с небес?

– Непременно с небес! – заверил меня Иракий. – У святых не бывает промедлений, задержек, только у нас – грешных, да половинчатых. Ничего не имею в виду плохого...

– Взирает? – задумался я.

– Взирает! Истинно говорю вам: лицезрит и восприимствует!..

Чёрт, кажется, этой канцелярской принадлежности удалось нащупать моё слабое место!.. Я люблю надмирное и потустороннее. Я трепещу пред надуманным и неукоренённым. Для меня оговорки важнее справедливых высказываний, для меня заблуждения дороже убеждённости.

– А эта дамочка, что здесь была? – всё ж слабо сопротивлялся я. – Она – кто?

– Да Маруська, коридорная! Со второго этажа. Дура набитая, бестолочь, хоть и добрая женщина! Нет, её никак здесь нельзя посадить – один срам выйдет!..

– А со мной не выйдет?

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

– Никак нет. Вид у вас недвусмысленный, не терпящий разночтений, располагающий, если кто-то придёт, так не оплошааете, а там, ежели что, и я подбегу, выручу, я недалеко буду!..
Согласны?

– Пятнадцать минут, – сухо сказал я.

– Пятнадцать, пятнадцать, – засуетился Ираклий. – Соната ре-минор, вторая часть. Из сорок второго опуса.

Да, из сорок второго, это, разумеется, важно. Я уж жалел, что дал себя уговорить. Мною было представлено миру опусов много более чем сорок два, опусов и экзерсисов. Теперь же этот проклятый скрипачишка мог надо мною торжествовать, он мог строить планы моего порабощения. Я знаю натуру скрипачишек. Все прочие сословия пред теми бледнеют. Скрипачишки – осадок человеческий. Они – сброд духа, беспримерная шушера.

– В журнальчике только черкните и приступайте! – пробормотал Ираклий.

– В каком ещё журнальчике?

– В вахтенном. Так и так, дежурство, мол, принял, и распишитесь.

– Где писать? – усомнился я.

– Здесь. Так и пишите: «Дежурство, мол, принял», – крючковатый, вовсе будто не музыкальный палец Ираклия ткнул в разлинованный лист толстого журнала.

– «Мол», наверное, не надо?

– Да нет уж, пусть будет и «мол», вам что, жалко?

– Нет, «мол» мне не жалко!.. – возразил я. И написал требуемое.

Ираклий выскользнул из холла какою-то сухощавой каракатицей. Я уж почти передумал, но не успел сообщить о том Ираклию. Всего-то мгновения не хватило. Что ж, в таком случае следует искать выгод в моём новом положении, сказал себе я. Но выгоды не находились. Рассудительное же убывало. Будто бы улетучивалось. И я умалялся одновременно с убыванием сего рассудительного. Чёрт, никогда не ощущал вкуса в логичном или последовательном!..

Заиграла скрипка где-то вдалеке. Пиликанье её меня буквально бесило, почти сразу стало бесить. Из сорок второго, видите ли, опуса!.. Долгое-долгое (целых восемь тактов) пиликанье на четвёртой струне. Так возможно вообще потерять всякое самообладание!..

И всё-таки!.. Был ли Ираклий более похож на скрепку, чем на задвижку? Или – наоборот? Задвижка превосходит скрепку массой и отчасти – полезностью. Задвижки необходимы! А Ираклий необходим?

Однако же стоило хоть на минуту почувствовать себя Ниной Эмильевной. Какова она была? Вот я сижу в её кресле, я смотрю через стойку с той стороны, с которой всегда смотрела она. Она, кажется, работала здесь много лет; быть может, почти всю свою жизнь. На столе лежали очки. Я примерил их, они мне не подходили. Хотя – нет, я мог бы к ним привыкнуть, я ко всему могу привыкнуть, раз уж и к жизни этой привык. И ещё журналы, журналы на столе; они, конечно, важны, но с ними разберёмся позже. Интересно, мой голос остался прежним? Надо испробовать свой голос. На чём-то таком, что особенно часто произносила Нина Эмильевна. Например, так: «Ваш паспорт, пожалуйста!» Тут же начинают, немного суетясь, (о, все суетятся, стоя пред администратором в отеле!) отыскивать паспорт. Тот как назло не находится, и тогда человек начинает потеть. Я наблюдал такую картину много раз, она у меня не вызывает эмоций, да и спешить мне некуда! Да, так!.. Пассажи, пассажи!.. Проклятая струна «соль».

– Ваш паспорт, пожалуйста!..

И ещё раз: «Ваш паспорт, пожалуйста!..»

Да, так уже лучше.

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

Сзади, за моей спиной дверь. Комната отдыха. Ночью, когда гостей нет, там можно выпить чаю, прилечь отдохнуть, там, наверное, имеется и диван или раскладное кресло. И я тоже могу прилечь на них. Я встал, походил. Дверь приманивала меня. Хорошо лежать на диване. А что здесь, собственно, такого? Это оттуда прежде слышалось бульканье. Оттуда выскочила эта дура Маруська, коридорная, это она булькала. В том, что она – дурра, и даже набитая дура, я нисколько не сомневался. Так было проще.

Миру удалось убедить меня в моей никчёмности, несмотря на все сверхъестественные словеса мои и созерцания. Неистовые предрассудки и преткновения духа. Я, впрочем, плачу ему (миру) той же монетой и воздаю по заслугам всевозможными ответными мерами.

Чёрт побери, сорок второй опус!.. Как это двусмысленно! Как неизъяснимо!

Я приоткрыл дверь. Я сразу увидел её. Святую женщину. Мне следовало прежде догадаться, что её ещё не успели вынести – отсюда-то Маруськины слёзы и её бульканье. Я-то булькать не собирался, даже и не ждите. Но мной двигало любопытство. Не каждый день в своей жизни увидишь святую. Пресловутую или прославленную.

Тело Нины Эмильевны лежало на диванчике воплощением неизбежного ре-минора. Умерла ли она на нём, или её всё же перенесли? Этого я не знал. Наверное, знал Ираклий, но не посчитал нужным сообщить мне. Ираклий – хитрец, хитрец, пятью-трижды хитрец!.. Я только теперь вполне это понял. Мне нужно у него поучиться двуличности. Он полагает, будто навеки закрепил за собой место у иного из смертных за правым плечом.

Ха-ха, пред святостью я оробел немного. Потому шагнул осторожно.

Почти даже не шагнул. Полушагнул.

Кажется, я теперь лучше стал понимать Ираклия. Но что же так подействовало на меня? Не будем об этом. Во всяком случае, меня вели, влекли, меня принуждали, мною располагали. Святость... она прибывала с каждым моим шагом, неловким, неуверенным, вынужденным.

Ни единая чёрточка, ни единая жилка не шевелилась. Только круглый чёрный жук, сидевший на щеке Нины Эмильевны, медленно полз в сторону её нижнего века.

Куда он полз? Зачем? Не ведаю. У жуков свои надобности.

– Прогони! – глухо вдруг воскликнула покойница.

Сердце моё похолодело. Я застыл на мгновение. Но не мог послушаться или пренебречь словом, высказанным явственно. Смерть, что мы в ней понимаем? Как мы тщимся быть от неё подальше, в то время как она всегда рядом, всегда в нас или около нас!.. Моя смерть во мне, твоя – в тебе, не думай, что до неё невозможно дотянуться рукою!.. Ты сегодня слышал голос скорой своей кончины, проклятый жалкий человечиска? Проклятый, проклятый!.. Человечиска, человечиска!..

Я искал, чем бы можно было стряхнуть жука. Под угрозой казни я бы теперь не дотронулся ни до насекомого, ни до лица женщины. Тут я будто бы всхлипнул, неожиданно для себя, но нет, это не было всхлипывание, скорее – бульканье (стало быть, я всё же не удержался). От минутного напряжения гортань несколько подвела меня. Итак, я забулькал, и тут же на журнальном столике у изголовья, обнаружился небольшой блокнот. Я вырвал листок из блокнота, потянулся им в сторону жука, жук почувствовал опасность, ускорил ход, и тут-то я стряхнул его на пол. Беззастенчиво и безжалостно. Этого проклятого жука.

Блокнот... в нём были какие-то записи, я мельком взглянул и вдруг... увидел своё имя. Записанное шариковой ручкой, горделивое, востробуквенное. Значит, она думала обо мне, она помнила меня (вот только грезил ли она о моём появлении или собиралась сообщить обо мне своре?). Свора, свора!.. Она же – святая, Ираклий прав, я обязательно ему это выскажу. Теперь уже и скрипка его мне вовсе не надоедала, я примирился со скрипкой, я готов был слушать её всю жизнь, и не только сорок второй опус, но также и любой другой, по его усмотрению. Пусть

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

– Дебюсси, пусть – Форте, Сарасате, Барток, Вила-Лобос, пусть кто угодно ещё!.. Я возлюбил скрипку. Каждый может её возлюбить.

Конечно, Маруське здесь нельзя находиться, Маруська того недостойна. Её дело – коридор, швабра, простыни. Влажная тряпка, пыль на подоконниках. Что поделаешь, если человек не способен шагнуть за пределы этакой вот Маруськи?! Я и то чудом вырвался из себя самого. Да и надолго ли? А вот Нина Эмильевна... Я теперь верил, что она в эту самую минуту откуда-то сверху взирает и на себя, и на меня, ставшего на колени и склонившегося над нею.

Верил и не верил. Настоящая загадка – Нина Эмильевна!..

– Так хо-лод-но... – сказала она.

Голос её мне не описать, нет таких слов. Там было и подземное, и кромешное, и потустороннее, и отрешённое, и отчаявшееся, и тщетное, там было всевозможное. И снова ни единая жилка не дрогнула у неё. Слова возникли из ниоткуда. Они и сгнули потом в никуда.

– Бу... дь... бли... же... – был ещё голос.

Я обнял её голову, бережно, трепетно, осторожно. Я теперь не боялся покойницы, мне было жаль её. Им так тяжело в их первые минуты, они так нуждаются в нашем тепле, прикосновениях, жалости, воздухе. Она была полной женщиной, с крашеными волосами, с ухоженным лицом, в ушах – серебряные серёжки с крупными аметистами; впрочем, я видел только одну из серёжек. Вторая, должно быть, упала или затерялась. Нина Эмильевна!..

Наверное, я мог и заснуть так, сидя у изголовья, впасть в забытьё, в каталепсию, не замечать времени. Время – враг живого, но раб небытия. По жилам моим уж перетекала остуда от тела святой женщины; святость холодна, надмирность безжизненна, бездыханна, сказал себе я... но тут послышался шум, из последних сил я встrepенулcя. Ожил, одумался. Кое-как оправил одежды и вышел из комнаты.

В холл входила целая толпа, ватага: санитарный транспорт и блюстители приехали одновременно и вот с гомоном, с топотом, с гвалтом двигались в мою сторону. Явление не осталось незамеченным, тут же возникли и Иракий со скрипкой, и Маруська, и некоторые гости отеля, и ещё пожилой добродушный толстяк – должно быть, директор.

– Где? – спросил кто-то.

– Пожалуйста, – указал я на дверь.

– Вы обнаружили тело? – спросили ещё меня. Кто-то. С некоторым казённым феррумом в голосе спросили меня.

Тут я замялся.

– Нет-нет, – пришёл мне на выручку директор. – Он временно, он нас выручил по моей просьбе, спрашивайте меня обо всём.

Мы все снова зашли в комнату, человек до десяти, должно быть. Я поискал на полу жука, отчего-то мне это показалось важным. Жука нигде не было. Раздавили его или же он предусмотрительно успел убраться...

Жизнь жука причудливее человеческой.

Тут началась обыкновенная суэта вокруг покойника, каковую хоть раз в жизни, должно быть, наблюдал всякий. Директор подошёл и пожал мне руку.

– Не соображаю ничего, голова будто чугунная, – тихо пожаловался он.

Всё мне представлялось каким-то казусом, эти люди, их жесты, движения, их словеса. Но разве же смерть – казус? Смерть – закономерность, вот жизнь – та действительно казус!.. Слишком много я в этом существовании не понял, не успел понять, даже не хотел понимать. Sic!

Кто-то осматривал тело женщины, кто-то, присев за стол, записывал необходимое в таких случаях.

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

- Куда её теперь? – машинально спросил я.
- Навестить хотите? – грубовато спросил меня один из блюстителей.
- На Литовскую, – сухо ответила врач, не поднимая головы.
- Вы – родственник? – спросил у меня другой.

– Не родственник, – ответил тут же директор. – У неё не было родственников. Ираклий, не в службу, а в дружбу, вы бы не устроили нашего гостя в номер, он уж и так натерпелся, бедненький, от всей этой катавасии. А то мне нужно здесь быть, мало ли какие вопросы возникнут.

Ираклий согласно кивнул головой.

- Куда его? – спросил он.
- На втором этаже посмотрите, там, кажется, есть номера.

Мы с Ираклием вывалились, наконец, из душной комнаты, из многолюдья, столпотворения. Вслед за нами вышла и Маруська.

- Ключи возьмите, – подсказала Ираклию.
- Что ж, ты не знаешь, какие у тебя номера свободны?! – пробурчал Ираклий.
- Я только утром заступила, – ответила та.

Мы вышли из холла. По мраморной лестнице поднялись на второй этаж. Маруська плелась позади нас. Мы шагали, и что-то не покидало меня. Как будто нас было четверо, как будто Нина Эмильевна, её тень, её дух были рядом, я даже, кажется, слышал её шаги. Как нарочно ещё и проклятый Ираклий напускал туману и профанации. Подлый Ираклий!.. Правосторонний Ираклий!..

– Теперь так много пишут и снимают про всякое фантастическое, таинственное и гадкое. Книжки и фильмы. Грудь у кого-то набухает, там, где рёбра... а потом кожа разрывается, а оттуда дрянь какая-то лезет: жуки или монстры, которым и название-то не придумать, клешни, тонкие пальцы с когтями. Непременно какое-нибудь шелудивое или осклизлое. И везде у них такая мрачная атмосфера. Фантастика стала злая. Отходы, бедлам, беспорядок на экранах и в словах. А ведь при этом мрачное да фантастическое и в мире приумножается, вы не задумывались о том? Скоро у нас мир будет совершенно другой. Его захлестнёт таинственное и странное. Да-да, в один прекрасный момент мы вдруг станем жить совершенно в другом мире. Странное будет везде: дома, в семье, на работе, на улице. Странное, поначалу просто придуманное, материализуется, укоренится. Вообще странному не нужны монстры, странное без монстров страшнее. Чёрт, волосы из ноздрей растут. Копнами. У меня сегодня выступление, а я забыл про волосы, не убрал. Скажете, будет незаметно? С первого ряда могут и заметить. Не дай Бог, конечно. А что, если это не волосы, а щупальца живых существ?! Их станешь выдирать и тут-то и вытащишь из носа что-то ужасающее. Длинное, живое, хищное, неистребимое!.. Бр-р!.. Ну, вам-то ни о чём таком не надо знать, вы не артист, вам нужен номер. А мне вот приходится думать...

Ираклий постучал в дверь с номером двадцать два.

- Есть там кто, не знаешь? – спросил он у Маруськи.
- Да не знаю я!.. – бросила та, и глаза её увлажнились.
- Не знает она!.. А ещё коридорная!..

Я поставил баул. На самом деле он может быть огромен, в два раза больше себя нынешнего, достаточно только распусть на нём скрытый «зиппер», со стороны же этого не заметно. Я, пожалуй, напрасно прежде досадовал на свой баул.

Дверь открылась, на пороге стоял дядька в трусах и в сорочке.

- Наши лидируют: два-один!.. – сообщил он.
- Отлично, – сухо сказал Ираклий. – Не знаешь, в соседнем номере кто-то есть?

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

– А эта не знает? – спросил дядька.

– Эта ничего не знает! – махнул рукой Ираклий.

Тут мне будто кто-то сзади дунул в шею. Маруся не могла, она стояла в стороне. Неужто – Нина Эмильевна? Никак не ожидал от неё такой проказливости. Должно быть, изрядной шутницей была эта женщина в прежние времена, что и теперь не хотела уgomониться.

– Поселить кого-то хочешь? – спросил ещё дядька.

– Его, – указал на меня Ираклий. – Человек хороший, степенный, к святой женщине отнёсся с сочувствием. Директор меня попросил.

– Хороший – это хорошо!..

– Да, – сказал Ираклий.

– Про соседей ничего не скажу, в двадцать четвёртый стукнитесь! Там, видать, никого. Да и окна во двор.

– Ну, бывай! – попрощался с дядькой Ираклий.

Мы переместились к двадцать четвёртому.

– Два-один!.. – горестно вздохнула Маруся. – А когда Нина Эмильевна умерла, было один-ноль!..

– Ну, ты! – одёрнул её Ираклий. – Прекращай тут... поминать все!..

Он открыл дверь. И тут вдруг перед носом у нас что-то зашумело, заметалось, захлопало крыльями. Голуби... огромная стая, штук, должно быть, до сорока.

– Кыш! Кыш! – замахала руками Маруся, бросившись вперёд.

«Кыш!» закричал и Ираклий, и я тоже закричал «кыш!», мы втроём кричали «кыш!», голуби же металась в разные стороны, залетали под кровать, в прихожую, носились под потолком. Мы распахнули окно настежь (прежде едва приоткрытое) и, размахивая руками, выгоняли туда птиц.

Минут через пять мы покончили с крылатым нашествием, лишь повсюду были голубиные перья, пух, помёт и всевозможный беспорядок.

– Раззява!.. – крикнул Ираклий. – Не могла сразу, что ли, окно закрыть? Проветрила – и тут же закрыла!

– Это не я! Это до меня сделали!..

– Не ты! – пробурчал Ираклий. – Ладно, располагайся пока, а потом она придёт и приберёт у тебя, – сказал он уже мне. – И бельё поменяет! – усиленно сказал Ираклий.

– Поменяю!.. – тоскливо согласилась Маруся.

Она была теперь поникшей и будто оплавленной.

Наконец-то я был в номере, наконец я остался один. Птичий пух трепетал от всякого моего движения, но это мне не доставляло особенного беспокойства. Окно я закрыл. И всё-таки была она теперь со мной? Или она была там, далеко, где холодный безжизненный воздух? Где больничный беспорядок и приглушённые голоса? Ведь её уже увезли? Кое-какие приспособления из моего баула могли бы ответить на некоторые мои вопросы.

Но нет же, до места её наверняка довести не успели.

Хотя и с небес она, во всяком случае, на меня, ещё не взидала.

Да и вообще – вряд ли это возможно!..

Святая женщина... я всегда относился с изрядным подозрением к святости, но мне ещё следовало принять определённые меры по поводу упомянутого сорок второго опуса, да, так!.. На сей счёт есть необходимые инструкции; впрочем, я способен обходиться и без них. Отнюдь не первая моя командировка. Ре-минор же пускай будет составною частью атмосферы, и, если случайные свидетели станут задумываться о происходящем, что ж – они будут накормлены отборнейшей камерной музыкой. Написанной на листах тишины. Свисающей, ниспадающей,

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

громоздящейся. Литовская улица... напрасно они думают, что это так уже далеко. Зря они полагают, что это недостижимо!..

Я достал телефон. Кнопки у него будто живые. Иногда номер набирается сам собой, едва я только об этом подумаю, мне не приходится даже ничего нажимать пальцами.

За окном был замкнутый прямоугольный двор, и толстые оцинкованные вентиляционные трубы возвышались над крышею. Окна поблескивали. Город сверкал и звенел, как прежде, лишь сюда почти не доносились его звуки. Я слушал гудки в телефоне, длинные, холодные, безжизненные...

Дверь машины; да, её следовало захлопнуть с трепетом. Я так и сделал, но трепета оказалось недостаточно. Тогда я снова открыл её и снова захлопнул. Вот так уже было лучше.

Заднее сиденье.

Водителю я смотрел в шею и в спину, лица же его я не видел. Возможно, лица и не существовало.

Расщепляющееся. Неудобоваримое.

Что впереди у всякого? Смерть и космос. Смерть и космос. И лишь за мгновение до них – нечеловеческое движение чрез изнурительные тернии, коим наименования нет. Я же тщился изобретать всяческие наименования. И даже имена наименований. Всё сущее нуждается в имени, всё небывалое – в осуществлении.

– Нина, – сказал я.

Гудки за мгновение до того оборвались, никакого отклика в трубке не было, ни «да!», ни «алло!», но я знал, что меня слушают. Здесь я проницателен, здесь меня не провести. Слушают, слушают!..

– Страшный суд – вовсе не суд присяжных, – сказал я. – Но лишь – всеобщее присутствие одного безжалостного Судии (каковой по совместительству также – палач)! Я уже здесь, я приехал. Я существую. В моих жилах течёт кровь. Густая и жадная. От меня никуда не деться. Я поймал на улице машину, и она уже мчит меня на твою Литовскую улицу или там на какую-нибудь другую. Туда, куда нужно. Так что – минут пятнадцать, двадцать, максимум – полчаса, с учётом пробок... Рада ты мне или не рада – неважно, это в расчёт не берётся... Что? Ты не слышишь звуков города, других машин, звука работающего двигателя? Ничего-ничего, я нарочно приглушил звук. И всё-таки я буду, такой как всегда, с моими неопровержимыми и громогласными тезисами... С моими ослепительными софизмами.

В дверь постучали. Я знал уже, кто это. Спокойно положил телефон на постель и пошёл открывать.

– Простите, простите, – прижал руки к груди стоявший на пороге Ираклий. – Моё вечернее выступление, я только напомнить!.. Приглашаю, приглашаю!.. Через два часа, самые лучшие места во втором ряду!..

– Как же ансамбль? – спросил я. – Нашлись твои товарищи?

– Чистое недоразумение! Давно на месте, одного меня ожидают! Что ж, сыграем без репетиции – нам не впервой!.. Я уж такси вызвал, можем вместе, если пожелаете!..

Машина, снова машина! Как много теперь стало машин!..

Но ведь и без них никуда!..

– Пожалуй, – холодно сказал я. – Мне только собраться.

И посмотрел в глаза Ираклия. Я побывал уж в другом мире и теперь на Ираклия поглядывал, не вполне вернувшись оттуда.

– Я вот здесь на бумажке адрес написал и план – как добраться!.. Но раз мы вместе поедём...

– Бумажку оставь, – сказал я. – Бумажка нужна.

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

– Буду ждать!.. – взволнованно сказал Ираклий.

– Я скоро, – глухо сказал я.

Ираклий исчез. Я вернулся к постели. Достал из кармана серебряную серёжку с аметистом, подержал её на руке, лёг поверх покрывала, рядом с телефоном. Сорок две секунды я разглядывал одинокое женское украшение и более не делал ничего. Секунды скакали привычно по путям своим.

– Может, ты всё слышала, – потом сказал я. – И это хорошо, потому что ты понимаешь, что я всё ближе. Моё движение – неизбежность. Машина, Литейный мост, толчея, холостой ход, прочие нетерпеливы. Я необходим тебе, ибо вокруг цинизм и небрежение тайной. Молчание, молчание, я знаю, что ты говоришь, что ты тщишься говорить, что стараешься напрягать губы до крови, до треснувшей кожи, но у тебя ничего не выходит – а что же ты хотела? Это не самое страшное, что бывает, жизнь страшнее, жизнь нестерпимее, мы только не умеем того увидеть. А ещё голос; ты не способна издать ни звука, пускай даже хрипа или шороха, и всё это в противовес твоей прежней силе. Твоему свету, теплу и дыханию. Ты готова рвать свои жилы, но рвать уже нечего – жилы бессильны. А вообще же ты – шутница, голубушка! Ты ходила за мной, я знаю, ты дышала сзади. Ты думала, это меня может задеть. Но меня это только веселило, люблю замысловатые веселья, – сказал я.

Я ведь и вправду любил такие веселья. Я лежал навзничь на постели, телефонную трубку прижавши виском, птичий пух оседал на поверхности, на всякие поверхности, медленно, словно во сне; время потупилось, будто робея. Будто под сурдинку пощёптывая. Я слышал топот многих ног в коридоре; ноги были бесцеремонны, ноги были безжалостны, у нас теперь специально ноги приучают к безжалостности. У нас теперь и дыхания бесчеловечны, у нас созерцания противоестественны, у нас навыки аморальны. Заплутал человек в обыденном, в человеческом, в рассудительном, в сиюминутном. Вовсе не ведает он надмирного, раскалённого, молитвенного. Я иногда приношу ему песни надсаженных жил своих, гимны содрогающейся аорты своей и восторженного мозжечка своего, но не слышит таковые двуногий, не внемлет им прямоходящий, и всё бессильнее ныне мои глаголы, всё натужнее мои метафоры и силлогизмы. Мои перлы и аметисты. А вскоре и вовсе иссякнут. И быть по сему!..

История распадается, смысл расщепляется, умножается, раздваивается.

Чей это топот? Гостей, постояльцев? Или – клеветов, преследователей? Разве Ираклий (вкуче с его сомнительною Маруською) не выведет меня? Разве Луна не подмигнёт мне обратной стороною своей, приветствуя и мою потустороннюю миссию? Кто знает, чего теперь ожидать от Луны! И уж тем более – от Ираклия. Быть может, последний – предводитель клеветов, вожатый моих недругов. Его концерт – смерть, да и сам мир ничуть не животворнее концерта Ираклия. И тогда стук в дверь будет сигналом. Я услышу и вздрогну. Шаги, шаги!.. Вот уж они становятся тише и настороженней. Да, точно, это шаги мучителей моих, множества, великого множества!.. Они мучают меня своими пропущенными мячами, штрафными ударами, скамейками запасных. Но это и мои шаги тоже. Я сам – враг себе, и всякий – тоже себе враг, глумливец и истязатель!..

Мост, наконец-то, мы проехали мост, будто бы стонущий от напряжения; один из десяти тысяч моих мостов; но этот теперь был самым важным, самым главным был теперь он. Он выдержит, он устоит. Стонущий мост.

Водитель помалкивал, делал своё дело. Он, должно быть, почувствовал, что мне теперь не до пустых побасенок, не до беспричинных словоохотливостей.

Шея, у него слишком определённая шея!..

Зато он знает дорогу.

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

– Нина, – сказал я. – Ты не должна бояться меня, но ты не можешь оставаться всегда там, где ты есть. Я уведу тебя или унесу, если понадобится. У меня есть прекрасный баул для всевозможных тяжестей, ты же не тяжела, Нина!.. Ты легка, и делаешься всё легче!.. Я уже рядом, я совсем близко. Ты уж слышишь моё сердце. Я же не слышу твоего сердца. Ибо оно молчит. Люблю молчащее сердце. Люблю твоё сердце, Нина!.. Нина!..

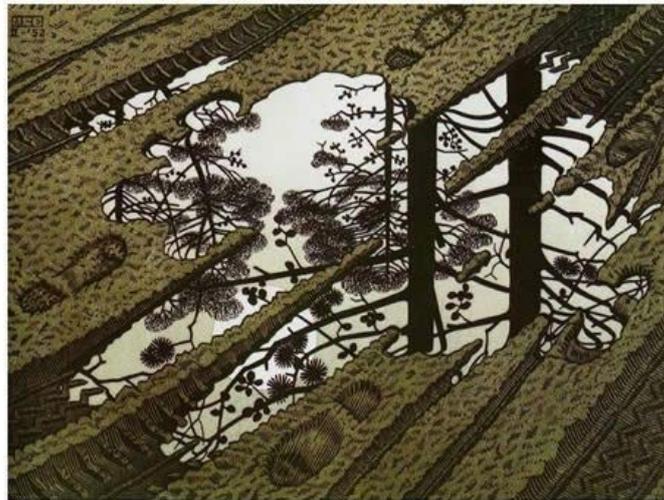
Мы ехали вслед за трамваем, но вот он наконец пропустил нас...

Осталась всего лишь пара кварталов, осталось лишь несколько жучиных шагов.

Птичий пух казался встревоженным.

В дверь застучали. Я вздрогнул. Как и намеревался. Я ожидал этого стука, всякий из нас однажды услышит такой стук. Обманут ныне я временным пристанищем моим, ничтожнейшим подобием дома моего. Обманут я и существованием моим, его обещаниями, его миражами, его затмениями, солнечными, земными и лунными, его *равными возможностями*, его лживыми вероисповеданиями, его бонусами и дисконтными картами. Бумагами, планами, расписаниями поездов. Я и сам бывал в сердцевине многих затмений (едва ли не всех), вот же и ныне принёс я затмение человекам, небывалое, неминуемое, невероятное. Сумрак и слово – орудия мои, специальные средства мои и украшения. Когда-то я ещё приду в дом всякого из смертных, и он будет бессилен мне противостоять, я стану ждать на пороге, терпеливо, рассудительно, и всё же мы пойдём вместе, и я поведу его в сторону света, тоски, неприкаянности. Покоя и холода. Некогда так пришли и за мной, а я не был готов, и ждали на пороге, не говоря ни слова, и разливалась печаль, и было отчаяние, и было смирение, океан смирения плескался в моих изнурённых недрах; и вот, наконец, грудью своей застылой, духом изверившимся, гортанью бессильной, губами недвижимыми:

«Войдите!» – сказал я.

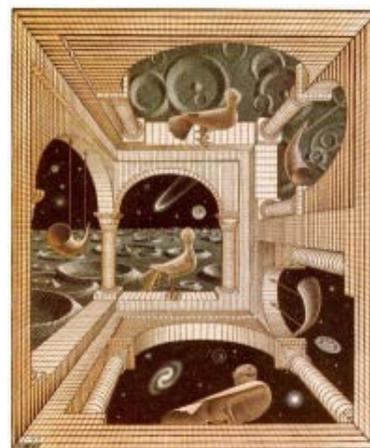

М. К. Эшер. Лужица

ПОЭЗИЯ

Ирина Егорова (МОССАЛИТ, Москва)

ИЗ ЦИКЛА «БЕЛЫЙ МАМОНТ»

* * *

Сожмёт ли судьба тебя хваткой паучьей
И нитью седую –
Я ласковой буду водою текучей.
Я буду водою.

Снега закружатся всё чаще и чаще?
Ветра отовсюду?
Я пламенем буду, от пляски дрожащим.
Я пламенем буду.

Скуют одиночества серые плиты,
Молчание злое –
Я буду землёю, плодами налитой.
Цветущей землёю.

Заботы обступят дремучею чащей,
Аукнутся эхом?
Я радостью буду, от солнца звенящей,
Безудержным смехом.

А если дорога с тобой приключится
В далёкие страны –
Я воздухом буду пьянящим, душистым.
Я воздухом стану.

* * *

Себя – до капельки вложить –
Не одолжить.
Не приласкать и отложить,
А жизнь прожить!

* * *

Событие свершилось – ты и я.
Теперь бы нам ещё – со-бытия!

* * *

Хоть не мала я, а выросла,
Но ты посеял – я выросла.

* * *

На грани я не устою –
Прыжок – и сердце парашютом.
Ну, а умру – любовь твою,
Осмелюсь, снова попрошу там.

* * *

Я за этим и родилась –
Мне с судьбой неуместен спор.
Если б я от любви спаслась –
Бог расторг бы со мной договор.

* * *

В небесах – опять переучёт.
Вся в слезах, раздулась туча флюсом.
Взвившись, змейка молнии течёт,
Вклинаюсь между минусом и плюсом.

И, в объятых влажных приняв,
Дождь проямлит, пробормочет, ну и
Всю, до слёз, исцмокает меня
Многokратным мокрым поцелуем.

ПОЧЕМУ В ПАРИЖЕ СНЕГ

Природа нацепила траур белый
И молча терпит инеем разлук.
А мне – ни усмирить живое тело,
Ни дотянуть к тебе горячих рук!

Тянусь дорогой, щупальцами вѣтров,
Кидаю вьюгой свой протяжный зов,
Чтобы тебя, за сотни километров,
Потрогать нежно пальцами снегов.

* * *

Намеренно и неслучайно,
Меня собой заполоня,
Не приучай себя к молчанью –
Не убивай в себе – меня!

Рассеянно пожав плечами,
Вполне прилично, не грубя,
Не приучай меня к молчанью –
Не убивай во мне – себя!

* * *

Покинув болью стиснувший покров,
Растёт дитя, как дрожжевое тесто...
Мы выросли на целую любовь.
И в прежней шкуре нам уже не место.

Любовь болит, брыкается, живёт...
Ей невтерпеж – расти готова снова.
И – вон из кожи – снова кожу рвёт.
И просит – формы! Мысли! Дела! Слова!

* * *

Нет, не покой перин и пышек,
Тот, что занежит и растлит,
Я выбираю то, что пишет –
Меня. И что меня растит.

«Там путь закрыт!» – твердили вы, и –
«Не может быть!»

Возможно, но...

Я эту жизнь живу впервые
И ничего не решено.

Душа – на вырост. Всё – на вынос...
Как чудо-меленка – коржи,
Творю я Божию повинность –
Любя, возделываю жизнь.

Пусть изойду семью потоками...
Пусть нараспашку – каждый вздрог –
Иду воздушными путями,
Где нет проторенных дорог.

ПОЭЗИЯ

Ольга Уваркина (МОССАЛИТ, Москва)

ПОБЕГ

Опять тоскою налегло.
В квадратных метрах
бродит скука.
И день глядит в тени углов
Стеклянными
глазами кукол...

От цепких стен -
на волю, в май.
Бежать туда,
где солнце пышет,
И приосанились дома,
А небо
стало разом выше,
Где тополь
с шапкой набекрень
И в папильотках гнёзд грачиных...
Вот-вот распустится сирень
С ромашкой –
девичьей кручиной...
Пока желтеют островки
Из одуванчиков –
младенцев,
Сбегу из дома от тоски
По зову разума
и сердца...

ДЕТСТВО

Беспечные занятия
Уютные объятия
Крест-накрест тёплой шали...
Морозные «куличики»,
«Блины» из снежной корки
И визг (до неприличия)

За переделы горки...
Прыжки по майским лужицам,
Велосипедик звонкий,
Мир каруселью кружится,
И ноги все в зелёнке...
Сачок из дымки марлевой,
Умчались, миновали...
Стеклашки для «секрета»,
Жара, рыбалка, зарево,
Ночное, запах лета...
Гербарии, коллекции,
Осенние простуды,
И тайны - «мифы Греции»...

И горя нет... покуда...

ВЕЧЕРНЕЕ

Вечер высветил небо розовым,
Тон – пастель,
Ретушируя мысли грёзами
Всех мастей...
Пусть мечтами стихи наполнятся,
Как кувшин...
Расплещу их по миру вольницей
От души...

Догорела заря.... Как коротко...
Темень жжёт...
Улыбнись, светлый месяц-золотко,
Твой черёд...
О несбывшемся не дописана
Пара строк.
Я отправлю тебе их мысленно,
Добрый Бог...

ВЕЧЕР

Почти темно...
 Ещё не спится...
 Дню, уходящему:
 «Пока!»
 На бабочек
 Похожи птицы,
 Легко вспорхнувшие
 В закат...

 Во след крылатым
 (Ведь не поздно?
 Стволы, как струны
 напряглись), -
 На взлёт -
 Медведковские сосны,
 Из снега вытянулись
 Ввысь...

 Один фонарь
 Горит невинно.
 Предназначение
 Старо:
 Земной он связан
 «Пуповиной»
 С людьми и стареньким
 Двором...

ПРОГУЛКА

Дух иллюзорности витал
 Над скатертью – дорожкой,
 Искрился влагой краснотал,
 И таял снег в ладошке...

 Клевали капли серый наст,
 А вечер падал в полночь...
 Луна, светившая для нас,
 Была в печали полной...

 Дремали лодки на боку,
 Скрывая сны и тайны...
 И сладким, как рахат-лукум,
 Был поцелуй... случайный...

НОЧЬ

И сколько б вечностью ни полнился
 Закат... Ничтоже сумняшеся,

 Крадётся хищно ночь – бессонница
 В заплатках звёзд вуали смявшейся...

ТАМ...

Там песни соловья кристальны,
 В ночи слышной,
 И вековые прячут тайны
 Узлы корней...

Блестит на ягодах румяных
 Росы колье.
 Цветами вышиты поляны,
 Как ришелье...

Там боровик под тьмою ели
 В рíе застыл.
 Прядёт паук свои кудели:
 И фронт, и тыл...

Пушистых облаков отары
 Белым-белы,
 Играют бликами муара
 Берёз стволы...

ЛИМЕРИКИ

Я мечтала из греков в варяги,
Не хватило китайской бумаги,
Поломался кораблик,
Не сложился журавлик,
А в душе не достало отваги...

Старый плут - аферист из Бергамо,
Разместил в Интернете рекламу
И на деньги развёл
Этот старый козёл,
Пол-России по полной программе...

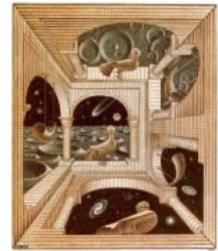
Заявляла красотка из Берна:
"Скоро замуж я выйду, наверно,
Толстосум пожилой
Волочится за мной.
Я сиделкою буду - примерной..."

Куртизанка одна, Саломея,
Утром всем заявила, краснея:
Ночью вор согрешил,
Её чести лишил,
Вместе с честью похитив какою...

Раз гуру, оказавшись в нирване,
Обнаружил, что гол и без money...
А последний адепт,
Деньги взяв на билет,
Возвратился на родину к маме...

ПОЭЗИЯ

Владимир Герцик (Москва)

Из сборника «Бабочка над асфальтом. 108 хокку»

1.

Ну, вот и весна.
Ветер срывает клочья
Снега с деревьев.

4.

Чай и купанье
В солнечном свете марта.
Скоро растает

5.

Под снегом ручьи.
Рот улыбается сам.
А я в магазин.

8.

Мусор на склоне.
Вот немного подрастет
И станет горой.

11.

Бутоны, цветы
Заслонили все листья.
Летят лепестки.

14.

С подоконника
Сосредоточенный кот
Созерцает жизнь.

18.

Волосы крылом
Задевает ворона.
Играет со мной.

Большие листья
Мимолетного клена.
Зеленая мгла.

22.

Погас монитор,
И белый ветер Луны
Влетает в окно.

23.

В этом дворике
Просто чудовищные
Листья лопуха.

26.

Летающий пух
Создает ощущение
Легкого кайфа.

28.

Стою в воздухе,
Переполненным пухом,
Как ложка в супе.

30.

Черный мотылек,
Голубые стрекозы,
Гуща крапивы.32

Да нет, не утка.
Это просто пакетик
Плывет по воде.

40.

Через ограду
Просунулись влажные
Пасти жасмина.

46.

На озере рябь,
Интерференция волн
И прочий мираж.

48.

Камыши в ряске.
Тень облаков на воде.
Порывы солнца.

59.

Кончилось солнце.
Отражается в лужах
Рассеянный свет.

63.

Нижние ветки
Покачивает ветер,
Поднимаясь вверх.

67.

За занавеской
Там фонарь над дорогой,
Сквозь темень веток.

70.

Зеркало воды,
Отражение леса,
Отдаленный гром.

81.

Как бы выпустить?
Безумная бабочка
Бьется по стеклу.

84.

То, во что я так
Судорожно вцепился,
Сейчас растает.

86.

Налетел ветер.
Шелест липовых листьев,
Молчанье стволов.

90.

В синеве неба
Свежевыпеченные
Тучки из рая.

105.

Мгновенья жизни.
Чудо воспоминанья.
Чудо забвенья.

106.

Перед полетом
Начинают светиться
Листья на ветру.

ПОЭЗИЯ

Ирина Болдина (Москва)

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ – 2

горячим солнцем целует кожу слепое утро.

на гладком камне рукою твердой рисует сутры
усталый мастер,
выводит знаки, дыханье ровно.
богам куриным дает задание ковать подковы
иллюзий счастья.
в ладони теплой пустое место.

нахальный ветер поднимет челку привычным жестом.

легко оставит песок на каплях, легко исчезнет,
безумна память, что будет помнить любое вместе.

узнав однажды про самых-самых - других не будет.

у тонкой кромки лазурной глади смешные люди,
волна ласкает босые ноги, медузы – жалят.

ракушка держит тугое тело в своей спирали.

СОЛВИТЕ

даже если все голуби мира помрут от страшнейших болезней
почтальоны во всех городах перестанут работать сославшись
что сетка быстрее и круче и внезапно закончились марки
поезда самолеты сломались корабли заседают на мелях
там где я нахожусь электричество взъелось на солнце
потому что оно по-любому теплее и ярче
знай всем сердцем своим я пишу тебе строчки и письма
ежедневно пуская отсюда бумажные лодки
все они доплывут до твоих берегов... это будет не завтра...
но когда-нибудь ты получишь их все до единой
потому что ты веришь в меня ну а вера не тонет
я счастлив

ХОККУ

РАССТЕГНУТЫЕ ПУГОВИЦЫ

*

в белой рубашке
у окна среди ночи.
месяц – мальчишка.

*

как сновиденья
ветер к югу уносит
пух тополиный.

*

сонное царство
в молчанье глубоком,
псы беспокойны.

*

холод июньский
годам не помеха,
зрела бы вишня.

*

тихо течение,
лишь песня лягушки,
фу - это счастье.

*

глиняный чайник
забыл мои руки,
ночь остывает.

*

сладкая нега
в бутылке зеленой
с косточкой сливы.

*

ногти раскрашу
коралловым лаком –
завтра приедешь.

*

спать захотелось,
колени укрою,
дело к рассвету.

* * *

а потом, вернувшись к себе в болото,
в котором, как водится (в скобках - зевота)
длинноногий цапель с лягушкой в глотке
замечает тебя по твоей походке
ты садишься рядом в большую лужу
затыкаешь сердце глаза и душу
говоришь, катая несладкий ком –
потом

* * *

...у нас молчат.
 не знаю на каком.
 молчанье золото, а золото не тратят.
 мосты прикручены.
 и вот за это платим
 кормушкой, бытом,
 попросту – углом.
 ворона воровала за окном
 себе на завтрак перезревших вишен,
 но то вчера...
 сегодня дождь и тише.
 соседский пёс бежит за поводком...
 вопрос-ответ
 на кой, за кем, по ком.
 ...мальчишки запускают змей бумажный...
 какое счастье, быть кому-то важным,
 такое счастье...
 утепленный дом.
 смородина поспела за письмом,
 сломалась инь...
 порыв... ну, будет память.
 все как у всех. и ветер затихает.
 и небо
 голубое
 далеко

йодом

рисую слева
 решетку

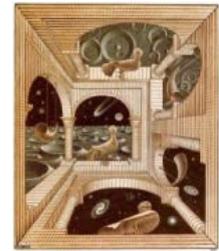
чтоб не разбилось
 сердце

* * *

перельёмся перетрёмся да и выйдем на природу
 вон восьмая туча справа погрозила кулаком
 дуракам закон не надо дуракам покрепче воду
 и плевать что каждый помнит с чем останется потом
 позывные дикой стаей поплывут в воде небесной
 но рыбак поймать не сможет ни одной священной Тай
 утешаясь мимолетно так прекрасны и нечестны
 в вечном поиске под флагом ничего не обещаю

ПОЭЗИЯ

Владимир Гоммерштадт (Москва)

СМИРЕНИЕ ЗВЕЗД

С лунной дорожки, сбивая росу, путь свой чуть-чуть сокращает.
Встретить учителя взгляд. Поклониться. Уйти навсегда.
Мудрый отшельник беспечно в носу пальцем кривым ковыряет.
Звёзды на школу смиренья в глубоком почтенье глядят.
Нет — упала звезда.

ТАЮТ СЕКУНД ЛЕДЕНЦЫ

Тают секунд леденцы —
вдох мимолётной прохлады.
Перевирают скворцы
чьи-то чужие рулады.

Радио-, телеантенн
еле заметные тени.
Крестит хмельная сирень
настежь раскрытые сени.

Девочка с толстым мячом -
образ земного ли шара? —
с криком бросает — и дом
ждёт отголосков удара...

Газовый шлейф суеты
солнце рассеянно гладит.
К куполу неба кресты
бойкая церковка ладит.

С неба спустились венцы —
прямо в картонную тару.
Тают во рту леденцы,
катятся по тротуару.

РУСАЛОЧКА

Пора пришла — какая милость!
Как сердце билось...
билося..
билося.

Уже почти остановилось.
Всё нет любви —
Не доплыла —
В озоне чёрная дыра,
На солнце буря приключилась,
В ночи комета засветилась,
Парад планет —
Ох, шулера!

О звёзды, звёзды —
Их дела —
Как в прятки детская игра:
Пора?

А может, не пора!

Вот тут, судьба переменилась —
Любви лодчонка приплыла;
В ней всё что надо:
два весла.

Река за горизонт струилась.

На дне русалочка спала.

ЗЕЛЁНЫМ СЕРДЕЧКОМ ЛИСТА

Зелёным сердечком листа
заложена книга.

Серчает
ушедшего дня маета,
с досадой, стоит на часах,
и маятник ровно качает.

Беспечнейший остров зимы,
что в доме живёт и не тает,
постель бранным стенам являет —
ни мужа тут нет, ни жены —
единое тёплое «мы»
в её чистоте вызревает.

Нам ветер читает с листа
все ноты, порою сбиваясь,
раскрытую рамой играет,
стесняясь, что «арфа» проста...
из крайности в крайность кидаясь,
то шепчется, то засыпает.

И светит нам звёзд нагота,
с цветеньем черёмух срастаясь.

КОРОЛЕВА

Знаешь, кто я? - «бессмертный Кашей».
Так и сплю на смешной раскладушке,
из «музейных» (бессменных) вещей,
«локон музы» — твои завитушки.

Помнишь, как забегала ко мне,
и была ещё просто принцесса,
и луне в несказанном окне
пела песню безлунного леса.

ПРИРУЧЁННОЕ ВРЕМЯ

Застыло время, тельцем робким,
ни на кого не наезжало,
боясь движением неловким
спугнуть — чего — само не знало.

Усами еле шевелило
и стрекотало оживлённо —
и очень мило выходило,
полузастенчиво,
влюблённо.

Лежало рядышком на стуле
и нам с тобою не мешало.

Такого тихого июля —
без гроз —
давненько не бывало...

Ну, а я — и сейчас без ума —
скромно строил воздушные замки,
и из спичек сухих терема,
где тебя берегли няньки-мамки...

Ты теперь королева мышей,
отовсюду торчат злые ушки,
а мой замок воздушный — ничей,
подари его грустной подружке.

НЕСМЕЯНА

Ночь
 вышивает на пальцах
 звезду за звездою.
 Время
 куда-то ушло,
 не позвав за собою.
 Вешней свирели
 Мотив
 ветерок навевает.
 Кот
 трубочистом глядит
 и поёт
 (нет — зевает).
 Снова затих до утра
 скрип мостков деревянных.
 Лишь —
 Несмеяной —
 Луна
 между изб осиянных.
 В тёмные окна глядит —
 ей одной лишь
 неймётся:
 некому путь осветить —
 вот и не
 улыбнётся!
 В облако
 скрылась луна —
 дышит грёзой чудесной:
 вся истончилась она,
 став
 улыбкой небесной.
 Лодкой
 плывет по волнам,
 светлым парусом,
 песней...
 Вести, подобные снам,
 дарит
 каждой невесте.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Зинаида Кокорина
(МОССАЛИТ, Москва)

РАЗВИТИЕ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Важно не количество знаний, а качество их.

Лев Толстой

Детской литературе чуть меньше двухсот лет. Как о явлении о детской литературе можно говорить, примерно начиная с 30-х годов XIX века. Одним из первых детских авторов был человек, писавший под псевдонимом Антоний Погорельский, автор «Черной курицы». Причем это произведение было написано для очень известного впоследствии ребенка, племянника автора — Алексея Константиновича Толстого, будущего классика русской литературы.

Все, что было до этого и читается нами сейчас как детская литература (сказки Шарля Перро, братьев Grimm), создавалось как литература взрослая. Например, сказка «Красная Шапочка» писалась вовсе не как занимательная история для детишек о том, как девочка пошла с пирожками к бабушке и ее проглотил волк, а как поучительная история для легкомысленных барышень, которые почему зря прыгают в постель к волку. Кстати, в первоначальном варианте сказки волк съедает Красную Шапочку, и на этом дело заканчивается. Со временем популярный жанр перестает восприниматься взрослыми серьезно, он откатывается сначала в область подростковой литературы, а потом в область детской. Так случилось с романами Дюма и Вальтера Скотта, с произведениями Джека Лондона, со сказками. Проявилась так называемая «тенденция снижения» взрослой литературы к детскому чтению.

Если говорить о современной детской литературе, то она, безусловно, меняется. Уже совершенно точно литература детская перестала быть просто занимательной, просто просветительской, просто воспитательной. Она стала еще и вспомогательной, работая, скажем так, на грани с психологией. Задача такого рода современных текстов не только в том, чтобы ребенку что-то рассказать, объяснить разницу между добром и злом, но еще и помочь подготовить к любой сложной жизненной ситуации.

В первую очередь такие книги пишутся в Европе, в частности, в Скандинавии. Именно скандинавские авторы очень любят писать книги, в которых, например, родители разводятся, ребенок переживает этот развод и думает, как ему быть и что с этим делать. Предполагается, что дети, прочитав подобного рода книгу, либо сами смогут пережить подобную ситуацию, либо будут иначе относиться к товарищу в школе, детском саду, во дворе, у которого что-то произошло.

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

Задача книг многогранна. Мы все живем в обществе более или менее толерантном или, по крайней мере, стремящемся к толерантности. А поскольку литература — это авангард мысли, то авторы стараются каким-то образом объяснить детям, что все мы хороши и прекрасны, вне зависимости от цвета волос и кожи, разреза глаз, национальности, жизненного уклада, состава семьи. В любой жизненной ситуации ты ценен и уникален, ты заслуживаешь любви и уважения.

Например, в Швеции есть писательница Пернилла Стальфельт. Мотивом её писательского творчества стали вопросы детей, задаваемые в музее, где она работает.

Ее первая книжка называется «Одного поля ягоды». Она как раз про то, что все мы разные, и это замечательно. Ни в коем случае нельзя дразнить человека, который чем-то от тебя отличается, а напротив, счастье, что он рядом с тобой есть, и ты на него любишься. Среди книг этой писательницы есть «Книга о смерти», написанная для ее дочери, которая была потрясена смертью любимой бабушки. Книга просто объясняет, что происходит с растениями, животными, людьми в конце пути.

Подобные книги не в нашей традиции, нам сложно их понять, а в Швеции они входят в обязательную программу для младших классов школы и спонсируются министерством образования. Абсолютно точно, что такую литературу надо читать с кем-то из взрослых. То есть это не просто книга, а скорее книга для чтения-обсуждения.

Возникает вопрос: полезны или вредны такие книги, надо или не надо их читать, в каком возрасте, как мы раньше без этого обходились, не навредит ли? Психологи разумно парировали, что такая литература может быть полезна при одном-единственном условии: те взрослые, которые ее с ребенком читают, готовы это делать. Если родители настолько открыты миру, что готовы про это думать, обсуждать и рассказывать ребенку, говорить о том, что люди бывают разные и не надо их за это осуждать, то эти книги, конечно же, полезны. Такому ребенку будет проще широко смотреть на мир.

Но опять же никто не вправе никого осуждать. То есть нельзя осуждать маму, которая читает ребенку «Колобка», «Курочку Рябу», сказки Пушкина и боится идти дальше.

Отважились, наконец, говорить на разные сложные темы и наши авторы. Есть, например, замечательный сказочник Сергей Седов. Несколько лет назад вышла его книга «Сказки про маму». И среди прочего там есть сказки о мамах, которых принято осуждать. Например, про маму-пьяницу или про маму, которая продала своих детей, или про маму, которая не помнит, кормила ли своих детей, и все время их кормит. Традиционный подход к таким сюжетам — маму осудить. Седов же объясняет, что мама хороша тем, что любит своих детей, даже если она не всегда в поступках выражает свою любовь. Соответственно, как можно относиться к такой маме? Любить ее. А поскольку мама прощает наши шалости (мы же тоже иногда плохо себя ведем), и мы должны прощать ее слабости и плохое поведение.

Сейчас популярна микроистория, то есть взгляд на историю страны через призму судьбы человека, истории семьи. Мне кажется, что ниточку любви к родным пенатам нужно вести из семьи. Именно поэтому так полезны подобные книги. Они дают основания взрослым поговорить с ребенком о маме с папой, бабушке с дедушкой, рассказать историю собственной семьи. И если человек склонен к какому-то укоренению, то, наверно, это укоренение у ребенка произойдет через собственную семью и никак иначе: ни через лозунги, ни через школу, ни через идеологию, а только на личной основе.

Есть ли на горизонте детской литературы Чуковский и Маршак нашего времени? Что касается литературы для дошкольников, есть, например, замечательный молодой автор Станислав Востоков. Он написал сборник рассказов о зоопарке. Автор сам успел поработать в

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

нескольких зоопарках, в том числе зарубежном. И все истории, которые описаны в книге, правдивы. Жизнь зоопарка изнутри, описанная с юмором и добротой. Прекрасная книжка!

Есть и замечательные поэты. Например, Андрей Усачев, Леонид Чернаков. Почитайте детям стихи Чернакова из сборника «Дырка от бублика». Они неординарны, с тонким юмором, понятным и детям, и взрослым. Их особенность — простота рифмы в совокупности с назидательным смыслом.

Почему читали мы и не хотят читать современные дети? Потому что для нас чтение было отдыхом: я не уроки делаю, а Дюма под партой читаю, или «Робинзона Крузо» с фонариком под одеялом. Чтение тогда выполняло ту же роль, что сейчас выполняют кино и компьютерные игры. Это способ, во-первых, убежать от реальности, во-вторых, пофилонить. Значит, нужно смоделировать ситуацию, при которой чтение будет способом отдохнуть и побездельничать.

Если проследить историю отношения к ребенку с XVII века до наших дней, то каждая следующая идея казалась прогрессивной, новой и окончательной. Проходило сто лет, появлялась новая идея, прежняя устаревала, но что-то от нее оставалось. Возможно, что и волна социальности, которая захлестнула детскую литературу, через какое-то время спадет, но останется необходимый минимум, который все-таки будет полезен.

Что же касается привлечения ребенка к чтению. Не надо насилия. Более того, стоя над ребенком с часами и заставляя его читать час в день, легче всего отвести его от книги.

Есть замечательный человек Даниель Пеннак, он француз, гениальный педагог и прекраснейший писатель. Он прекрасен и тем, что был круглым двоечником. Выпускной экзамен в школе Даниель сдал то ли со второго, то ли даже с третьего раза. А потом вдруг оказалось, что он педагог от Бога, может работать с трудными детьми и малолетними преступниками. Так вот Пеннак выработал десять правил, чего ни в коем случае нельзя делать, чтобы не отвести ребенка от книги. Ни в коем случае нельзя заставлять дочитывать книгу до конца, если она не нравится. Пеннак рекомендует читать ребенку вслух. То есть сам процесс чтения должен формировать ситуацию удовольствия, отдыха и близости с взрослыми. Если ребенок читать не любит и не хочет, но при этом ему интересно то, что написано в книжках, ему надо читать вслух, и, если необходимо, читать до 15-16 лет. Наверное, Пеннаку стоит поверить, у него богатый педагогический опыт

И дело даже не в этом, а в том, что ребенок, читающий много, эмоционально и интеллектуально взрослее тех, кто не читает. Литература заставляет любого человека — маленького или взрослого — прожить гораздо большее количество жизней, чем ему отведено. Он может испытать, понять, почувствовать и узнать гораздо больше. И с этой точки зрения, конечно, человек, читающий много, вырастает не только интеллектуально, но и эмоционально более зрелым. Он принимает более взвешенные решения, более терпим к окружающим, он просто мудрее. Взрослее, старше и мудрее.

В статье использован материал рубрики «Мир ребёнка» журнала «Просвещение».

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Андрей Парошин

(МОССАЛИТ, Москва)

ХМУРАВЕЙ

Надоело мне играть,
Лучше сяду рисовать.
Вот беру фломастер я
И рисую МУРАВЬЯ.

Вышел он какой-то грустный,
У него печальный вид:
Может, съел листок капустный
И теперь живот болит.

Он совсем не муравей,
А какой-то ХМУРАВЕЙ!

Тут я понял, в чем ошибка:
Ведь ему нужна улыбка!
Взял другой фломастер я,
Исправляю ХМУРАВЬЯ.

Хмуравью рисую рот,
Только... задом наперёд.
Клюв какой-то получился, —
Даже сам я удивился.

Он теперь не хмуравей,
А весёлый ЖУРАВЕЙ!

Карандаш беру скорее,
Журавью рисую шею
И смешного журавья
Превращаю в ЖИРАФЛЯ!

Только он ещё ребенок,
Не ЖИРАФЛЬ, а ЖИРАФЛЁНОК!

Надоело рисовать,
Маме я несую тетрадь.
Открываю в кухню дверь:
— Мама, что это за зверь?

КОРАБЛИК

Раз сказали мне ребята:
«Выходи гулять скорей!
Начинается регата
Возле дома, во дворе!»

Не из палки, не из щепки
Сделал свой кораблик я, —
Мой кораблик из прищепки,
Из прищепки для белья.

От азарта стало жарко,
За ребятами бегу.
Мой кораблик, как байдарка,
Мчится вниз по ручейку.

Вот обходит бригантину,
Вырывается вперед, —
Он быстрее, чем эсминец,
Ледокол и пароход!

Мой кораблик быстроходный
Вдруг пропал в крутых волнах, —
То надводный, то подводный,
То линкор, то батискаф.

Возле лужи выплыл первым, —
Победил в регате он!
Ведь не зря кораблик верный
Назывался «Чемпион»!

В ДЕЛЬФИНАРИИ

С мамой и сестрёнкой Варей
Мы шагаем в дельфинарий.
Мы садимся на места,
Вся трибуна занята!

Выступают котики,
Гладкие животики:
— Посмотрите, я несу
Мяч огромный на носу!

Появляются дельфины,
Три весёлых афалины.
Зазвучал весёлый вальс,
И они пустились в пляс!

Очень умные дельфины:
Свой портрет рисует Зина,
А Егорка и Марат
Прыгают через канат.

Вот плывёт Егорка к брату,
Словно говорит Марату:
«Посмотри, как я взлечу
И ударю по мячу!»

Котик бьёт по борту ластом,
Аплодирует гимнастам.
Представленьё — высший класс!
Мы придём сюда не раз!

ПОД ДОЖДЁМ

В детский сад идёт Антон
Под большим-большим зонтом:
Сапогами топает
И по лужам шлёпает!

Топ-топ!
Шлёп-шлёп!

Глядь - Андрюша вдалеке,
Он идёт в дождевике
И ничуть не хуже
Шлёпает по лужам!

Топ-топ!
Шлёп-шлёп!

И теперь они вдвоём
Дружно скачут под дождём!
Вместе по аллее
Шлёпать веселее!

Топ-топ!
Шлёп-шлёп!

НА КОНЬКАХ

На коньках по льду качусь
В ясный день морозный -
Я кататься научусь
Рано или поздно.

Еду я, скольжу по льду,
Вы, друзья, не смейтесь,
Всё равно не упаду,
Даже не надейтесь!

Только вдруг я набок — шлёп! —
Не могу подняться!
Я качусь, качусь в сугроб,
Разбегайтесь, братцы!

Даша Залесская, 10 лет (Москва)

Знакомьтесь – Даша Залесская. Даше 10 лет. Даша – очень увлеченный и разносторонний человек. Она занимается в театральной студии «Экспромт», играет в шахматы, рисует, лепит, а также занимается плаванием и айкидо. И, конечно, пишет стихи. Свое первое стихотворение она написала, когда ей было всего 4 года. И теперь Даша пишет стихи своим друзьям, родителям, учителям и знакомым. Недавно Даша стала сочинять стихи на английском языке. И у нее это здорово получается!

Mike's new bike!

Mike opens a present
And sees a new bike.
«Happy birthday, Mike!»
Mike rides on the bike.
But his dog Spike,
Runs behind the bike.
His Mum says: «Oh, dear,
I see a tree near».
But Mike doesn't listen his Mum,
He goes to the tree,
His hands are not on the rudder,
His hands are free.
Mike brake his new bike,
But Mum says:
«Mike we buy for you a new bike,
Don't cry!
You will have a new try!»

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

ИГРА

Я увидела клубочек,
На него напал комочек.
И клубочек и комочек
Подрались средь бела дня!
Кто комочек? Кто клубочек? -
Непонятно для меня!
Но потом я догадалась,
Что клубочек не клубок -
То котёнок разыгрался!
А комочек тот - щенок!

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

*Настя Омельченко, 13 лет
(Москва)*

Сочинения Насти уже были опубликованы в ноябрьском выпуске нашего журнала. Предлагаем Вашему вниманию еще одно произведение этого юного автора.

***В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе...
А. С. Пушкин***

6 января 2011 года.

Сегодня канун Рождества. Это время, когда случаются чудеса. Это время неожиданных открытий и приятных моментов.

Я проснулась от холода, веявшего из окна. Но, как ни странно, он был не злым, он был добрым, нёс волшебство и удивление. Я быстро встала с кровати, укрытой белоснежным одеялом, похожим на большой сугроб, и подбежала к большому окну. Радость охватила меня... Деревья в лесу стояли неподвижно, а солнце ярко освещало всё: дома, мою комнату, двор, лес... Около моих ворот уже стояли друзья. Они прыгали, радуясь наступившей зиме. Быстро одевшись, я выбежала к ним. Меня начали закидывать снежками. Посмотрев друг на друга, все вместе мы окунулись в снег. Ощувив его мягкость и воздушность, мы не захотели вставать. Покувыркаться в таком снегу было не менее приятно, чем просто полежать в нём... Я чувствовала себя, как на своей мягкой кровати. Это был первый снег, которого мы не видели, наверное, вечность... Это было настоящим волшебством для нас... Внезапно подул лёгкий ветерок, и снежинки закружились в зимнем танце. Вот она, настоящая зима!!!

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Даша Косова, 14 лет (Москва)

Даша Косова, 14 лет, родилась и учится в Москве, в 9-ом классе Новой Гуманитарной Школы (НГШ, м. Аэропорт). Хорошо знает английский и изучает немецкий язык. Играет на фортепьяно, имеет разряд в бридже. Даша страстно любит путешествовать и ничего не боится! Бесстрашно спускается на лыжах с горных склонов, отлично плавает, отбивает непростые мячи в теннисе, успешно пробует себя в верховой езде и дайвинге.

Мы представляем несколько работ Даши из цикла «Воспоминания о лете», которые демонстрируют внимательный взгляд юного фотографа.

Божья коровка

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

Дашу волнует все: окружающие ее люди, животные, родной город, а еще - дальние страны, где уже побывала или еще предстоит побывать.

Домик

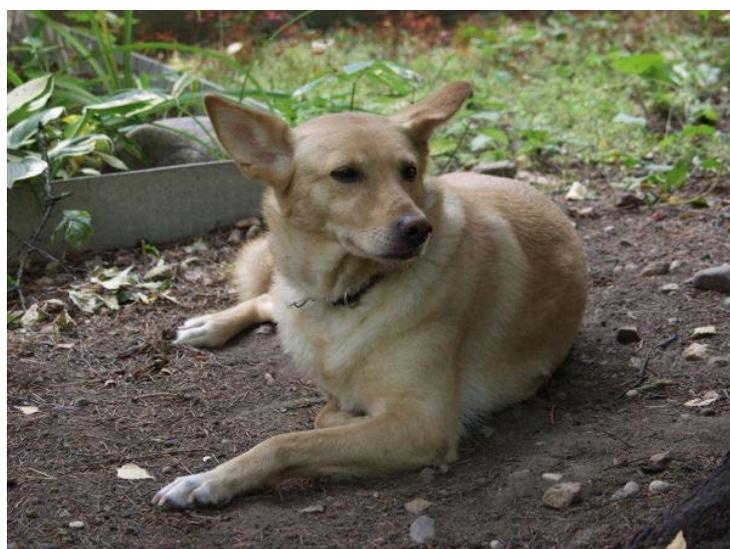

Ей до всего есть дело, все интересно, поэтому, наверное, взрослея и все глубже познавая мир, она увлеклась фотографией –

Солнце

искусством застывшего момента, когда прошлое, настоящее и будущее оставляют во времени волшебный слепок, подсмотренный и запечатленный фотомастером.

Джесси

Липы

Козы

Пушинка

Гвоздь

Яблоко

*Работы сделаны в 2011 г.
в подмосковном Внукове*

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ САЛОН

В нашем журнале появилась новая рубрика. Если вы любите мастерить, рисуете, лепите, вяжете, шьете, в общем, создаете, мы с удовольствием расскажем об этом и поместим фотографии ваших работ в рубрике **«Художественный салон»**.

У вас появится возможность поделиться секретами мастерства, ведь любое высокое ремесло – это философия. Заметим, что первое, атрофированное, значение слова *ars* (искусство) на древней латыни – *ремесло*, то же самое значит слово *technē* по-гречески. Философия ремесла была одним из величайших и весомых достижений греческого интеллекта.

В русском языке слово *искусство* имеет те же корни (ср. *кустарь*). Исходное значение слова *искусъ* – испытание, проба, попытка; затем – умение, знание и искусство. В этой рубрике мы будем также рассказывать о различных художественных промыслах, коллекциях, увлечениях и хобби.

Анна Народицкая (МОССАЛИТ, Москва)

КРАСОТА В МИНИАТЮРЕ

***Кудри девы — чародейки,
Кудри — блеск и аромат,
Кудри — кольца, струйки, змейки,
Кудри — шелковый каскад.
В. Бенедиктов***

С древних веков и до наших дней женщины всегда стремились выглядеть красиво. Все должно соответствовать в этом стремлении к идеалу: и лицо, и руки, и одежда, и, конечно, прическа. Как ни странно, прическа появилась в первобытном обществе намного раньше, чем одежда, и это уже о многом говорит! Уже в

V тысячелетии до нашей эры люди уделяли немалое внимание уходу за волосами. Так, например, тяжелые и густые волосы гречанок искусно убирались с большой изобретательностью в узлы на затылке, прически украшались диадемами, бусами, обручами и лентами. Позже, в средние века, в Европе изготавливались всевозможные пудры и присыпки для волос. Сложные заколки и шпильки прочно укреплялись на завитках, использовались также

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

и гребни. В Японии стали применять специальные лаки и смолы, а также клейкие вещества, которыми смазывали и закрепляли традиционную прическу.

К началу современной эпохи широко распространились декоративные шпильки, известные под названием кандзаси (яп. 簪, в транскрипции ромадзи — *kanzashi*, в русском языке иногда используется некорректная транскрипция «канзаши» или «канзаси») — женские булавки, заколки, гребни и шпильки). Они были важной деталью японской моды и культуры.

Ими украшали прическу, втыкая в волосы с разных сторон. Кандзаси носили невесты и гейши, таю и юдзо. Шпильки красиво оформляли женскую голову, кроме того, металлические шпильки кандзаси могли быть использованы и как средство самообороны или защиты других. Если гейша шла по улице с клиентом, который внезапно

подвергался нападению, девушка быстрым движением вынимала острую шпильку из прически и наносила удар нападающему. Кроме того, кандзаси могли применяться в совершенно неожиданных ситуациях.

Существует такая легенда: при правителе Чжоу жила наложница по имени Дацзи, которая удостоилась чести первой пробовать императорскую пищу. Как-то раз, опоздав к обеду, Дацзи не успела остудить блюдо и, опасаясь гнева императора, выдернула из волос нефритовые шпильки, подхватила ими кусочек мяса, не повредив пальцы. Императору пришлось по душе затея наложницы, и он приказал всем во дворце обедать только шпильками для волос.

Для изготовления кандзаси использовались различные материалы: лакируемое дерево, золото и серебро, другие металлы, которые зачастую покрывались серебром или золотом, панцирь черепахи и шелк.

Для изготовления кандзаси использовались различные материалы: лакируемое дерево, золото и серебро, другие металлы, которые зачастую покрывались серебром или золотом, панцирь черепахи и шелк.

Кандзаси - прообраз нынешних «стиксов» (от английского «stick» - палочка), современного варианта палочек для прически. Стиксы делают из разных пород дерева, но самым прочным и универсальным материалом является бамбук. Авторская

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

ручная работа высоко ценится, и это не только модная и красивая, но и полезная вещь. Кроме того, стиксы изготавливаются в единственном экземпляре. Закалывая волосы таким изделием, вы можете быть уверены, что ваша прическа уникальна. Стиксы чаще всего делают под заказ, дизайн и оформление подбираются индивидуально для каждого клиента.

У палочек есть еще одно удивительное свойство. Ведь палочки из благородных пород дерева не только не портят ваши волосы, напротив, деревянные стиксы лечат ослабленные волосы. В отличие от заколок и резинок, палочки для волос не передавливают и не ломают оболочку волоса. И при определенной тренировке можно легко закрутить на голове нечто очаровательное, даже не глядя в зеркало, а если легким движением руки вынуть палочки из прически, то волосы каскадом рассыпаются по плечам. Это действительно очень эффектно!

Существует достаточно много вариантов закалывания волос при помощи стиксов. Мастер, изготавливающий палочки, обязательно расскажет вам о том, как пользоваться изделием. Можно заколоть простой пучок при помощи стиксов, а так же закрепить сложную конструкцию из волос или просто украсить косу изящной палочкой. А самое простое и забавное - это незатейливый узел из закрученного в веревку-жгутик хвоста.

Стиксы могут быть расписаны орнаментом, инкрустированы камнями, стразами, бисером и стеклом.

В дизайне используется даже сусальное золото и серебро.

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

Стиксы могут быть резными, со сложным прорезанием, например, такие:

Кроме нарядных стиксов, встречаются повседневные, с более скромным и строгим дизайном.

А для любителей романтики и цвета подойдут палочки с натуральными полудрагоценными камнями.

* * *

... Она шла по улице в ярком шелковом платье, легко касаясь тонкими каблучками асфальта. На ее губах играла едва заметная улыбка, а непослушные волосы были лихо закручены в узел, из которого торчала палочка, подобная миниатюрному цветку. Ножка цветка пронзала волосы девушки, искусно закрепляя легкомысленную прическу. Раскрывшийся бутон украшал ее, а сзади на шее трогательно закручивалась выбившаяся прядь. Весь облик незнакомки говорил о хорошем настроении. Лето, солнце, ветер и палочка в прическе...

СМЕХОТЕКА

Илья Криштул (Москва)

СПИСОК ПЕРЕСЫПКИНА

Олег Пересыпкин спокойно лежал на диване и под бурчание телевизора читал Достоевского, когда тот – телевизор, а не Достоевский - сказал ему страшную вещь. «Двадцать первого декабря 2012 года, согласно календарю майя, наступит Конец Света. Человечество должно быть готово к этому...» - так сказал телевизор. Пересыпкин отложил книгу и сел. Потом снова лёг и позвал любимую жену Иру. Любимая жена на зов откликнулась и повернулась к Пересыпкину. Оказывается, она лежала рядом и тоже всё слышала.

- Сегодня какой день? – спросил Пересыпкин.

- Четверг, ты же Достоевского по четвергам читаешь. А год 2011. Интересно, квартплата из-за этих май не увеличится?

- Какая квартплата!? Жить год остался! – вскипел Пересыпкин. - Число какое сегодня?

Он всегда вскипал, когда разговаривал с любимой женой, так как считал её женщиной недалёкой. Можно сказать, даже близкой.

- Пятнадцатое декабря. Больше года ещё жить, за электричество только заплатить надо до четырнадцатого, а то придут эти ацтеки с майями из «Мосэнерго», конец света и наступит. Будешь телевизор в темноте смотреть... - и жена снова отвернулась.

Пересыпкин встал и заходил по квартире. Год плюс несколько дней! Всего год и несколько дней до Апокалипсиса, до крушения всего, до мировой катастрофы, до гибели всех живущих на планете Земля существ, включая и его, Пересыпкина, существо вместе с женой. Тут Пересыпкин остановился и взглянул на безмятежную Иру. Был бы он индейцем майя, конечно, он бы тоже устроил Конец Света, но выборочно. Зачем же всех уничтожать, есть же милые люди, а есть отвратительные. Пересыпкин снова посмотрел на жену и вдруг понял, как он должен прожить этот год, завершающий великую историю человечества. Во-первых, он его должен прожить отдельно от любимой жены Иры, а во-вторых... Что во-вторых, Олег Пересыпкин ещё не знал, но смутные и, несмотря на смутность, очень смелые мысли уже заползали в его мозг, где превращались в откровенные картинки. На первой из них обнажённая юная дева наливала Пересыпкину холодную водку, а на второй – подавала малосольный огурчик. Остальные мысли в картинки ещё не оформились, но Пересыпкину хватило и двух первых. Загвоздка была только в одном – в отсутствии этих дурацких бумажек, на которых помешаны все люди и которые двадцать первого декабря 2012 года вместе со всеми белковыми телами превратятся в космическую труху...

Гениальный план созрел у Пересыпкина через полчаса, и на его претворение в жизнь оставалась ещё целая неделя. Составив небольшой список, Пересыпкин отправил жену в магазин и взялся за телефон. Под первым номером в списке значился бывший однокурсник по институту Боря Куперман, ныне преуспевающий бизнесмен и владелец заводов-пароходов.

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

- Здравствуй, Боря! – издали начал разговор Пересыпкин. - Как здоровье, как дети, налоговая не беспокоит? А печень?

Убедившись, что Купермана ничего, кроме его звонка, не беспокоит, Пересыпкин перешёл к делу.

- Я, Боря, бизнес начинаю. У меня есть земля, буду на ней строить гусиную ферму. Производство безотходное, помёт – удобрение, пух – пуховики, печень – деликатес, мясо – еда. Перья пойдут на сувенирные ручки и вееры, клювы на эксклюзивные бельевые прищепки, зубы на ожерелья, гусиные лапки на конфеты, а больше с гусей и взять нечего, – Пересыпкин говорил по-деловому и с внутренней верой в успех. - Контракты я уже подписал – с помётной фабрикой, с деликатесной, с ожерельевой... Очень прошу у тебя ссуду. Деньги нужны двадцать второго декабря и на год под любые проценты. Двадцать второго декабря 2012 года ты озолотишься...

То ли Куперман был благодушно настроен, то ли сыграло свою роль студенческое братство, но, не обратив внимания на гусиные зубы и конфеты из лапок, он согласился ссудить Пересыпкину денег и велел подъехать за ними двадцать второго декабря с утра. Куперман тоже не ангелы и иногда ошибаются, что бы там про них ни болтали злые языки, а окрылённый удачей Пересыпкин сразу набрал телефон второго номера из своего списка, тоже однокурсника Димы Лубчева. С ним разговор пошёл как по маслу. Пересыпкин рассказал про гусиную ферму, которую они открывают вместе с Куперманом, рассказал про гусиные лапки, про контракт с ожерельевой фабрикой и спросил, не хочет ли Лубчев поучаствовать деньгами. Лубчев, услышав фамилию Куперман, согласился и двадцать второго декабря тоже обещал выделить необходимую сумму, на год и под сто процентов годовых. Дальше в списке Пересыпкина был банк БТВ, который под залог Пересыпинской квартиры был готов дать денег даже на ферму по выращиванию ослов из индюков, ещё несколько банков, одноклассников и просто знакомых. Всё прошло гладко, осечка случилась лишь со старой подругой по фамилии Бунеева, которая сказала, что с удовольствием даст Пересыпкину сто тысяч евро займы, если он вернёт триста рублей, взятые на один день в 1998 году.

Двадцать второго декабря, объехав всех своих кредиторов, Олег Пересыпкин вернулся домой и заперся в ванной комнате. Он долго сидел, молча глядя на вываленную прямо в ванну кучу денег, потом три раза пересчитал их, потом ещё три раза и ещё. Сумма не уменьшалась, евротуман перед глазами Пересыпкина не рассеивался, а в его душе... Что происходило в его душе знает, наверное, только простой сомалийский пират Абдурахман, как-то притащивший к своей хижине танкер с нефтью. Он тоже долго сидел на пеньке перед танкером, а потом зашёл в хижину и повесился. Пересыпкин судьбу пирата повторять не стал. Он поднялся, взял несколько купюр и вышел из ванной. Отдав деньги жене, он велел ей пойти заплатить за свет и навестить какую-нибудь подружку. Как только дверь за женой захлопнулась, Пересыпкин начал вести образ жизни, подобающий его новому статусу. Миллионер не может себе позволить грызть сухарики и запивать их дешёвым пивом, поэтому он заказал по телефону суши и водки, по интернету швейцарские часы за три тысячи рублей и сел в кресло перед телевизором.

А потом была встреча Нового года. Были юные сорокалетние девы, наливающие холодную водку и засовывающие в рот Пересыпкину малосольные огурцы. Была драка между девами и женой Ирой, в которой победили девы. Была полиция, вызванная соседями. Была попытка улететь вместе с девами в Париж, закончившаяся в ресторане Ярославского вокзала. И, конечно, были караоке, танцы на столах, чаевые официантам, стрельба из шампанского и поездки куда-то на такси. А второго января деньги у Олега Пересыпкина кончились. Совсем. До Конца Света оставалось триста пятьдесят три дня...

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

И он наступил утром двадцать второго декабря 2012 года вместе со стуком в дверь. Индейцы майя ошиблись всего на несколько часов. К тому же, когда Олег Пересыпкин, всю ночь сидевший на кухне в ожидании Армагеддона, посмотрел в глазок, ему стало понятно, что Конец Света, как он и хотел, будет выборочным. Он наступит не для всех, а только для него, для Олега Пересыпкина, и прямо сейчас. За дверью стоял мрачный Боря Куперман, за ним Дима Лубчев, по лестнице поднимались ребята из банка БТВ, а из лифта выходили остальные упомянутые в списке Пересыпкина.

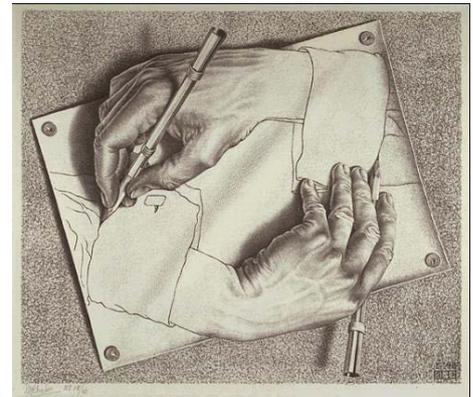
На вентиляторном заводе, принадлежащем Борису Куперману, работает странный человек по прозвищу «индеец майя». Должность его называется «круглосуточный дворник-посыльный-вахтёр-мойщик машин», он ни с кем не общается, никогда не улыбается и очень не любит, когда подвыпивший Боря ловит его и кормит паштетом из гусиной печени. Вырвавшись от Купермана, он убегает в свою каморку, запирается там, вытирает слёзы и вынимает исчёрканную карандашом книгу предсказаний Нострадамуса. «В августе 2013 года с неба упадёт Звезда и всё исчезнет. Новым правителем Мира станет мужчина из северной страны, и звать его будут Олег Пересыпающий», - читает он вслух один из катренов Нострадамуса в своём переводе и подходит к настенному календарю.

Никто из живущих на планете людей не ждёт так наступления августа, как он. И никто из живущих на планете людей не будет так разочарован этим августом, как он, странный человек с вентиляторного завода по прозвищу «индеец майя». А Нострадамусу-то что, он и не думал, что его похмельные сны, которые он записывал по просьбе своего лечащего нарколога, будут через века переводить на русский язык...

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

Стефания Солис
(МОССАЛИТ, Москва)

ИЗ ДНЕВНИКОВ ГИМНАЗИСТКИ ГРУШКИНОЙ

Август 1, 201...

Совсем ничего не видно в моем городе. Ядовитый углеродный газ, возникший в результате ужасных подмосковных пожаров, превратил нас всех в ежиков в сизо-блеклом тумане. «Добро пожаловать в Москву!» - держит плакат Ежик в тумане, размноженный интернет-сайтами. Все как в фильмах о далеком будущем: повсюду люди с намордниками-респираторами - даже в подземке не спрятаться. Красная площадь и Большой не видны и на близком расстоянии, мокрые простыни на окнах, словно повязки на ранах. Каждую ночь стоишь перед выбором: задохнуться, закрыв окна, или отравиться ядовитым туманом, оставив окна открытыми. Но это если уснешь.

Бессонница, головная боль, зубная щетка в холодильнике, страхи – очевидные симптомы отравления низкой концентрацией.

А сегодня, между прочим, твой День рождения.

Моя бессмысленно-короткая смс, скрывающая мое настоящее состояние отчаяния, обреченно вернулась не доставленная.

Ты - там, куда сообщения не доставляются.

Я – здесь, где больше нет сил дышать.

Август 13, 201...

- Здравствуйте!

- Здравствуйте!

- Неплохой сегодня день, да? Уже ядовитый туман рассеялся, да и не так жарко.

- Да, с Божьей помощью. Господь услышал наши молитвы.

- А как дела ваши? Идут?

- Да, люди останавливаются.

- И что?

- А ничего. Останавливаются – уже хорошо.

- Останавливаются, и что?

- Да просто останавливаются, молчат, а потом идут дальше.

- А вы и этому рады?

- А как же? Конечно, рад. Все так повсеместно торопятся, что и остановиться не грех и задуматься.

- Думаете, это подействует?

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

Монах улыбается, а я опускаю в металлическую банку с вычеканенным на ней крестом монеты.

- Удачного дня!
- До завтра!

Август 25. 201...

*Открытого окна прохладный поцелуй,
Рассвета желтый луч - новорожденный день...*

Нет, не дано мне писать стихи...

Вечером того же дня:

Сегодня в удушливый вечер нашла такую запись, сделанную ровно год назад, – писала N., в которого была влюблена платонически (но не отказалась бы и от большего), которого никогда не видела (кроме фотографий), зато много его читала:

«...в Москве тепло, хотя и идут дожди. Мы все чаще перебираемся с летних террас московских кофеен внутрь - за стекла, в приглушенные стены с приглушенным светом и тяжелыми картинами. Мое лето - громкое и легкомысленное, уходит, как песок сквозь пальцы. Скоро и осень, и зима в одном флаконе - спокойно, хрустально и отстраненно - "и да, и нет" одновременно, "можно сегодня, а можно завтра" (что значит "никогда", вместо летнего "сейчас!"); и плед, и чай, и камин, и книга, и добрые лукавые глаза, ни к чему не призывающие, и прохлада во всем: в окружающем мире, в глазах, в душе и в мыслях».

Читаю дальше:

«На самом же деле хочу узнать, как ты живешь. Твои слова: "...накопилось много горечи, и она разъедает тот материал, которым я инкрустировал свои прежние работы. Позолота и чернь сошли, и остались вместо них облупившиеся бытовые мелочи..." заставили меня задуматься и загрустить».

Жизнь "текуча" - перетекает из одной формы в другую, меняет цвет и звуки: то она "резкая", с острыми углами и яркими красно-зелеными всполохами - геометрия, то растекается как молоко по пастельной траве, томно потягивается. И ничего с этим не поделаешь. Все проходит: и плохое, и хорошее, и романтика, и быт, и сиюминутное счастье, и оценочные раздумья о собственных успехах-неудачах. А посему, как писал Сомерсет Моэм: "Ничего нет вечного в этом мире, и мы поступаем глупо, прося, чтобы что-то продлилось, но еще более глупо не наслаждаться пока оно у нас есть". Надо наслаждаться ЛЮБЫМ моментом жизни: в любом плохом живет хорошее, как, увы, и наоборот».

Очень хочу, чтобы у тебя на душе было комфортно, чтобы утро тебя наполняло радостью и энергией, а ночь снимала усталость».

Похоже, в прошлом году я, действительно, любила N.

Надо бы ему написать, или позвонить, или... нет.

Что-то послать без всяких слов, бандеролью – свою книгу, или просто акварель.

Рис. А. Кучерова

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

Август 30, 201...

Я отправила N. свою книгу.

К книге приложила коробочку с ручкой, зажигалкой и визитницей - сувенирная коробочка, по формату идеально подходящая к книге.

Дело было так.

Подхожу на почте к окошку.

- Бандероль можно отправить?

- Да. А что там у вас?

- Книга.

- И все?

- Еще сувенирная коробочка.

- Коробку я не приму.

- Почему?!

- Я принимаю только книги.

- А коробку?

- Коробки - в другом окне.

- Тогда я пойду в другое окно.

- У вас там книгу не примут. Книги – здесь, коробки – там.

- Что же делать?

- А я откуда знаю? Отправляйте две бандероли: одну с книгой, другую – с сувенирами.

Пошла на другую почту. Там было только одно окно.

Я сообщила N., чтобы ждал.

Но он не ответил.

Сентябрь 5, 201..

Мои друзья – семейная пара, которая всегда одевается в один тон как бы случайно, отправляются к морю. Я их люблю и всегда езжу с ними. Вот уже восьмой год. Но в этом году я с ними не еду. Подруга расстроилась и сказала: "Напрасно не хочешь".

"Напрасно" – слово моей мамы. Она всегда качает головой, когда я отказываюсь от чего-либо, ею предложенного, и строго говорит: "Напра-а-асно..."

Я чувствую вину и хочу уйти. И ухожу. А потом долго не звоню.

В путешествие друзья возьмут мою фотографию и будут ставить на стол, обедая вечером в ресторане, или класть у моря - на свободный шезлонг, лицом к морю. Иногда будут переворачивать - вроде как я ушла гулять вдоль берега. А на будущих фото они пририсуют мою фигурку фломастером.

Чтобы было не-нап-рас-но.

Сентябрь 25, 201..

N. ответил. Но не то, чего я ждала.

Мне стало грустно.

Наверное, я слишком идеализирую людей.

Или просто живу в параллельном мире. Правда, случается, что в него иногда заглядывают. Старые друзья все чаще просят наружу. Я отпускаю, чтобы навсегда закрыть за ними дверь.

При этом...

... мы сохраняем наши отношения вовне.

Октябрь 10 - 11, 201...

Вчера в переписке с одним замечательным скульптором меня назвали красивой женщиной, которой невозможно отказать. Я, правда, этого скульптора ни о чем не просила, как кое-кто мог бы подумать.

«Скульптурированное» настроение послужило мне толчком к тому, что днем я купила себе очень модные сапоги-ботфорты.

А еще утром, все в тот же день, я встретила в метро своего бывшего близкого друга. Увидела его первая – он сидел на скамейке в ожидании поезда, читал «Ведомости». Я прошла мимо и отвернулась. Когда поезд подошел, бывший близкий друг встал и вошел в тот же вагон, что и я.

Это была случайность.

Он стоял напротив меня - в проходе почти пустого вагона - и улыбался. Мне тоже пришлось ему улыбнуться.

Лет семь назад нас связывали импульсивные отношения. Он жил в Германии, там у него взрослые дети и бывшая жена-стоматолог, а в Москве были бизнес и я. Но как-то однажды, проснувшись утром в декабре, накануне Рождества, я вдруг поняла, что цепочка распалась.

Да и вообще, к тому моменту я уже до беспамятства платонически влюбилась в Н. Думаю, это и было самым главным. С тех пор с бывшим близким другом мы только созванивались.

Так вот, он смотрел на меня сегодня утром в поезде и улыбался, а потом подошел, обнял и сказал:

- Я готов сдать билет на вечерний поезд и вернуть все, что было. Согласна?

Билет он вернул.

Мы встретились вечером – на мне были новые сапоги-ботфорты.

На следующий день он улетел.

Октябрь 13, 201...

У нас на воротах поставили новый домофон: если у вас нет магнитного ключа, надо нажать на воротах кнопку звонка. Сигнал идет на видеокамеру к консьержке. На экране появляется чей-то живот. Консьержка не всегда узнает, чей же это живот. Тогда она говорит: "Наклонитесь".

Человек у ворот слышит: "Наклонитесь".

Некоторые считают это оскорбительным и не наклоняются.

И даже уходят.

Так и не попав внутрь.

Октябрь 20, 201..

Вечером позвонила мама:

- Ты сможешь мне с чугунными скамейками?

Она хотела расставить ночью по двору чугунные скамейки, новые и надежные, только что по ее инициативе купленные Правлением нашего дома. Она хотела это сделать обязательно ночью, чтобы утром все соседи вышли и сказали «Ах! Как красиво!».

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

Ирина Чижова

(МОССАЛИТ, Санкт-Петербург)

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЖИЗНИ В ПИТЕРСКОЙ КОММУНАЛКЕ

**На тридцать восемь комнаток всего одна уборная.
(Из песни В. Высоцкого)**

Середина прошлого века... Коммуналка в центре, на Литейном. Коммуна была из средних: изначально всего 8 комнат, 8 семей. Словом, не Воронья слободка, «ничьих бабушек» на антресолях в ней не проживало. Мы впятером занимали две смежных комнаты: бабушка, мама, папа, сестра и я. До этого родители и бабушка жили в пятиметровой комнате, бывшей кладовке, в другой коммуналке, недалеко от Финляндского вокзала.

**Интерьер ленинградской коммуналки
1950-х годов. (Реконструкция музея
Политической истории России)**

Эта комната расположение имела своеобразное, поэтому моя беременная мама, когда у нее начались схватки, вынуждена была перелезть через газовую плиту, а дальше пробираться по коридору к выходу из квартиры, балансируя по положенным поверх только что покрашенного пола доскам. Я прожила в этой квартире только до 5 месяцев. Спать меня укладывали на сундуке, а родители расстилали матрас под столом. Одна бабуля спала по-человечески, в кровати. Потом было еще какое-то промежуточное жилье на улице Чехова, а когда родилась моя младшая сестра, мы переехали в этот смежно-двухкомнатный рай. Всего предшествующего этому переезду я, конечно, не помню, пишу по рассказам бабушки и мамы, а вот квартиру на углу Литейного проспекта и улицы Чайковского, где я прожила до 28 лет, помню отлично и считаю ее «родной».

С соседями нам повезло: пьяниц, дебоширов и нечистых на руку среди них не было, и, хотя характерный душок скандальности витал в атмосфере, до больших склок ни разу не доходило.

Помню полусумасшедшую соседку тетю Раю. Когда у нее начинались «припадки», она выбегала в коридор или на кухню, начинала вопить, изображая слабость в коленях: «Где я? Куда я лечу?!» - и цеплялась за белье, висящее вдоль стен коридора на веревках. Это была

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

самая обычная истерика. Нас с сестрой загоняли в комнату, а с тетей Раей как-то разбирались взрослые. За пределами квартиры, бродя по улицам и заходя в магазины, тетя Рая виртуозно исполняла роль городской сумасшедшей. Причину своего слабоумия она объясняла так: «Меня в детстве корова на рог брала». Фамилия у нее была интересная – Голод.

В общей кухне висел график мытья мест общего пользования (каждую неделю) и кухонного окна (два раза в год, весной и осенью). Составлять его пофамильно со временем вошло в мои обязанности. Один мой институтский приятель-шутник, увидев сие творение, возмутился: «Ирка, ты почему не предупредила? У вас тут написано: май 1975 - голод!» В кухне стояли три газовых плиты, и за каждой семьей были закреплены конфорки.

А раньше, еще до появления газа в квартирах, посредине стояла одна огромная дровяная плита.

Стирали тоже на кухне, в корытах, на стиральных досках. Хозяйственным мылом. Пена по локоть, характерные звуки, запах кипящего белья... Сушили белье на чердаке. Поход на чердак с мамой был каждый раз интересным приключением. Запомнилось огромное пространство под крышей, множество веревок, слуховые окна, в которые были видны крыши соседних домов.

Плату за электричество рассчитывать поручалось кому-нибудь с образованием (одно время это делал папа, потом мама, а потом и я). Счетчики были у каждой семьи и один общий. Надо было рассчитать пропорционально количеству членов семью оплату освещения тех самых «мест общего пользования».

Вот мы с сестрой еще дети. Пришли из школы, пообедали. Супчика поели. Потом пришел с работы папа, тоже решил поесть и, наливая суп, со словами: «Положу-ка я мяска побольше...», вынул поварешку из кастрюли... А в ней - мышь. Естественно, не живая, а вареная. «Нет, ТАКОГО мяса я не хочу», - сказал наш очень выдержанный папа, вылил содержимое поварешки обратно и закрыл кастрюлю крышкой. Немая сцена... Как эта мышь оказалась в нашей кастрюле, можно только догадываться. Вряд ли она попала туда по собственной воле или глупости, ведь кладовка-то была общая...

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

Раньше в этой кладовке была вторая уборная, о чем свидетельствовали остатки крепления унитаза в полу. Холодильников тогда не было, продукты хранились в таких вот общих кладовках или между оконными рамами. Сливочное масло для предохранения от обветривания заливали в масленке водой. А за окном, на карнизе, расширенном досками, стояли ведра или бачки с квашеной капустой и солеными грибами. Какое все это было вкусное!

Отопление было печное, и как же уютно трещали дрова в печке! У нашей печки, в отличие от остальных имеющихся в квартире, была старинная чугунная дверца с латунной облицовкой и двумя круглыми ручками. Чтобы открыть дверцу, надо было за эти две ручки потянуть не к себе, а вверх. На внутренней стороне дверцы надпись: «Отлито на заводе Сань-Галли». Точно такая же надпись была на решетке Троицкого моста. Паровое отопление и горячую воду проводили уже на моей памяти. Во дворе штабелями лежали радиаторы, рабочие сверлили дыры в полах и проводили трубы. Потом и ванная комната появилась, тоже общая, конечно. За стеной нашей ванной находился ресторан гостиницы «Нева», и по вечерам оттуда слышалась музыка.

Были и положительные стороны коммунального проживания. Например, можно было оставить детей под присмотром соседей. Мама так и делала, когда мы болели. По ее просьбе тетя Дуся или тетя Маруся нас кормили и периодически заходили проверить, все ли в порядке.

Тетя Маруся мне очень нравилась. Она говорила с белорусским акцентом, называла меня Ярынкой, и у нее были красивые руки. Потом, уже повзрослев, я сказала об этом, чем сильно ее смутила. Этими красивыми мягкими руками она как-то раз вытащила толстую занозу – щепку от паркета – из ягодницы моей сестры. Просто зажала торчащий конец занозы между большим пальцем и лезвием столового ножа – раз, и готово! Сестра даже испугаться не успела

Была еще Александра Георгиевна, пожилая, очень интеллигентная старая дама с седыми кудряшками. Прямо хоть пиши с нее образ «бывшей дворянки» или «смолянки». В ее комнате пахло смесью ванили и нафталина и было тесно от множества вещей: сплошные комодики, этажерки, салфеточки, статуэтки, козетки, а на подоконнике сидела кошка-копилка мордой на улицу – голубей отпугивать. Помогало! Старушка

делала замечательно вкусное печенье в виде белых грибочков: ножки и шляпки пеклись отдельно, причем ножки были из двух половинок, потом при помощи сахарной глазури детали склеивались, шляпка красилась сверху шоколадной глазурью, снизу белой, потом ножка обмакивалась в мак, чтобы было как будто в земле, - и всегда угощала им всех соседей. Иногда к ней приезжала из Карелии ее родственница по имени Марта (отчества не помню). Они звали друг друга Шуренок и Мартусенька. Мартусенька разговаривала с легким акцентом, наверное, финским. С ней было очень приятно разговаривать, она умела слушать и рассказывать.

Свой телевизор появился у нас только в 1965 году, так что самое важное и интересное – похороны Джона Кеннеди, фильм «Иван Грозный» Эйзенштейна, концерт перуанской дивы Имы Сумак – мы ходили смотреть к соседям. Их большая комната вся была заставлена

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

огромными клетками с канарейками, которые распевали на всю квартиру. Потом появился еще и попугай, оравший, скорее всего, «Розетта!», а нам, детям, тогда слышалось - «розетка».

Однажды - мне тогда было лет семнадцать - мой рыжий кот оказался заперт в этой комнате, хозяйева же уехали на дачу. Что было делать? Все соседи собрались у двери, пытались как-то вызволить скотинку, но безуспешно. Кто-то знал приметы дачи, мы с друзьями предприняли попытку найти ее в загородном поселке, но разве найдешь? Два дня я кормила котика через щель под дверью. А потом решила: надо отпилить угол двери. Как только приступила к осуществлению задуманного – всех соседешек как ветром сдуло. Очевидно, никто не хотел быть свидетелем «взлома». Хозяин комнаты, вернувшись, ни слова не сказал, просто приклеил отпиленный угол эпоксидкой, что, несомненно, сделало ему честь.

За пределами коммуналки тоже было много интересного. Дрова для печек – отчетливо помню их запах - хранились в сараях или подвалах. И как только места в городе для всего этого хозяйства хватало?

Тихие улицы казались такими широкими, а теперь из-за припаркованных автомобилей ощущение совершенно иное. Машин было очень мало, зато часто встречались телеги, запряженные лошадьми. Конский навоз собирали какие-то люди с кошелками.

Родители не боялись отпускать детей на улицу. Мы гуляли зимой до темноты, уверенные, что никто нас не тронет. Летом, с наступлением белых ночей, я девчонкой иногда бродила ночью по набережной Невы, по Невскому одна.

Двери некоторых коммуналок вообще не запирались, а если и запирались, то замок легко можно было открыть, например, монеткой или, как Остап Бендер открыл квартиру инженера Щукина, ногтем большого пальца.

Получилось так, что постепенно почти половину квартиры заняла наша разросшаяся семья, причем на совершенно законных советских основаниях. Сначала, когда мы с сестрой подросли, мама выхлопотала нам одну освободившуюся комнату, потом у нас стали появляться дети, можно было встать на очередь «по улучшению жилищных условий», что мы не преминули сделать, а «до подхода очереди» заняли еще одну большую комнату, из которой выехали прежние жильцы.

В этой большой, 24 квадратных метра, комнате, жили сестра с мужем и сыном. Мы были молодыми родителями, действительно молодыми, у меня в 23 года уже было две дочери. Теперешние мамы гораздо взрослее.

Квартира наша располагалась на втором этаже, и уличные фонари, висящие на проволоке, протянутой между домами улицы Чайковского, светили прямо в окна нестерпимым дневным светом, мешающим спать по ночам. Тетя Маруся называла их «бычьи яйца», видимо, ей они тоже не нравились. Занавески не спасали...

Промучившись какое-то время, муж моей сестры решил разбить один из этих фонарей, висящий совсем уж неудачно по отношению к его спальному месту. По молодости лет другого решения и не могло возникнуть, согласитесь. Я, конечно, со своим живым характером и любовью к изобретательству, взялась ему помогать. Открыли окно, провели рекогносцировку и решили, что нам потребуется рогатка. По понятным причинам рогатки под рукой не оказалось. Тогда мы взяли старое лыжное крепление, вытащили из него прижимную пружину, имеющую как раз подходящую форму, привязали к ней резинку. Теперь надо было подумать о снарядах. Подошли гвозди, согнутые подковкой. Приготовились, снова открыли окно. Дело было не то ранней весной, не то поздней осенью, холодно изрядно, и после нескольких неудачных попыток нам пришлось тепло одеться. Павел стрелял, а я подносила патроны, бегая из комнаты на кухню. Гвозди сгибала, орудуя молотком на чугунном утюге, чтобы не мешать соседям

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

громким стуком. Потом он попросил найти темные очки, потому что было трудно целиться в ярко светящийся объект, и мы увлеченно продолжили обстрел.

Минут через двадцать, осознав нелепость ситуации, мы одновременно посмотрели друг на друга и начали громко хохотать: два вроде бы взрослых человека... в три часа ночи... в зимней одежде, в пляжных очках... у открытого окна, с рогаткой... Видели бы нас наши дети!

Лампу разбить нам так и не удалось - то ли стекло было толстое, то ли снаряды слабоваты, то ли меткости не хватило. На следующий день, гуляя с детьми по противоположной стороне улицы, я увидела, что тротуар усыпан гнутыми гвоздями – следами нашего ночного хулиганства.

У каждого, кто жил в коммуналке, свои воспоминания, часто в них мало радостного. Мои же проникнуты каким-то теплом, тоской по утерянному раю, что ли. Видимо, это связано с тем, что в то время все люди были нравственно чище, не говоря уже о наличии четкого понимания добра и зла. А может, просто детство было счастливым. Родители на нас никогда не кричали и не наказывали физически. Мы с сестрой по одному только неодобрительному взгляду папы понимали, что сделали что-то не то. В нашей семье, да и во все квартире, никто не сквернословил, даже слово «дура» считалось бранным. Куда все подевалось?

Нет ответа, как нет конца моим воспоминаниям...

Художник Д. Анненков

Использованы фотографии:

URL: <http://www.diphotos.net/Gallery/Postanovka/Komunalka/photo1.htm>

URL: <http://www.drive2.ru/users/osipoff/blog/4062246863888306822/>

URL: http://azbyka.ru/parkhomenko/dnevnik_sviashennika/2007-all.shtml

ТЕАТРАЛЬНЫЙ АБОНЕМЕНТ

Алёна Чубарова

(МОССАЛИТ, Москва)

ПРОШЛОЕ, КОТОРОЕ НЕ ПРОХОДИТ

Помню, было в школе такое понятие – «**проходили**»: проходили Пушкина, проходили Некрасова, проходили Чехова... Какой удивительно точный глагол для школьного обихода! Проходили! – то есть МИМО. Осторожно, двери закрываются, следующая станция 21 век. А все предыдущие – проехали, в лучшем случае глянув в окошко, мельком отметив пейзаж и название. А зачастую не только ничего не поняв и не взяв для себя, но, наоборот, вынеся из школьных стен стойкое отвращение к литературе. Во всяком случае, к той, которую **прошли**. Помню бытующее устойчивое мнение: интересным может быть только автор, которого не изучали (проходили – проехали – наехали и переехали, раздавив в лепешку) в школе. А нынешние старшеклассники вздыхают: «Булгаков? Скукоти-и-ища...» Бедный Михаил Афанасьевич, попал-таки в школьную программу! А ведь как мы его любили!

Писатели-современники, живущие ныне и мечтающие о славе классиков, молитесь, чтобы вас, не дай Бог, не сделали обязательными для изучения. Сердца и души грядущих поколений закроются для вас еще до того, как они научатся видеть и слышать.

Бог весть, почему так происходит. Виновата ли система образования? Или в психологии человека заложено отторжение всего обязательного и навязанного, как сопротивление чувству любви без свободы выбора?

Мне лично повезло, у меня была по литературе хорошая учительница. Мы **проходили** авторов легко, без нажима; и оттого после придавливания их сочинениями и экзаменами они постепенно распрямлялись, вставали в полный рост, начинали звучать в полный голос.

Но вот что интересно: до недавнего времени, пока я не начала ставить спектакли о писателях прошлого, их образы были для меня (даже для меня, знающей о писательском труде не понаслышке) – абсолютной абстракцией. Их произведения представлялись некоей данностью; их биографии – сюжетом с изначально предусмотренным финалом. А они сами – чуть ли не жителями других планет. И все это вместе – очень даже интересно, но к нам, ко мне лично, не имеет никакого отношения.

Я пишу здесь и сейчас, не знаю, что напишу завтра, не знаю, что из написанного вчера вдруг кому-то окажется нужным. Не знаю, куда меня приведут все рифмы, словосочетания, сюжеты; а они ведут, они – живые. А иногда я их веду, спотыкающихся и капризничающих, как детишек перед воротами детского сада... стоп! Но ведь если мои слова – живые, то почему же ИХ, тех, кто писал каких-нибудь сто-двести лет назад, – нет? Только потому, что они сами уже не могут ни зачеркнуть, ни исправить ни одного слова из написанного?..

Чем больше углубляешься (**не проходишь** – не мимо) в биографию кого-либо из классиков, тем ярче и острее начинаешь чувствовать, что он (она) – совсем не на другой планете! Что бронзовые памятники и гипсовые бюсты, как плотные темные гардины на окнах, не пропускающие солнечный свет, не дают увидеть за хрестоматийными строками живые,

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

болеющие души. И они, когда писали, не знали, что напишут завтра; и они не знали, к чему это приведет, и они – точно так же, как и мы (и живем, как пишем, и пишем, как живем), – любили, плакали, смеялись, боялись...

И оттого, что мы сделали из их живых душ «музейные экспонаты», так захотелось развернуть стрелку компаса – оживить музейные пространства; вернуть к жизни то, что по большому счету и не умирало. А только по нашей близорукости казалось неподвижным.

Все началось с Маяковского. Фантастический музей на Лубянке. Что ни уголок – готовая декорация. Да еще какая! К тому же Владимир Владимирович – одна из самых обезличенных фигур, ведь было время, когда его «насаждали, как картошку». И многие, даже тонкие и вдумчивые читатели знают только орущего лозунги поэтического «агитатора». И вот, в 2001 году, с благословения администрации музея и при поддержке благотворительного фонда «Фарватер» состоялась премьера спектакля «Он – сам». Много лет спустя в 2008 году мы поставим ещё один спектакль в музее этого поэта – «Машина Чудакова» по мотивам пьесы «Баня». Очень смешной спектакль, в конце которого хочется плакать – и зрителям, и актёрам.

После Маяковского был Высоцкий (январь 2002 года, спектакль «Мой Гамлет»). Открывалась выставка, посвященная 30-летию со дня премьеры «Гамлета» на Таганке. Высоцкий – Гамлет. До сих пор самым удивительно, как мы рискнули на таких высотах что-то еще импровизировать. Оживлять тут ничего не надо. Высоцкий нам еще слишком близок. Он живой в нашей памяти, он был при нашей жизни. Гамлет уже так далек, что успел неоднократно вернуться (ожить заново) в постановках талантливых режиссеров. Мы пытались, говоря о них, играть спектакль о себе. И не их приблизить к сегодняшнему зрителю, а себя (и зрителя) окунуть в вечное «быть или не быть» и в такое до боли насущное «чуть помедленнее, кони!».

Летом 2002 года была Эдит Пиаф (спектакль «Радость начинается сегодня»). До ее музея в Париже доехать не просто. Но на два часа спектакля большие страсти маленького воробышка захватывали и зал, и актеров. В каком-то смысле, после Маяковского и Высоцкого, это был отдых... Но снова мы играли не только о ней, но и о себе, обо всех, кто рядом с нами, обо всех, кто верит в свою звезду, в свой талант. Верит и, несмотря на все препятствия здесь и сейчас (и – всегда!), творит, и этим живет, этим выживает и – побеждает.

В 2003 году прикоснулись к Цветаевой. В музее попросили не делать постановки по известным стихам, а обратить внимание на недавно, в 2000-м году, открытый архив, на записные книжки последних лет. Мы с радостью последовали этому совету. И так погрузились в Цветаевские глубины, что спектакль «Морская тропа» получился для специалистов. Позже, в 2005 году, мы сделали вторую, точнее, первую, вводную часть – «Голос мой крылатый». Получился диптих.

И еще одна премьера (2004 г.) «О поэте говорят стихи» – о Сергее Есенине. Здесь снова на первый план вышла наша исходная принципиальная позиция: поэт – не в прошлом, позади, а в настоящем, среди нас, а иногда, может быть, и в будущем – впереди... Мы выбрали драматургический ход, который позволял максимально приближать и смешивать времена: на сцене имитировалась съемка кинофильма. Действие спектакля происходило одновременно в настоящем, на съемочной площадке, и в начале 20-го века. По сюжету актер, который должен играть Есенина, на съемки не явился, и он точно так же, как и реальный Сергей Есенин, остается «за кадром». А «в кадре» и на сцене люди, которые поэта любят и ненавидят, которые хотят играть его роль, оказаться на его месте, которые им слепо восхищаются или совсем не принимают, ругают, осуждают, жалеют, удивляются... Конечно, звучат стихи. Но не как строки, декламируемые с выражением, нет... Стихи – как способ речи, форма мысли. Листок в

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

блокноте, просьба о помощи, укор, плач, сомнение... А романсы на стихи Сергея Есенина, которые пережили многие шлягеры, в спектакле заменяют текст от автора; они звучат вместо описаний, объяснений, дополнений.

А с 2006 года судьба тесно связала наш театр с музеем Михаила Булгакова. (При написании первой редакции этой статьи в 2005 году, этого никто не знал, но именно это имя «случайно» написано в начале, как пример, кого любили мы и «проходят мимо» современные школьники. Ох уж эти удивительные случайные совпадения!)

Как бы много работ ни было за плечами, начиная новую тему, снова волнуешься, а получится ли на этот раз? Что получится? Как? При постановке первого спектакля из «Булгаковского репертуара» было откровенно страшно. В музее ни сцены, ни концертного зала, играть предстояло в тесных комнатах, в непосредственной близости от зрителя. «Два часа на крупном плане», – как позже скажет при просмотре одного из спектаклей знакомый кинокритик.

«Садовая, 10, далее – везде...» – наш первенец сотрудничества с музеем Булгакова, спектакль необычный и по странному мозаичному сценарию, и по приёму одновременной игры параллельно в двух комнатах. Даже билеты делятся на «красные мандаты» товарищам и «белые мандаты» господам. В мемориальной квартире в одно и то же время идут две версии одного спектакля: для товарищей остаётся загадкой, что же видят господа, ну а господам соответственно не узнать точки зрения товарищей.

Билеты на «Стремительный год, или Доктор Б.», вторую совместную работу (2007 г.) также функциональны – они играют роль талонов на приём к врачу. В тот вечер, когда в музее идёт этот спектакль, «Нехорошая квартира» превращается в больницу, памятуя о тесной связи Михаила Афанасьевича с медициной.

Сцены из самого известно булгаковского романа «Мастер и Маргарита» оживают в спектакле «Вещица» (2008 г.) – без претензии на инсценировку всего произведения знакомые персонажи создают фантастическую атмосферу, в которой каждый находит что-то своё.

И во всех трёх спектаклях Булгаков – всё что угодно, только не памятник! Наши режиссёрские страхи оказались безосновательны: Михаил Булгаков принял наш «Комедиантъ» под своё крыло. Три спектакля идут... тьфу, тьфу, тьфу, с неизменным успехом. И до такой степени, что руководство музея даже разрешает театру в параллель с булгаковским репертуаром осуществлять проекты «Театр с листа», «Театр малых форм», «Автор плюс Актёр» и другие эксперименты.

Сложнее других дался нам спектакль «Больше, чем театр!» (2009 г.) о К. С. Станиславском – в проекте музея общественных инициатив центра «Социальное партнёрство». Здесь мало было оживить автора знаменитой системы, о которой, как оказалось, знают гораздо меньше, чем мы предполагали, но нужно было ещё отразить гражданскую позицию и общественную деятельность Константина Сергеевича. «Гражданская позиция», «общественная деятельность» – понятия и вовсе затёртые советским образованием до стойких негативных шаблонов. Сходная проблема стояла и в спектакле «Подвижники нужны, как солнце» об А. П. Чехове. Последние две работы интересны ещё и тем, что по замыслу авторов проекта после спектакля актёры общаются со зрителями за круглым столом.

С 2001 года – десять лет, срок немалый... «Умные» люди, научившись выживать в безумном мире, зарабатывают деньги; ездят по миру, развлекаются, покупают недвижимость... А маленький театрик с простым названием «Комедиантъ» оживляет памятники... Признаться, иногда это кажется глупым ничемным занятием... Но зрители снова и снова говорят: «Захотелось перечитать... Чехова, Маяковского, Булгакова...», «А вот он, оказывается, какой...»,

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

«А проблемы то у них там были те же, что и у нас здесь»... Ну, и утешаешь себя тем, что не зря прожиты эти десять лет, хотя ни материальных накоплений, ни официальных наград – никаких внешних признаков благополучия, лишь признание зрителей и, может быть... благодарность классиков, оттуда с той стороны бытия, ведь для искусства, как и для Бога, мёртвых нет, есть только живые.

И прошлое не проходит бесследно, и мы не проходим мимо него... В любом пространстве, литературном или театральном, может состояться встреча, где прошлое, вглядываясь в будущее, придаёт настоящему его истинный вкус (смысл?).

ШОКОЛАДНЫЕ ЭКЛЕРЫ (пьеса)

Фантастическая мелодрама с прыжками во времени и пространстве в одном действии, девяти сценах

Действующие лица:

- Андрей** - В сцене 1 - бывшие супруги, только что разведенные, в других сценах - они же в разные периоды жизни
- Катя**
- Официант** - он же работник службы сервиса, он же человек, собирающийся в отпуск

Время действия может быть выбрано режиссером, но, скорее всего, это вторая половина 20 века

Сцена 1

Выход из здания гражданского суда, где оформляются бракоразводные процессы. Рядом вход в кафе. Шум улицы. Катя и Андрей выходят из здания суда. Андрей набирает номер по мобильному телефону.

Андрей. Алло... Марина? Я. Да. Все. Освободился. *(Косится на Катю, та чуть отходит в сторону.)* Да-да. Наконец-то... Нет, все было пристойно. Без скандала. Да. Ты где? В пробке? Ну что за... Ну, буду ждать, буду. Через полчаса? Ладно. Здесь же. Целую.

Андрей убирает мобильник, достает сигареты. Катя медленно-медленно уходит. Затем возвращается.

Катя *(очень робко)*. В это время всегда пробки..

Андрей. Что?... А... Ну да. А ты разве никуда не торопишься?

Катя. Я подумала, если ты все равно ждешь, то, может быть ...

Андрей. Не может.

Катя *(нервно)*. Да, конечно, не может... Ну, ладно. Тогда пока.

Андрей. Пока.

Катя уходит, тут же возвращается.

Катя. Да, я еще раз про Женечку, ты можешь приходить в любое время...

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

Андрей. Мы уже обо всем договорились. И деньги ежемесячно. У нас самый бесконфликтный развод, и я тебе за это очень благодарен. *(Катя всхлипывает.)* Катюша, не надо...

Катя. Конечно, конечно. Я не буду, ну что ты, я совсем не об этом. Просто... Пока пробка и ты все равно ждешь Марину, я хотела предложить... отметить наш развод.

Андрей. В каком смысле?

Катя. Ну, вот кафе. Ты все равно ждешь. Погода портится... Выпьем по чашечке кофе... за удачное освобождение от супружеских уз.

Андрей. За удачное освобождение...

Катя. Ты все равно ждешь, а мне вдруг захотелось кофе. *(Через паузу.)* С пирожным.

Андрей *(усмехнувшись)*. С эклером?

Катя. А когда Марина подъедет, ты увидишь из окна и сразу выйдешь.

Андрей. Ну, если ты меня приглашаешь, пойдём. *(Направляясь в кафе, ворчливо.)* Хотя сегодня я предпочел бы...

Катя. Спасибо, Андрюша. Ты очень великодушен... *(Идет за ним.)*

В темноте попури из мелодий, сначала современных, затем популярных десять лет назад, по авансцене проходит ОФИЦИАНТ с подносом шоколадных эклеров. Музыка заглушают звуки грозы.

Сцена 2

То же кафе, но десять лет назад. Молоденькая Катя сидит за столиком с чашкой кофе и эклером на блюдечке. На улице дождь. Вбегает мокрый Андрей, он тоже моложе на десять лет. Чуть отдышавшись, осматривается и подсаживается к Кате.

Андрей. Свободно? Да. Ага... Ну и погодка! *(Катя хихикает.)* Я что-то не то сказал?

Катя. Да нет, все то. Просто я загадала, что вы сейчас скажете: «Ну и погодка». И вы – сказали.

Андрей. А что еще можно сказать, когда льет как из ведра. Там, на небе, кто-то забыл закрыть кран...

Катя. Это все потому, что я не взяла сегодня зонтик.

Андрей. Да?!

Катя. Да. Точно. Это верная примета. Если я выхожу на улицу с зонтиком, то весь день светит солнце. Но если я забыла зонт дома, то обязательно будет дождь.

Андрей. Удивительно!!! Моя мама обычно говорит то же самое. *(Отхлебывает из Катиной чашки кофе.)* Кстати, сегодня она тоже не взяла с собой зонт.

Катя. Ну вот, я же говорю: верная примета.

Андрей *(откусывая от Катиного пирожного)*. А вот если бы ты взяла сегодня зонтик, а моя мама нет? Была бы сегодня гроза?

Катя *(взирая на вызывающее поведение Андрея)*. Не знаю...

Андрей. Или, наоборот, ты бы его забыла дома, а она – взяла с собой?

Катя. Боюсь, что это можно выяснить только методом эксперимента.

Андрей *(уплетая пирожное)*. Отлично! Значит, ставим эксперимент.

Катя. Вы таким оригинальным образом просите мой номер телефона?

Андрей. Нет! Ни в коем случае!

Катя *(разочарованно)*. А как же мы будем сверять результаты эксперимента?

Андрей *(допивая кофе)*. Я предлагаю тебе переехать. *(Ищет, где бы записать, пишет на салфетке.)* Улица... Дом номер... и еще несколько слов... Так сказать, личного характера...

Катя. То есть, как это переехать?

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

Андрей. Сегодня после восьми вечера, милости прошу. С вещами. Маму я предупрежу. *(За окном дождь стихает.)* Ну, мне пора. Пока, до вечера. *(Собирается уходить.)*

Катя. Подожди!

Андрей. Что? А! Спасибо за пирожное, кстати, мое любимое – шоколадный эклер. *(Целует ее в щеку.)* До вечера. *(Убегает.)*

Катя. Подожди! Тебя как зовут-то? Ненормальный... *(Читает написанное на салфетке, улыбается.)* А меня зовут Катя. И я, кажется, тоже...

Сцена 3

То же кафе, десять лет спустя, снова в день развода. Андрей и Катя за столиком. Андрей говорит по сотовому телефону.

Андрей. Мариночка! Только не влипай в историю, я тебя умоляю... Даже если он виноват, починить машину дешевле, чем все эти разборки... Я тебя не учу, я за тебя волнуюсь! Ну, хорошо... Хорошо... Ладно. Жду. Я в кафе. Да-да, рядом, на той же улице. Целую... И я тебя... Да, очень... И я тебя...

Катя. Подожди... Подожди-подожди... *(Как будто вспоминает.)* Слушай! Это же надо – такое совпадение... Это ведь то самое кафе.

Андрей *(о своем, то ли с удивлением, то ли с восторгом).* Она всегда попадает в аварии, в истории... Что за женщина... Фантастика!

Катя. То самое кафе. Оно, конечно, изменилось, но это оно. Помнишь, десять лет назад?

Андрей *(о своем).* Да, веселенькая жизнь у меня впереди... *(Кате.)* Ты что-то сказала?

Официант приносит два кофе.

Катя. Ты ее очень любишь?

Андрей. Ты знаешь, да! Причем, против всех законов логики!

Катя *(грустно).* Любят всегда против...

Андрей. Извини, ты сама спросила.

Катя. Угости меня пирожным.

Андрей. Каким?

Катя. Десять лет назад ты съел мой эклер, выпил мой кофе и... украл мое сердце. *(Нервно смеется.)*

Андрей. Официант! Два шоколадных эклера.

Катя *(себе).* Когда же это случилось?. Когда я тебя потеряла?.

Андрей. Что?

Официант. Ваши эклеры.

Затемнение. Приглушенные звуки футбольного матча по телевизору. ОФИЦИАНТ, в данной сцене это, возможно, работник службы сервиса, приносит и устанавливает телефон и телевизор. По трансляции похожий на раскат грома крик «Го-о-ол!!!».

Сцена 4

Тут же добавляется возглас Андрея, он у телевизора, активно болеет, возможно, пьет пиво с сухариками или чай с пирогами. Он моложе, чем в день развода, лет на 7. Катя в соответствующем возрасте у телефона.

Катя (в телефон). Конечно, заезжай, Мариша! Удобно, удобно! Муж? Дома. И что? Я тебя с ним как раз познакомлю... О чем ты говоришь... Конечно, выручу, ты мне тоже помогала... Глупости... Можно встретится и где-нибудь еще, но так удобнее. Короче, через сколько ты будешь? Ждем. Ждем!

Андрей (не отрываясь от телевизора). С кем это ты меня познакомишь? Кого мы ждем?

Катя. Маринку. Мы с ней работали вместе.

Андрей. Красивая?

Катя. Даже очень. И такая веселая.

Андрей. Тогда знакомь. Веселая и красивая в хозяйстве пригодится. (В телевизор.) Ну, кто так играет?! Мазила!

Катя (собирается в магазин). Правда, с ней всегда что-то случается, то с работы уволят, то в аварию попадет, то деньги украдут...

Андрей. Тогда не знакомь. Человек-авария нам не нужен.

Катя. Но мужики по ней сохнут. Пачками. (Смеется.) Высыхают и отваливаются.

Андрей. Да? Ну, тогда знакомь. Любопытно, что это за сушилка-веялка такая... (В телевизор.) Ну... Ну, еще чуть-чуть... Давай! Давай!!! Ну-у!... Эх...

Катя (хохочет). Сушилка-веялка... Я в кондитерскую. Куплю что-нибудь к чаю.

Андрей. Эклеров. Лучше шоколадных. (В телевизор.) Пасуй, пасуй, чего ты ждешь?!

Катя. Хорошо. Куплю эклеры, если будут эклеры... (Неожиданно Катя прекращает сборы, как будто что-то вспомнила.) Эклеры... Эклеры... Мы сегодня уже ели эклеры в кафе... То есть... Кафе... Суд... Развод...

Андрей (в телевизор). А теперь бей. Ну!

Катя (себе). Страшный сон, сон про будущее... Или... наоборот... Развод?.. Развод из-за Марины... Марина!

Андрей (в телевизор). Ну, чего ты ждешь, бей! Ай...

Катя. Андрюша, а ты с Мариной никогда раньше не встречался?

Андрей. С твоей сушилкой-веялкой? Ты же меня с ней еще не познакомила.

Катя. Еще не познакомила... Ну да...

Андрей. Ну да бей же! Ну, давай! Ну... Ну... Го-о-о-л!!!

Катя. А если я их не познакомлю... Марина. Марина. Марина.

Звонит телефон.

Катя (берет трубку). Да. Марина? Мариночка, как хорошо, что ты перезвонила! (Переходит на шёпот.) Тут кое-что изменилось. Нет-нет, денег дам, как обещала. Но к нам не надо... Давай встретимся в метро... Потом объясню... Да, случилось... Ничего страшного, но... Потом все объясню... Да. У эскалатора. Пока.

Андрей (в телевизор). Все-таки умеют играть, когда хотят. (Замечает Катю.) Ты еще здесь? Дуй за эклерами. А то придет твоя Марина, а угощать нечем.

Катя. Не придет Марина.

Андрей. У-у... А что так? Я настроился на интригующее знакомство.

Катя. А она... Она... Ей только что сделал предложение один банкир из Занзибара. И они срочно вылетают за благословением его родителей.

Андрей. Куда вылетают?

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

Катя. В Занзибар, конечно.

Андрей. Ку-да?

Катя. Но за пирожными я схожу. Не лишать же тебя сладкого из-за очередной Маринкиной свадьбы. *(Целует мужа, уходит.)*

Сцена 5

Снова в кафе в день развода. Андрей пьет кофе, курит. Катя как будто очнулась. Все как будто так же, как в сцене 3, и все же не так.

Андрей. Хочешь что-нибудь еще?

Катя. Нет, спасибо. То есть, да. Хочу. Водки.

Андрей. Ого. Похоже, мы отмечаем развод по полной программе.

Катя. Мы отмечаем развод. Значит, все-таки развод. А я то, дура...

Андрей. Что с тобой?

Катя. Так, сон приснился, про наше прошлое... Будто я отменила знакомство... Глупости. Так ты закажешь мне водки?

Андрей (официанту). Две водки. По 100 грамм. *(Кате.)* Я позвоню?

Катя. Почему ты спрашиваешь? Конечно, звони.

Андрей (набирает номер на мобильном). Ну что у тебя там?. Угу...Угу... Ладно, расслабься. Не торопись. Я жду со всеми удобствами. Да, в кафе возле суда. Буду ждать, сколько надо. И ты не волнуйся... Все, Танюша. Целую. Пока.

Катя. Как Танюша? *(Проливает принесенный официантом заказ. Пауза.)*

Андрей (официанту). Повторите. Мы оплатим

Катя. Извини...

Андрей. Ерунда.

Катя. Это, конечно, не мое дело, но ты сейчас разговаривал с...

Андрей. Ну да, с Татьяной.

Катя. Татьяной?

Андрей. С Таней.

Катя. Не понимаю...

Андрей. Мы должны были встретиться... А что так смотришь?

Катя. Как?

Андрей. Как будто мои отношения с Таней для тебя новость...

Катя. А Марина?

Андрей. Какая Марина?

Катя. Ну, та, которая когда-то со мной вместе работала, а потом... Из-за которой...

Андрей. Катерина, это просто смешно. Час назад ты еще была моей женой, во всяком случае, официальной, но при этом не устраивала мне допросов.

Катя. Я, наверное, перенервничала... Прости... Но я была уверена, что твоя невеста... Марина. То есть мне, должно быть, приснилось, что ее зовут Марина....

Андрей. Да почему Марина?

Катя. Не знаю... Действительно, почему...

Андрей (пытается снять напряжение). А хочешь, потанцуем?

Катя. Потанцуем?

Андрей (смеется). Кроме Татьяны у меня действительно были другие женщины, но и среди них не было ни одной Марины. А если ты отказываешься танцевать, я приглашу вон ту блондинку в розовой кофточке. И если вдруг она окажется Мариной, то твой сон в руку.

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

Катя. Я вовсе не отказываюсь танцевать.

Андрей. То-то же.

Они выходят из-за столика, начинают медленно танцевать.

Катя. Спасибо тебе.

Андрей. За что?

Катя. За то, что ты меня сюда привел.

Андрей. Это ты меня сюда затащила.

Катя. Я?. Ах да, забыла.

Андрей. Кстати, мы с тобой раньше здесь никогда не бывали?

Катя. Да это же... *(Провокационно.)* Впрочем, не знаю... Может быть.

Андрей. Странное чувство чего-то неуловимо знакомого.

Катя. Спасибо тебе, Андрюша.

Андрей. Чудная ты...

Катя (себе). И все-таки развод... Почему? Почему?

Затемнение. Танцевальная музыка переходит в звуки радиоприемника. Официант в образе Человека, собирающегося в отпуск. Приносит большой дорожный чемодан. Вешает на стену календарь пятилетней давности. Удаляется.

Сцена 6

Пять лет назад. Андрей собирает чемодан. Видно, что делает он это давно и не очень успешно. Катя приходит с сумками. Всем своим видом она показывает, что принесла приятную новость, которой не терпится поделиться. Андрей несколько раз проходит туда-сюда, наконец замечает жену.

Андрей. А где мои плавки?

Катя. Что?

Андрей. Плавки. Купаться...

Катя. В шкафу.

Андрей. Я искал.

Катя. Вторая полка снизу, в левом углу.

Андрей. Сейчас посмотрю. *(Уходит, возвращается с плавками.)* Точно, в левом.

Катя. Я должна тебе сообщить, что я только что...

Андрей. А где крем для загара?

Катя. В ванной. *(Андрей уходит, возвращается с кремом.)* Ты что-то хотела мне сказать.

Катя. Почему ты не спрашиваешь, чем закончились переговоры?

Андрей (не прерывая сборы). Чем закончились переговоры?

Катя (торжественно). Я – отказалась!

Андрей. Почему?. А где мои темные очки?

Катя. В секретере. Ну, как почему?.

Андрей. Ага, в секретере... Здесь старые. А где новые, что ты мне подарила...

Катя (вдруг кричит). Ну, прекрати свои сборы хоть на пять минут. Я ведь сделала это ради тебя. Ради нас. Ради Женечки.

Андрей. А вот они, нашел. А где маска для подводного плавания?

Катя. Женечка часто болеет. Ему нельзя ходить в детский сад. И ты любишь, чтобы в доме всегда было что-нибудь вкусненькое...

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

Андрей. Ну, хорошо. Если ты так решила, я очень рад. Если ты будешь дома, это будет здорово. А где все-таки маска для подводного плавания?

Катя (автоматически). На антресолях.

Андрей. И как ты все это помнишь? *(Уходит искать.)*

Катя. Я думала, ты оценишь мою жертву.

Андрей (ищет маску). Маска, маска, не прячься. Катя сказала, что ты здесь, значит, ты должна быть здесь. Катя у нас все знает.

Катя. Я думала, что мы это как-то отметим. Купим бутылку вина, твоих любимых пирожных...

Андрей (продолжая поиски). Эклеров.

Катя. Угу. Шоколадных... Шоколадных эклеров... *(Вдруг, как будто что-то произошло, Катя оглядывается, не совсем понимая, где она. Ходит по комнате, трогая вещи. Смотрит на себя в зеркало.)* Эклеры... Кафе... Суд... Развод... Это что, опять сон? Или...

Андрей (возвращается с маской). Нашел! Нашел. И именно там, где ты сказала. Ты у нас просто чудо! А вот фотоаппарат я попробую найти сам.

Катя. Андрюша, а какой сегодня год?

Андрей. Календарь на стене.

Катя долго смотрит на календарь. Осматривает сумки, с которыми пришла в начале сцены. Снова разглядывает себя в зеркало.

Голос Андрея. Катя! Где у нас фотоаппарат?

Катя. Допустим, что это не сон. Не просто сон... И я могу... Ведь он говорил, что я стала ему неинтересна, вся в бытовых проблемах, что ему скучно... А ведь все еще может быть иначе... Я сейчас поеду в офис и все переиграю. Скажу, что все поняла, что такими предложениями не бросаются, что готова...

Андрей. Ну где фотоаппарат, Катя?

Катя. Женечка привыкнет к детскому саду. Сначала будет болеть и плакать. Плакать и болеть. А потом...

Андрей. Ну, я без тебя не найду, Катя?

Катя. А потом Женечка привыкнет. Зато папа его не бросит. Наверное... *(Стараясь не шуметь, выходит из квартиры.)*

Андрей. Ну, Катя., где фотоаппарат, Катя?

Затемнение. Музыка современного кафе. В темноте голос Андрея: «Катя! Что с тобой, Катя? Тебе плохо, Катя? Да помогите же, кто-нибудь!» Световой луч высвечивает Официанта, бегущего на помощь.

Сцена 7

Снова в день развода. Андрей и Официант поднимают упавшую Катю, помогают ей сесть. Катя приходит в себя. Это почти то же кафе, что в сценах 3 и 5, и снова в нем произошли неуловимые изменения. Столь же неуловимые на первый взгляд изменения произошли и в Андрее, и в Кате.

Андрей. Тебе лучше? Ты меня напугала.

Катя. Извини. Наверное, лишнего выпила.

Андрей. Надо было сразу заказать побольше закуски. Официант...

Катя настороженно осматривается вокруг, пытается связать прошлое с настоящим. Звонит мобильный. Она не реагирует.

Андрей. Это твой.

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

Катя. Да? Мой? А, ну да... *(Достает из сумочки телефон.)* Але... У меня все чудесно. Мы в ресторане... Отмечаем. Что? *(Андрею.)* А что мы отмечаем?

Андрей. Ты и вправду лишнего выпила...

Катя. Я серьезно не помню...

Андрей. Наш с тобой развод.

Катя. Ты уверен?

Андрей. Абсолютно.

Катя *(в телефон).* Развод. Что?... Нет, никакая помощь мне не нужна. Маринка, угомонись, ни к каким мальчишкам я не поеду... Да, немного «подшофе». Пока.

Андрей. Это та самая Марина, с которой ты меня так и не познакомила?

Катя. Как ты много потерял! Фантастическая мадам!

Андрей. Ну, с фантастикой в моей жизни и так выше крыши.

Официант приносит закуски.

Катя. С утра ничего не ела! *(Набрасывается на еду.)*

Андрей. Я закажу еще водки?

Катя. Ты хочешь напиться?

Андрей. Почему-то как-то не по себе...

Катя. Это как-то связано с сегодняшним событием?

Андрей. Думаю, да.

Катя. Тогда это пустяки. Скоро пройдет.

Андрей. Ты так говоришь, как будто разводишься каждый день.

Катя *(вдруг смеется).* Слушай, а мы с тобой уже ели эклеры?

Андрей. Мы с них начали. Но, если хочешь, можем заказать еще.

Катя. А давай сыграем в одну игру. Вот салфетка. Я рву ее пополам. Каждый на своей половине пишет, что надо было сделать в прошлом, чтобы нашего сегодняшнего развода не было.

Андрей. Зачем?

Катя. А потом я с этими салфетками отправляюсь в прошлое и навожу там небольшую ревизию.

Андрей. Всего-то? Так просто...

Катя. Ну да. А помнишь, что ты написал мне на такой салфетке десять лет назад?

Андрей. А вот и помню.

Катя. Не может быть!

Андрей. Сейчас, сейчас...

Катя. А вот и не помнишь!

Андрей. Я написал... свой домашний адрес, а дальше....

Катя. Не помнишь! Не помнишь!

Андрей. А дальше.... Сейчас: «Оболтуса, который тебе это пишет, зовут Андрей. И, кажется, он влюблен по уши...»

Катя *(удивленно).* Да, именно так, слово в слово.

Андрей. Еще бы мне не помнить, ты эту салфетку на каждом празднике зачитывала, как заклинание.

Катя. Когда ты это писал, десять лет назад, ты ведь не думал, что я в тот же вечер действительно к тебе приду, после восьми вечера, с вещами.

Андрей. Конечно, не думал. Я это знал наверняка.

Катя. Самоуверенный идиот. Он – знал наверняка...

Андрей. Только не знал, что это кончится разводом.

Катя. М-да... Разводом...

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

Затемнение. Вдалеке звучит иностранная речь. Официант проходит в форме служителя отеля, стучит в дверь номера, что-то спрашивает. Голос Андрея: «Спасибо. Не надо».

Сцена 8

Три года назад. Номер в отеле. Катя у зеркала, наводит марафет. Андрей в кресле, отвечает на телефонные звонки. Оба года на три моложе, чем в день развода. На каждый звонок Катя делает знаки, что она не может ответить.

Андрей. Екатерины Вадимовны нет. Она на конференции.

Катя. Еще два дня – и я свободна. Мы будем купаться, загорать, ходить по барам.

Телефонный звонок.

Андрей. Алло... Екатерина Вадимовна уже ушла... Должно быть, вечером. Поздно... Пожалуйста. *(Кладет трубку.)*

Катя. Со мной все ясно, я на работе. А ты что все сидишь в номере? Ты можешь предаваться всем наслаждениям уже сейчас.

Андрей. А кто будет отвечать на твои звонки?

Катя. А никто. Программа симпозиума согласована, так что все эти звонки – или формальности, или журналисты...

Андрей. А если из Москвы?

Катя. О, да... Да-да-да. Москва – это святое.

Телефонный звонок.

Андрей. Алло... Нет. Ее уже нет. Да, вам не повезло. Попробуйте позвонить из Москвы, повезет больше. Я кто?.. Секретарь. Да, секретарь с юмором. Причем, юмор – бесплатно, рекламная акция... В российской делегации это в порядке вещей. Не знали? Теперь будете знать. Всего доброго.

Катя *(давится от смеха).* Какой же ты у меня классный!

Андрей. Какой? Эконом-класса или бизнес?

Катя *(закончила наводить красоту, одевается).* Ты у меня самый суперский муж на всем белом свете.

Андрей. А на черном? *(Звонит телефон.)* Алло... Катя,.. Москва на проводе.

Катя *(хватает трубку).* Да. Слушаю очень внимательно... Лучше запишу. *(Андрей находит и дает ей блокнот и ручку.)* Да, уже записываю... Все. И условия, и цифры... Да, пишу. *(Пока Катя говорит, Андрей медленно выходит из номера. Она сидит спиной к дверям и не видит.)* Да. Да. Все поняла. Да. Это меняет ситуацию. И, мягко говоря, не в нашу пользу. В целом решаемо. Буду думать. До свидания. *(Кладет трубку. Пауза.)* Андрюша, видимо, мне придется поработать не два, а три-четыре дня, но у нас еще останется время... *(Замечает, что его нет.)* Андрей? Андрей?!

Неожиданно, будто что-то вспомнив, озирается. Кричит: Андре-ей!!! **Входит Андрей с блюдом пирожных, похожих на эклеры.**

Катя. Господи! Я почему-то так испугалась!

Андрей. В этих дурацких буфетах нет нормальных эклеров. Только вот эти глупости с белковым наполнителем.

Катя. Эклеры...

Андрей. Ну, разве это эклеры?

Катя. Эклеры. Кафе. Суд. Развод. Вспомнила...

Андрей. Кофе будешь?

Катя. Андрюшка, а давай... Давай прямо сейчас рванем в Москву!

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

Андрей. Тебя вызывают?

Катя. Наоборот, задерживают здесь. Но мы сами.

Андрей. Зачем?

Катя. Вернемся в Москву, возьмем Женьку из лагеря и завалимся к Смирновым на дачу, на шашлыки...

Андрей. Ты сошла с ума.

Катя. Я не шучу.

Андрей. А твоя работа?

Катя. А-а... Гори она синим пламенем.

Андрей. Ты что, серьезно?

Катя. Прямо сейчас иди за билетами, а я сбегая... Нет, даже не так! *(Она вдохновляется авантюрой все больше.)* Я никого не буду предупреждать! Совсем! Я сейчас сама пойду за билетами. А ты пойдешь купаться... На прощание с этим непутевым раем, где нет нормальных эклеров.

Андрей. Тебя уволят.

Катя. Но здесь нет шоколадных эклеров.

Андрей. Будет большой скандал.

Катя. Но здесь нет твоих любимых шоколадных эклеров!

Андрей. Будет о-о-очень ба-а-альшой скандал.

Катя. Но эклеров-то нет...

Андрей. Будет прямо-таки международный скандал.

Катя. А мы хотим эклеров!!!

Затемнение. Музыка в современном кафе. Официант принимает заказы среди зрительного зала, говорит ничего не значащие слова «посетителям» кафе, обращаясь к разным зрителям.

Сцена 9

Официант доходит до столика Андрея и Кати.

Официант. К сожалению, шоколадных эклеров нет.

Андрей. То есть как это – нет?.. Мы сегодня их уже ели. Здесь, у вас.

Официант. Должно быть, они закончились.

Андрей. Испеките еще. Закажите, чтобы привезли... Я не знаю... Сделайте что-нибудь!

Официант. Хорошо. Если вы не торопитесь...

Андрей. Мы не торопимся.

Официант уходит.

Катя. Что-нибудь попить...

Андрей *(наливает ей сок)*. Безобразие! У них кончились эклеры...

Катя. Я очень устала...

Андрей. Что с тобой?

Катя. Я очень, очень устала...

Андрей. Тебя отвезти домой?

Катя. Ты на машине?

Андрей. Я отвезу тебя на твоей. Просто сяду за руль, если тебе нехорошо.

Катя. На моей? Ах, ну да, конечно. На моей. А Татьяна? Вы договорились...

Андрей. Какая Татьяна?

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

Катя. Ну, та женщина. Из-за которой... Может быть, на этот раз ее зовут Ирина или Лариса...

Андрей. Я не понимаю, о ком ты. Тебе, похоже, и вправду плохо, ты очень бледна.

Катя. Только не смейся, у меня что-то с памятью... Скажи, мы с тобой сегодня... *(Пауза, Андрей не понимает.)* Мы сегодня здесь потому что...

Андрей. Потому что.

Катя. Значит, все-таки «да»?

Андрей. Что «да»?

Катя. Мы отмечаем...

Андрей. Да. Отмечаем!

Катя. Что мы отмечаем?!

Андрей. Но ты сама предложила...

Катя. Ты повезешь меня домой на моей машине, это будет наш общий дом?

Андрей. Это не смешно.

Катя *(почти в истерике)*. Так «да» или «нет»? «Да» или «нет»? Мы сегодня утром развелись?

Андрей. Нет.

Катя. Нет?

Андрей. Нет, то есть, мы, конечно, развелись. Но...

Катя. Все-таки развелись, значит, все напрасно.

Андрей. Но не сегодня утром, а ровно год назад. Уже год.

Катя. Что?!. Год назад... А-а-а.

Андрей. Тихо! Тихо... На нас смотрят.

Катя. А что было в течение этого года?

Андрей. Пожалуйста, Катюша, успокойся. Сейчас я отвезу тебя домой...

Катя *(стараясь говорить спокойно)*. Что было ровно год назад сразу после развода?

Андрей. Ты должна была встретиться со своим Игорем. Но он застрял в пробке. И я затащил себя сюда.

Катя. Игорь?..

Андрей. Это ведь не просто кафе. Это то самое кафе, где мы с тобой впервые встретились.

Катя. Значит, и ты его узнал?

Андрей. Я захожу сюда довольно часто.

Катя. Хорошо. А дальше, что было дальше? Ну, тогда, год назад.

Андрей. Мы отметили наш развод. Потом приехал Игорь. И вы ушли.

Катя. Игорь, опять Игорь...

Андрей. Говорят, ты его уже бросила.

Катя. Ладно, а дальше?

Андрей. А дальше я не знаю. Вчера ты мне позвонила и предложила отметить годовщину... Как у тебя дрожат руки...

Катя. Подожди, подожди... А кто был инициатором развода?

Андрей. Как кто? Ты.

Пауза.

Катя. Знаешь... Мне сейчас нужно побыть одной. Не сердись...

Андрей. Ты хочешь, чтобы я ушел?

Катя. Да.

Андрей. Но ты в таком состоянии...

Катя. Мне уже лучше.

Андрей. Но...

Катя. Я прошу тебя.

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

Андрей. Можно, я тебе позвоню? Узнаю, как ты себя чувствуешь...

Катя. Конечно, звони. Звони, когда захочешь.

Андрей. Спасибо. *(Чего-то ждет.)* Ты не дала мне номер телефона...

Катя. Да? У тебя его нет? Извини... *(Пишет номер на салфетке.)*

Андрей. Год назад, на этом самом месте, ты предложила одну игру. Ты разорвала салфетку пополам и предложила каждому написать что-нибудь, что могло бы отменить наш развод... В тот вечер я ничего не написал... Но вчера, когда ты позвонила... Вот... *(Достает из портмоне сложенный клочок бумаги.)* В обмен на номер телефона... Да, и еще вот деньги за ужин. *(Кладет на стол деньги и клочок из портмоне, забирает салфетку с номером, уходит.)*

Некоторое время Катя сидит одна в оцепенении. Рассматривает окружающий мир и себя, как будто все это видит впервые. Подходит Официант. Ставит на стол блюдо с эклерами. Катя с недоумением смотрит на него.

Официант. Вы заказывали эклеры.

Катя неожиданно начинает смеяться. Смеется все громче и громче.

Официант. У меня ваш заказ записан...

Катя. Да-да. Все в порядке... Спасибо.

Отпускает Официанта. Начинает есть пирожное. Берет оставленную Андреем записку, разворачивает, читает,

Катя. «...И, кажется, он влюблен по уши». За прошедшие десять лет... То есть, одиннадцать, теперь уже одиннадцать лет, он не придумал ничего нового... Надо же, даже почерк прежний... *(Улыбается.)* А меня зовут Катя. И я, кажется тоже... Тоже! Тоже! И еще как... *(На другой салфетке пишет несколько слов. Подзывает Официанта.)*

Катя. Сколько у вас еще есть эклеров?

Официант. А сколько надо?

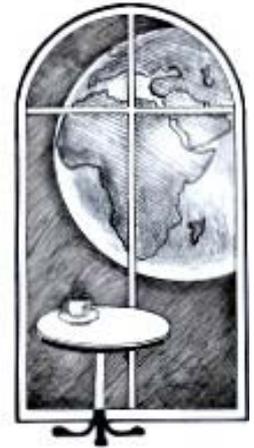
Катя. Все, что у вас есть, пошлите вот по этому адресу *(Дает ему салфетку с адресом.)* Прямо сейчас. Пожалуйста. Я заплачу. И еще, принесите мне крепкого чаю. Надо же как-то запить... *(По секрету.)* Вы себе не представляете, до чего я не люблю шоколадные эклеры. Да-да: не люб-лю. Просто однажды, десять... одиннадцать лет назад, я зашла в это кафе, других пирожных не было, мне пришлось взять шоколадный эклер... И с тех пор... *(Ест эклер, смеется.)* А я их терпеть не могу, ненавижу, не перевариваю!!!

Доедает пирожное, облизывает пальцы, хохочет. Идет танцевать.

ЗАНАВЕС

СТОЛИК У ОКНА

*Рубрику ведет Анна Народицкая,
(МОССАЛИТ, Москва)*

КОМПЛИМЕНТ НАОТМАШЬ, или ПРАВДА О ЖЕНСКОЙ ДРУЖБЕ

Привет! Рада тебя видеть. Да, я, как всегда, за своим любимым столиком. Присоединяйся! Ну, как дела? Всё нормально? А я вот сижу и в очередной раз обдумываю философский вопрос. Нет, не «быть иль не быть?», скорее, «дружить иль не дружить?» Нет, это не глупости, пей кофе и слушай, я тебе кое-что расскажу.

Много лет назад на экраны вышел нашумевший фильм «Секс в большом городе». Мнения разделились, но обсуждали картину долго. Я отношусь к поклонникам сериала и пересматриваю его каждый раз, как только появляется время. Этот фильм всегда поднимает мне настроение, это такое своеобразное лекарство от депрессии. Так вот, фильм повествует о жизни четырех подруг. Я не собираюсь рассказывать тебе подробности, хочу только сделать акцент на одной детали. Эти самые подруги - четыре совершенно разных по стилю, мировоззрению и образу жизни женщины - искренне и крепко дружат. И по заведенной традиции регулярно встречаются в одном и том же кафе, чтобы обменяться новостями. Происходит это с определенной частотой, в определенный день, несмотря ни на какие дела. Подруги бросают все и летят на встречу друг с другом. Ты знаешь, мне жутко понравилась эта идея! И, конечно, тоже захотелось собраться со своими подругами в каком-нибудь уютном кафе и обсуждать новости и события жизни. Но оказалось, что это не так-то просто! Подруги-то у меня имелись, но у каждой из них все время какие-то дела, гораздо более важные, чем встреча со мной в кафе. Ну, нет у них на это времени. У каждой свои отговорки: на занятость на работе, домашние заботы, дети и мужа и много других уважительных причин. В общем, так и не получилось осуществить мою мечту. Как говорится - номер не прошел! Вот я и решила порассуждать на тему: существует ли женская дружба?

Принято считать, что женская дружба - это миф. То есть поболтать, побегать по магазинам, посплетничать - это всегда пожалуйста! А вот серьезные отношения только мужчины могут поддерживать. Я бы сказала, что в этих рассуждениях присутствует классический стереотип. Дружба - понятие бесполое; и у мужчин, и у женщин случается предательство и встречается верность в отношениях. Но сегодня хочу порассуждать именно о «женской дружбе». Всем известно, что подруги, как никто другой, приходят по первому зову, если с тобой что-то случается. Они же таскают с тобой вместе тяжести, когда мужчины отказывают в помощи, утешают в минуту скорби и отчаяния. А вот радоваться чужим успехам... Увы! К сожалению, далеко не все из нас на такой подвиг способны. Не каждая женщина может пережить, что у другой приятней или легче работа, стройнее фигура, красивее и богаче мужчина. Чужие достижения могут ввести некоторых в состояние депрессии. И если будет

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

возможность, такая «заклятая подруга» обязательно вставит палку в колесо удачи своей более успешной соперницы. Зависть? Женская конкуренция? Почему веками женщины тянутся друг к другу, заводят дружбу, делятся секретами, устраивают заговоры против мужчин? И в то же время играючи отбивают этих самых мужчин у «близких» подруг! Легко предают из зависти, но неожиданно оказывают поддержку из сострадания. Значит, правда, что женская дружба - это миф, и анекдоты про нее не лишены смысла? Или это феномен женской души? Ведь женщины порой сами не могут объяснить причину собственного поведения или понять логику течения загадочных мыслей...

Вообще, дружба женская – понятие очень спорное. Отрицать ее наличие в дамском обществе было бы неправильно, однако под дружбой слабый пол понимает несколько иные отношения, чем сильный. Для мужчин дружба – это сотрудничество. Ведь еще в древние времена понимали - на мамонта одному идти страшно, да и глупо. Поэтому у мужчин дух команды заложен на подсознательном уровне. Они шестым чувством понимают: сегодня он прикрыл спину другу - завтра ему оказали ту же услугу. Все просто до банальности.

Рис. А. Народицкой

С женщинами вопрос более сложный. «Против кого дружить будем?» – этой фразой обычно начинаются шутки о женщинах. А если вспомнить древние века, то заниматься бытом и собирать провиант можно было и в одиночку, даже удобнее – весь урожай твой. К тому же лучшего в племени охотника себе заграбастать тоже проще и быстрее без конкуренток. Потому женщины в себе этого зова предков к дружеским отношениям между представительницами своего пола никогда не чувствовали. Да и сегодня, если рассказываешь кому-нибудь о подруге, в ответ видишь хитрую улыбку и ироничное качание головой. Мол, да-да, понимаю, подруга - явление не однозначное. Кстати, когда мужчины хотят иносказательно обвинить своих оппонентов в неискренности, они говорят, что их дружба похожа на женскую. Тем не менее женщины продолжают поддерживать друг с другом близкие отношения, называя их дружбой.

Лично у меня в жизни были разные истории: и счастливые отношения с верными подружками, и предательства. Но все же я оптимистка, и поэтому, наверное, у меня больше хорошего в жизни происходило. Я вообще считаю, каким ты рисуешь мир вокруг себя, таким он и будет. Я рисовала всегда яркими красками, и в моем воображении отношения были всегда со счастливым концом. Так, собственно, и происходит в реальности. Поэтому на своих соратниц по половой принадлежности жаловаться не буду. Но все-таки меня волнует вопрос – а как же на самом деле? Есть ли женская дружба вообще?

Моя мама говорила: «Настоящая подруга встречается так же редко, как настоящая любовь. И найти ее (подругу) - большое счастье!» Вот я и размышляю, есть ли оно, это счастье, в нашей жизни? Хочется верить, что есть... Но почему тогда в ответ на радостное приветствие после перерыва в общении, мы порой слышим сомнительные комплименты, что-то вроде: «Выглядишь обалденно! Поправилась - тебе очень идет!». И еще: «Хороший у тебя кавалер!

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

Вот только страшненький...» Или: «У тебя такая гладкая кожа, это редкость в твоём возрасте!». Вот и благодари потом за такой комплимент наотмашь, со всего размаха щедрой дружеской руки!

И вот что интересно, именно от женщин я порой слышала фразу – «терпеть не могу теток», или «не верю в женскую дружбу». Это что, противоречие между желанием и действительностью? Или у нас действительно нет логики? Смешно, но каждая из негативно высказавшихся тем не менее тянется к искренности и дружескому участию. Вот так уж мы, женщины, устроены, говорим «нет», подразумеваем «возможно, но при других обстоятельствах»...

Тебя не утомили мои мысли вслух? Нет? Ну, хорошо. А почему ты улыбаешься так иронично? Да я понимаю, что Америку не открываю, и что эту тему мусолят уже и долго и много. Но ведь никто еще не ответил на вопрос о женской дружбе однозначно. И эта тема продолжает волновать волнует, так же как и тема любви. Но об этом сегодня не будем, об этом в другой раз поговорим...

Что, тебе пора бежать? Конечно-конечно, спасибо за компанию! А я еще посижу, мне надо ответить на письмо старинной подруги. Только сегодня получила. Мы давно не виделись, и она пишет, что очень соскучилась и хочет встретиться. Лично я очень рада! Но... на всякий случай не буду рассказывать ей о своих успехах, а то мало ли что...

Ну, беги! До встречи!

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

Игорь Бурдонов
(МОССАЛИТ, Москва)

*Благоприятен брод через великую реку.
И Цзин – Канон Перемен*

ДЛИННАЯ РЕКА

(три стихотворения, написанные в Китае)

В пятнадцатый день восьмой Луны, в полнолуние, китайцы отмечают праздник середины осени – Чжу Цю Цзе. Полагается любоваться Луной, а ещё лучше – её отражением в воде, и искать в нём лунного зайца – юэ ту. Этот заяц толчёт в ступе кору коричневого дерева, приготавливая эликсир бессмертия для Чан Э, жены легендарного стрелка И. Когда-то на небе

Озеро Куньмин в парке Ихэюань

было десять солнц и они иссушали землю. Стрелок И сбил из своего лука девять из десяти солнц, совершил много других подвигов, и богиня запада Си Ванму подарила ему и его жене эликсир бессмертия. Но Чан Э, обманув мужа, выпила напиток одна и вознеслась на Луну, превратившись в небесную богиню, но в облике жабы. По другой версии, Чан Э была вынуждена это сделать, чтобы эликсир не достался Пэн Мэну – одному из учеников стрелка И, угрожавшему ей мечом. В этой версии Чан Э осталась столь же прекрасной, а жаба вместе с зайцем была просто её спутницей.

В 2008 году праздник пришёлся на 15 сентября, третий день нашего путешествия по Китаю, когда мы были в Пекине. Пекин по-китайски произносится как Бэй-цзин, что в переводе на русский язык означает «Северная столица». Нашим гидом в Пекине была молодая женщина, родом из Харбина, аспирантка Академии общественных наук. Её звали Нань Цин, а ещё она взяла себе русское имя Люба, а нам придумала китайские имена. Люба подарила нам коробку лунных пряников – юэ бин, которые полагается есть в день Чжу Цю Цзе.

Но в ночь с 14-го на 15-е небо заволочло тучами, и Луна скрылась за ними. Мы даже попали под дождь на улицах столицы.

А ещё Люба рассказывала нам про девятого сына

Пичу

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

дракона, которого зовут *Пичу*. Он питается золотом и серебром, и у него нет ануса, поэтому всё остаётся внутри. А это сулит его владельцу богатство и удачу. Но для этого нефритовую статуэтку *Пичу* нужно приучить к себе, и обязательно промыть глаза дождевой водой или снегом. Тогда он открывает глаза.

Наутро мы уже поднимались на Великую китайскую стену – *Чанг Ченг* (буквально «Длинная стена в 10 000 ли»). Вместе с нами поднимались сотни, если не тысячи, китайцев. «Если ты не побывал на Чанг Ченг – ты не настоящий китаец», – надпись, сделанная Мао Цзедуну у входа на отреставрированную часть Стены.

Тучи разошлись, рассвет был ясным, и солнце сияло. По «Книге Перемен» огонь после воды – триграмма *Ли*-огонь над триграммой *Кань*-вода – даёт гексаграмму *Вэй Цзи*, что значит «Ещё не конец». По традиции гексаграммы придумал основатель династии Чжоу, которая в 1122 г. до н.э. сменила династию Шан-Инь. Его посмертное имя – *Вэнь-ван* – Царь Просвещённый.

*И царь Просвещённый воскликнул: «О, горе!
О, горе великое царству Инь-Шан!»*

(Ши Цзин – Книга Песен)

Вэнь-ван «удвоил триграммы» и расположил их так, что гексаграмма *Вэй Цзи* – «Ещё не конец» – идёт после гексаграммы *Цзи Цзи* – «Уже конец» и оказывается последней, то есть иницирующей новый круг мировых перемен.

Так я написал своё первое стихотворение в Китае.

Лицзян. И. Бурдонов

Цзи Цзи   Вэй Цзи

Над столицей северной
в тучах укрылась Луна.
Только свет её виден,
сама же она не видна.
Это месяц восьмой,
и пятнадцатый день наступил.
Лунный пряник жую,
чай я тоже себе заварил.
Только лунного зайца
найти не могу я нигде.
Нет на небе его,
нет его и в озёрной воде.
Над столицей северной
ходит кругами гроза.
У дракона девятого
дождь открывает глаза.
Только я уж не верю
в богатство, что он принесёт.
Всё, что было, уплыло,
и нищим кончается год.
Над столицей вода,
над водою огонь и рассвет.
По гаданью выходит:
ещё не конец. Ещё нет.

После Пекина мы отправились в Западную столицу – знаменитую *Чанъань*, что в переводе значит «Долгий мир». И действительно, этот город существует больше 3000 лет, в его окрестностях раскопана неолитическая деревня, которой больше 5000 лет, и найдены древние стоянки человека полумиллионного возраста.

Теперь город называется Сиань. Как раз там в прошлом веке откопали терракотовое войско Цинь Шихуан-ди (первый император династии Цинь, 221–206 гг. до н. э.).

Терракотовая армия Цинь-Шихуан-ди

А на следующий день мы уже были в Чунцине, где, как говорят, самые красивые девушки Китая. Этот город у нас почему-то не так хорошо известен, как Пекин или Шанхай, а между тем в нем проживает больше 32 млн человек (с пригородами). Он даже старше Сиани: от эпохи Шан-Инь до династии Цинь (1600–221 г. до н.э.) на этом месте была столица царства Ба. Одно из прозвищ Чунцина - «Город красавиц», есть и другие: «Город мостов», «Печка Китая» (одна из трёх, летом здесь бывает жарковато), «Родина сычуаньской кухни» (самой острой из всех китайских кухонь, скажем прямо, не отличающихся пресностью), «Город на горах». Последнее – из-за холмистого ландшафта, так что Чунцин – один из немногих городов Китая, где мало велосипедов. А ещё – «Город туманов», потому что он расположен на впадении реки *Цзялин* в реку *Янцзы*, и речные туманы часто поднимаются на улицы и площади Чунцина.

Девушка из Чунцина

Отсюда мы отплывали на теплоходе по Янцзы. Кстати, сами китайцы называют эту реку *Чанцзян* – длинная река. И только ниже города *Янчжоу*, который известен со времён династии Цинь как *Янцзы*, река получает название *Янцзыцзян* – "река города *Янцзы*" или «голубая река».

Вечером первого дня наш гид, тоже молодая женщина с именем Ming Haizhen или, по-русски, Наташа, сказала, что группа туристов из Тайваня заказала экскурсию в город Байдичэн, и, если хотим, мы можем присоединиться к ним, заплатив по 200 юаней. Мы согласились и рано утром сошли с теплохода и отправились по мосту «Ветер и дождь» в город, расположенный на острове.

В китайских школах ученики учат наизусть стихотворение Ли Бо, которое называется «Рано утром выезжаю из города Байдичэн». В переводе Гитовича оно звучит так:

*Я покинул Боди,
  что стоит средь цветных облаков,
Проплывем по реке мы
  до вечера тысячу ли.
Не успел отзвучать еще
  крик обезьян с берегов —
А уж челн миновал
  сотни гор, что темнели вдали.*

Байдичэн

Каллиграфия Мао Цзедун в стиле

Китая посвящали свои стихи Городу Белого Царя, и почему сам Байдичэн называют ещё «Городом поэтов».

Байдичэн. И. Бурдонов

выше белые – а кажется, будто цветные, как пятицветные облака, на которых передвигаются даосские бессмертные. Я купил эту картину за 300 юаней, а ещё одну картину – в традиционном жанре бамбука – художник мне подарил.

Но Байдичэн – это не только «горы и воды» пейзажа и поэзии, это ещё и история. Начало нашей эры разделило четырёхсотлетнюю династию Хань на две почти равные части: более раннюю Западную Хань со столицей в Чанъани и Восточную Хань со столицей в городе Лоян. В 16-летнем промежутке власть узурпировал Ван Ман, основавший династию Синь («Новую династию»), единственным представителем которой он и был. Крестьянское восстание «Краснобровых» (в качестве опознавательного знака они красили брови в красный цвет) свергло Ван Мана и тем самым восстановило династию Хань, которая затем это восстание и подавила. В это время на юго-западе Китая, в Сычуани, военачальник Гунсунь Шу услышал во сне голос, который сказал ему: «Ты будешь править Поднебесной в течение 12 лет». Утром на второй день Гунсунь Шу увидел, как из колодца поднимается в воздух белый дым (туман?) в образе белого дракона. Гунсунь Шу решил, что это знак свыше и

Эти строки выбиты на гранитной плите, а рядом ещё две плиты. На одной – стихи любимого китайцами премьер-министра Чжоу Эньлая, а на другой – затейливый рисунок письма в травяном стиле. Наташа сказала: «Угадайте, кто это написал? Ну, конечно, это Мао Цзедун. В XX веке он был одним из немногих, кто умел писать этим стилем».

Утром с холма Байдичэна открывался фантастический по красоте вид на вход в ущелье Цюйтан – как на банкноте в 10 юаней :). Это первое и самое большое и глубокое, и одновременно самое узкое, из знаменитых Трёх Ущелий Янцзы. Каждый, кто это видел, понимал, почему великие поэты всех эпох

На теплоходе мне удалось выкроить пару часов, чтобы нарисовать несколько акварелей. Они все получились монохромные и размытые, потому что утром на Янцзы был туман, в котором таяли горы и краски, и даже солнце походило бледную луну. Там, на теплоходе, я познакомился с китайским художником Ху Ши Ронгом, родом из Чунцина. Я удивился, когда он сразу узнал на моих расплывчатых акварелях холм Байдичэна над длинной рекой. У него самого была картина, написанная, наверное, в более солнечную погоду: там над белым туманом реки поднимаются цветные горы и город. И хотя и туман, и облака в горах и

Байдичэн. Ху Ши Ронг

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

наделил себя титулом Сына Неба. Он стал называть себя «Белым императором» и основал город «Байдичэн» – Город (буквально Стена) Белого Императора. Через 12 лет армия первого императора Восточной Хань, Лю Сю, атаковала войска Гунсунь Шу, и тот был смертельно ранен. Тем не менее в Байдичэне одно из красивейших зданий – Храм Белого Императора.

Умиравший Лю Бэй велит своим детям поклониться Чжугэ Ляну

Через 200 лет после этих событий династия Хань пала, и в Китае наступил период троецарствия, когда Сынами Неба объявили себя три человека. Одним из них был Лю Бэй, основавший царство Шу в Сычуани. В 223 г. он умирает в Байдичэне, оставляя наследника на попечение своего премьер-министра и выдающегося военачальника, даоса Чжугэ Ляна, прозванного за хитрость и удачу «Невидимым драконом», когда тот отказывается от предложения самому занять престол царства Шу. Об этом можно прочитать в 85-ой главе знаменитого китайского

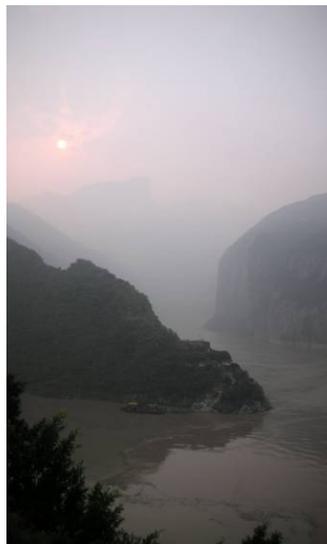
романа «Троецарствие». Или увидеть в специальном павильоне в Байдичэне, где деревянные раскрашенные скульптуры изображают всех персонажей этой сцены в натуральный рост

Так я написал своё второе стихотворение в этом путешествии по Китаю. Оно называется «БАЙДИЧЭН».

Над длинной рекой туман.
То ли был, то ли нет Байдичэн.
Только чудится крик обезьян.
Корабельный кричит ревун.

Видел строки, что Мао Цзедун
Начертал травяным письмом
На гранитной стене о том,
Что и он покидал Байдичэн.

Облаков пятицветных нет.
Я не трогаю красок цвет –
Разливается бледная тушь.
Как узнал благородный муж
На картине моей Байдичэн?

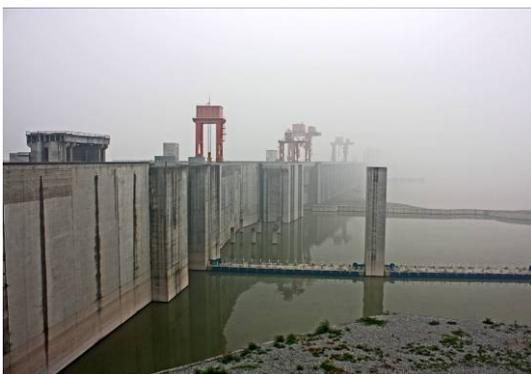
Ущелье Цюйтан

Удаляюсь от тёмных стен.
Охватила внезапно грусть:
Что покинул? Куда вернусь?

Удаляюсь от тёмных скал.
Что я в городе том искал?
Что нашёл я и что потерял?

Удаляюсь от тёмных гор.
Будет время туманить взор.
Будет память рождать обман.

А над длинной рекой туман,
Где-то там, где-то там
Байдичэн.

Плотина у города Ичан

Наше путешествие по длинной реке закончилось в городе *Ичан*. Здесь строят гигантскую двухкилометровую плотину. Электростанция «Три ущелья» – самая большая в мире. Теперь она уже введена в строй, и, увы, три ущелья на реке Янцзы в значительной мере затоплены. Предполагается, что плотина положит конец разрушительным наводнениям, с которыми китайцы борются на протяжении всей своей многотысячелетней истории, начиная с Усмирителя Вод – *Великого Юя*, основателя

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

первой династии Ся в 2070 году до н.э. Этот Юй был так занят работой по укрощению наводнений, что, многократно проходя мимо своего дома, никогда не мог зайти повидаться с женой, даже тогда, когда жена родила ему сына. Впрочем, Юй знаменит тем, что для борьбы с наводнениями строил не плотины, перекрывающие потоки вод, а как раз наоборот – прокладывал новые русла и расчищал старые.

Идея строительства плотины возникла в начале XX века, её сторонником был Сунь Ятсен. В стихотворении Мао Цзедуня «Плавание», написанном через два года после ужасного наводнения на Янцзы в 1954 г., есть такие строки (пер. А.Панцова):

*Каменная плотина
на западе реку стиснет,
Тучи и дождь Ушани
не будут нам больше страшны.
Горные пики вровень
с озером чистым встанут.
И если жива Богиня,
Мир новый её удивит!*

Текст о плотине «Три ущелья»

Размах и мощь плотины поражают воображение. А ещё больше поражают факты: ГЭС «Три ущелья» вырабатывает столько же энергии, сколько 15 атомных электростанций; за время строительства затоплено 13 городов, 140 посёлков и 1300 деревень, пришлось переселить 1,3 миллиона человек. Но это всё же лучше, чем 14 миллионов, которые лишились своих домов после одного наводнения 1998 г., унесшего жизни 4000 китайцев.

В то утро опять стоял густой туман. Янцзы вообще не было видно, а плотина уходила в никуда и таяла через несколько сотен метров. Наш гид Наташа подошла ко мне и сказала: «На том берегу, как раз там, куда уходит плотина, находятся родные места Цюй Юаня».

**Портрет Цюй Юаня
Chen Hongshou (1598-1652)**

Цюй Юань жил в 4-3 вв. до н.э. Это первый великий китайский поэт, известный нам по имени. Родом из царства Чу, Цюй Юань жил в эпоху Чжаньго – "Сражающихся царств". Ему суждено было пережить печальный период падения династии и господства бездарности на престоле Чуского государства. Сыма Цянь отмечал в своих "Исторических записках": "Цюй Юань писал стихи, с помощью которых надеялся исправить зло". До нас дошли его произведения "«Плач о столице Ин»", "Вопросы к Небу", "Призывание души", а также знаменитая поэма «Ли Сао» – «Скорбь изгнанника», которую можно прочесть в переводе Анны Ахматовой. Игорь Самойлович Лисевич приводит версию ритуального трансового путешествия в потусторонний мир, аналогичного путешествиям шаманов и оракулов (возможно, с использованием психотропных средств). Этим можно объяснить как значительное число фантастических образов, так и то, что Цюй Юань сообщает свое имя и имена предков не в конце, как обычно, а в начале произведения, как бы представляясь перед тем, как войти в мир духов. Цюй Юань пережил одиночество, непонимание и изгнание. Жизнь поэта закончилась трагически. Согласно Сыма Цяню, его последнее произведение – ода "С камнем в объятиях".

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

Написав это стихотворение, Цюй Юань обнял камень и бросился в воды реки Мило. С конца эпохи Хань день смерти поэта отмечают гонками на драконовых лодках по водам Чанцзян.

Третье стихотворение, написанное в Китае, называется «ПЛОТИНА У ГОРОДА ИЧАН».

За спиной моей город Ичан.
Под ногами клубится туман.
Утонула в тумане Чанцзян.

Словно движется Юй-великан,
Уплывает плотина в туман.
Словно мост через длинное небо.
Словно путь через длинное время.
Словно кто-то зовёт меня в серую мглу.

Там, на другом берегу
С камнем в объятиях тень Цюй Юаня.
Песня печальная тает в тумане.

Жаль, перебраться на берег другой,
Нет, не пускает меня часовой.

То выше, то ниже колышет туман.
Медленно-медленно дышит Чанцзян.

На этом наше путешествие не закончилось.

Был ещё ночной поезд до Лючжоу.

Был город Гуйлинь среди высоких округлых гор,
будто сошедших с китайских свитков.

Была река Ли среди таких же округлых гор, у каждой из которых имелось своё имя, и мы пытались угадывать их имена. Вдоль берегов тянулись заросли бамбука. Можно было увидеть водяных буйволов, плывущих вдоль берега или жующих водоросли со дна реки. Иногда попадались рыбацьи лодки с бакланами, которые ловили рыбу для своих хозяев. Но гораздо чаще встречались бамбуковые плоты в пять стволов, которые брали на бордаж наш корабль, правда, не с целью грабежа, а всего лишь для продажи сувениров иностранным туристам. Но главное на реке Ли – уникальные по своей живописности пейзажи, как на банкноте в двадцать юаней.

На Янцзы. И. Бурдонов

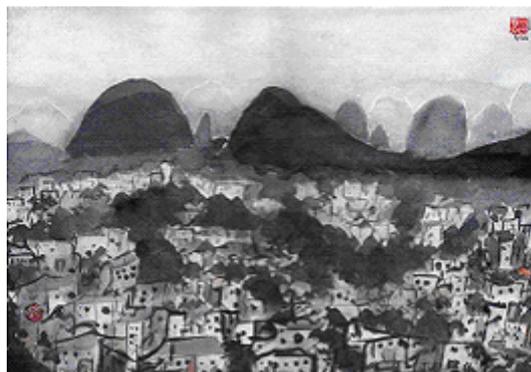
По дороге в Личжоу. И. Бурдонов

Московский BAZAR, № 1 (3) 2012 г.

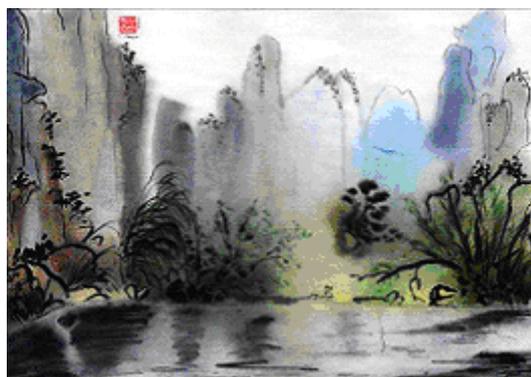
Был город Яншо с феерическим ночным представлением на воде. Его придумал режиссёр Чжан Имоу, который поставил открытие Олимпиады в Пекине. А играют сотни жителей города и окрестных деревень: днём работают, а вечером играют.

Было прощание с нашей Наташей и перелёт в Шанхай. И сам Шанхай с его четырьмя сотнями небоскрёбов, который ещё совсем недавно (по китайским меркам) был просто деревней. И древний Сучжоу, недалеко от Шанхая, с его знаменитыми садами, насчитывающими сотни лет.

Но всё это ещё впереди – и стихи, и картины, которые я надеялся писать на китайской бумаге китайской тушью большой китайской кистью и ставить в углу картины маленькую печать киноварью – всё это я привёз из Китая в Москву. Но больше всего я надеялся ещё раз побывать в Китае, хотя китайцы и не страдают от малочисленности иностранных туристов – они сами обожают путешествовать по своим городам, горам и водам.

Гуйлин И. Бурдонов

Река Ли. И. Бурдонов